

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

1

1938

РЕЧЬ ТОВАРИЩА И. В. СТАЛИНА на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г. в Большом театре

Председательствующий. Слово предоставляется нашему кандидату товарищу Сталину.

Появление на трибуне товарища Сталина встречается избирателями бурей оваций, которая длится в течение нескольких минут. Весь зал Большого театра стоя приветствует товарища Сталина. Из зала непрерывно раздаются возгласы: «Да здравствует великий Сталин, ура!», «Творцу самой демократической в мире Советской Конституции товарищу Сталину, ура!», «Да здравствует вождь угнетенных всего мира, товарищ Сталин, ура!»

СТАЛИН. Товарищи, признаться я не имел намерения выступать. Но наш уважаемый Никита Сергеевич, можно сказать, силком пригласил меня сюда, на собрание: скажи, говорит, хорошую речь. О чем сказать, какую именно речь? Все, что нужно было сказать перед вами, уже сказано и пересказано в речах наших руководящих товарищей Калинина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, Ежова и многих других ответственных товарищей. Что еще можно прибавить к этим речам?

Требуется, говорят, разъяснения по некоторым вопросам избирательной кампании. Какие разъяснения, по каким вопросам? Все, что нужно было разъяснить, уже разъяснено и переразъяснено в известных обращениях партии большевиков, комсомола, Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов, Осоавиахима, Комитета по делам физкультуры. Что еще можно прибавить к этим разъяснениям?

Конечно, можно было бы сказать эдакую легкую речь обо всем и ни о чем (легкий

смех). Возможно, что такая речь позабавила бы публику. Говорят, что мастера по таким речам имеются не только там, в капиталистических странах, но и у нас, в советской стране (смех, аплодисменты). Но, во-первых, я не мастер по таким речам. Во-вторых, стоит ли нам заниматься делами забавы теперь, когда у всех у нас, большевиков, как говорится, «от работ полон рот». Я думаю, что не стоит.

Ясно, что при таких условиях хорошей речи не скажешь.

И все же, коль скоро я вышел на трибуну, конечно, приходится так или иначе сказать хотя бы кое-что (шумные аплодисменты).

Прежде всего я хотел бы принести благодарность (аплодисменты) избирателям за доверие, которое они оказали (аплодисменты).

Меня выставили кандидатом в депутаты и избирательная комиссия Сталинского округа советской столицы зарегистрировала меня как кандидата в депутаты. Это, товарищи, большое доверие. Разрешите принести вам глубокую большевистскую благодарность за то доверие, которое вы оказали партии большевиков, членом которой я состою и лично мне, как представителю этой партии (шумные аплодисменты).

Я знаю, что значит доверие. Оно, естественно, возлагает на меня новые, дополнительные обязанности и, стало-быть, новую, дополнительную ответственность. Что же, у нас, у большевиков, не принято отказываться от ответственности. Я ее принимаю с охотой (бурные продолжительные аплодисменты).

Со своей стороны я хотел бы заверить вас,

товарищи, что вы можете смело положиться на товарища Сталина (**бурная, долго несмолкающая овация. Возглас из зала: «А мы все за товарищем Сталиным!»**). Можете рассчитывать на то, что товарищ Сталин сумеет выполнить свой долг перед народом (**аплодисменты**), перед рабочим классом (**аплодисменты**), перед крестьянством (**аплодисменты**), перед интеллигенцией (**аплодисменты**).

Далее, я хотел бы, товарищи, поздравить вас с наступающим всенародным праздником, с днем выборов в Верховный Совет Советского Союза (**шумные аплодисменты**). Предстоящие выборы это не просто выборы, товарищи. Это действительно всенародный праздник наших рабочих, наших крестьян, нашей интеллигенции (**бурные аплодисменты**). Никогда в мире еще не бывало таких действительно свободных и действительно демократических выборов, никогда! История не знает другого такого примера (**аплодисменты**). Дело идет не о том, что у нас будут выборы всеобщие, равные, тайные и прямые, хотя уже это само по себе имеет большое значение. Дело идет о том, что всеобщие выборы будут проведены у нас как наиболее свободные выборы и наиболее демократические в сравнении с выборами любой другой страны в мире.

Всеобщие выборы проходят и имеют место и в некоторых капиталистических странах, так называемых, демократических. Но в какой обстановке там проходят выборы? В обстановке классовых столкновений, в обстановке классовой вражды, в обстановке давления на избирателей со стороны капиталистов, помещиков, банкиров и прочих акул капитализма. Нельзя назвать такие выборы, даже если они всеобщие, равные, тайные и прямые, вполне свободными и вполне демократическими выборами.

У нас, в нашей стране, наоборот, выборы проходят в совершенно другой обстановке. У нас нет капиталистов, нет помещиков, стало быть, и нет давления со стороны имущих классов на неимущих. У нас выборы проходят в обстановке сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции, в обстановке взаимного их доверия, в обстановке, я бы сказал, взаимной дружбы, потому что у нас нет капиталистов, нет помещиков, нет эксплуатации и некому, собственно, давить на народ для того, чтобы исказить его волю.

Вот почему наши выборы являются единственными действительно свободными и действительно демократическими во всем мире (**шумные аплодисменты**).

Такие свободные и действительно демократические выборы могли возникнуть только на почве торжества социалистических порядков,

только на базе того, что у нас социализм не просто строится, а уже вошел в быт, в повседневный быт народа. Лет 10 тому назад можно было бы дискутировать о том, можно ли у нас строить социализм или нет. Теперь это уже не дискуссионный вопрос. Теперь это вопрос фактов, вопрос живой жизни, вопрос быта, который пронизывает всю жизнь народа. На наших фабриках и заводах работают без капиталистов. Руководят работой люди из народа. Это и называется у нас социализмом в быту, это и называется у нас свободной, социалистической жизнью.

Вот на этой базе и возникли у нас новые, действительно свободные и действительно демократические выборы, выборы, примера которых нет в истории человечества.

Как же после этого не поздравить вас с днем всенародного торжества, с днем выборов в Верховный Совет Советского Союза! (**Бурная овация всего зала.**)

Дальше я хотел бы, товарищи, дать вам совет, совет кандидата в депутаты своим избирателям. Если взять капиталистические страны, то там между депутатами и избирателями существуют некоторые своеобразные, я бы сказал, довольно странные отношения. Пока идут выборы, депутаты заигрывают с избирателями, лебезят перед ними, клянутся в верности, дают кучу всяких обещаний. Выходит, что зависимость депутатов от избирателей полная. Как только выборы состоялись и кандидаты превратились в депутатов, — отношения меняются в корне. Вместо зависимости депутатов от избирателей, получается полная их независимость. На протяжении 4-х или 5-ти лет, т. е. вплоть до новых выборов, депутат чувствует себя совершенно свободным, независимым от народа, от своих избирателей. Он может перейти из одного лагеря в другой, он может свернуть с правильной дороги на неправильную, он может даже запутаться в некоторых махинациях не совсем потребного характера, он может кувыряться, как ему угодно, — он независим.

Можно ли считать такие отношения нормальными? Ни в коем случае, товарищи. Это обстоятельство учла наша Конституция и она провела закон, в силу которого избиратели имеют право досрочно отозвать своих депутатов, если они начинают финтить, если они свертывают с дороги, если они забывают о своей зависимости от народа, от избирателей.

Это замечательный закон, товарищи. Депутат должен знать, что он слуга народа, его

посланец в Верховный Совет и он должен вести себя по линии, по которой ему дан наказ народом. Свернул с дороги, избиратели имеют право потребовать назначения новых выборов, и депутата, свернувшего с дороги, они имеют право прокатать на вороных **(смех, аплодисменты)**. Это замечательный закон. Мой совет, совет кандидата в депутаты своим избирателям, помнить об этом праве избирателей, — о праве досрочного отзыва депутатов, следить за своими депутатами, контролировать их и, ежели они вздумают свернуть с правильной дороги, смахнуть их с плеч, потребовать назначения новых выборов. Правительство обязано назначить новые выборы. Мой совет — помнить об этом законе и использовать его при случае.

Наконец, еще один совет кандидата в депутаты своим избирателям. Чего нужно вообще требовать от своих депутатов, если взять из всех возможных требований наиболее элементарные требования?

Избиратели, народ должны требовать от своих депутатов, чтобы они оставались на высоте своих задач, чтобы они в своей работе не спускались до уровня политических обывателей, чтобы они оставались на посту политических деятелей ленинского типа, чтобы они были такими же ясными и определенными деятелями, как Ленин **(аплодисменты)**, чтобы они были такими же бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа, каким был Ленин **(аплодисменты)**, чтобы они были свободны от всякой паники, от всякого подобия паники, когда дело начинает осложняться и на горизонте вырисовывается какая-нибудь опасность, чтобы они были также свободны от всякого подобия паники, как был свободен Ленин **(аплодисменты)**, чтобы они были также мудры и неторопливы при решении сложных вопросов, где нужна всесторонняя ориентация и всесторонний учет всех плюсов и минусов, каким был Ленин **(аплодисменты)**, чтобы они были также правдивы и честны, каким был Ленин **(аплодисменты)**, чтобы они также любили свой народ, как любил его Ленин **(аплодисменты)**.

Можем ли мы сказать, что все кандидаты в депутаты являются именно такого рода деятелями? Я бы этого не сказал. Всякие бывают люди на свете, всякие бывают деятели на свете. Есть люди, о которых не скажешь, кто он такой, то ли он хорош, то ли он плох, то ли мужественен, то ли трусоват, то ли он за народ до конца, то ли он за врагов народа. Есть такие люди и есть такие деятели. Они имеются

и у нас, среди большевиков. Сами знаете, товарищи, семья не без уroda **(смех, аплодисменты)**. О таких людях неопределенного типа, о людях, которые напоминают скорее политических обывателей, чем политических деятелей, о людях такого неопределенного, неформленного типа довольно метко сказал великий русский писатель Гоголь: «Люди, говорит, неопределенные, ни то, ни се, не поймешь, что за люди, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан» **(смех, аплодисменты)**. О таких неопределенных людях и деятелях также довольно метко говорится у нас в народе: «так себе человек — ни рыба, ни мясо» **(общий смех, аплодисменты)**, «ни богу свечка, ни черту кочерга» **(общий смех, аплодисменты)**.

Я не могу сказать с полной уверенностью, что среди кандидатов в депутаты (я очень извиняюсь перед ними, конечно) и среди наших деятелей не имеется людей, которые напоминают скорее всего политических обывателей, которые напоминают по своему характеру, по своей физиономии людей такого типа, о которых говорится в народе: «ни богу свечка, ни черту кочерга» **(смех, аплодисменты)**.

Я бы хотел, товарищи, чтобы вы влияли систематически на своих депутатов, чтобы им внушали, что они должны иметь перед собой великий образ великого Ленина и подражать Ленину во всем **(аплодисменты)**.

Функции избирателей не кончаются выборами. Они продолжают на весь период существования Верховного Совета данного созыва. Я уже говорил о законе, дающем право избирателям на досрочный отзыв своих депутатов, если они сворачивают с правильной дороги. Стало быть, обязанность и право избирателей состоят в том, чтобы они все время держали под контролем своих депутатов и чтобы они внушали им — ни в коем случае не спускаться до уровня политических обывателей, чтобы они — избиратели внушали своим депутатам — быть такими, каким был великий Ленин **(аплодисменты)**.

Таков, товарищи, мой второй совет вам, совет кандидата в депутаты, своим избирателям. **(Бурные, долго несмолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают и обращают свои взоры в правительственную ложу, куда проходит товарищ Сталин. Раздаются возгласы: «Великому Сталину, ура!», «Товарищу Сталину, ура!», «Да здравствует товарищ Сталин, ура!», «Да здравствует первый ленинец — кандидат в депутаты Совета Союза — товарищ Сталин! Ура!»)**

Сообщение Центральной избирательной комиссии

об общих итогах выборов в Верховный Совет СССР

По сведениям избирательных округов на 12 часов ночи 14-го декабря 1937 года зарегистрировано избрание всех 1.143-х депутатов Верховного Совета СССР. Все избранные депутаты являются кандидатами блока коммунистов и беспартийных.

Подсчет количества избирателей, принимавших участие в голосовании, в основном закончен, если не считать нескольких наиболее отдаленных и небольших избирательных участков, сведения которых могут несколько увеличить количество голосовавших. По СССР зарегистрировано 93.639.478 человек, имеющих право голоса на выборах в Верховный Совет СССР. По данным избирательных округов из этого количества избирателей приняло участие в голосовании 90.319.346 человек, что составляет 96,5 проц. от общего количества граждан, пользующихся правом голоса.

По РСФСР из 60.351.656 человек, имеющих право голоса на выборах в Верховный Совет СССР, приняло участие в голосовании 58.257.245 человек, что составляет 96,5 проц. от общего количества граждан, пользующихся правом голоса.

По Украинской ССР из 17.530.751 человека, имеющих право голоса на выборах в Верховный Совет СССР, приняло участие в голосовании 17.098.100 человек, что составляет 97,5 проц. от общего количества граждан, пользующихся правом голоса.

По Белорусской ССР из 3.007.342 человек, имеющих право голоса на выборах в Верховный Совет СССР, приняло участие в голосовании 2.926.771 человек, что составляет 97,3 проц. от общего количества граждан, пользующихся правом голоса.

По Азербайджанской ССР из 1.648.653 человек, имеющих право голоса на выборах в Верховный Совет СССР, приняло участие в голосовании 1.574.792 человека, что составляет 95,5 проц. от общего количества граждан, пользующихся правом голоса.

По Грузинской ССР из 1.940.547 человек, имеющих право голоса на выборах в Верховный Совет СССР, приняло участие в голосовании 1.861.175 человек, что составляет 95,9 проц. от общего количества граждан, пользующихся правом голоса.

По Армянской ССР из 620.220 человек, имеющих право голоса на выборах в Верховный Совет СССР, приняло участие в голосовании 590.641 человек, что составляет 95,2 проц. от общего количества граждан, пользующихся правом голоса.

По Туркменской ССР из 652.515 человек, имеющих право голоса на выборах в Верховный Совет СССР, приняло участие в голосовании 621.847 человек, что составляет 95,3 проц. от общего количества граждан, пользующихся правом голоса.

По Узбекской ССР из 3.548.441 человека, имеющих право голоса на выборах в Верховный Совет СССР, приняло участие в голосовании 3.316.481 человек, что составляет 93,5 проц. от общего количества граждан, пользующихся правом голоса.

По Таджикской ССР из 751.798 человек, имеющих право голоса на выборах в Верховный Совет СССР, приняло участие в голосовании 710.871 человек, что составляет 94,6 проц. от общего количества граждан, пользующихся правом голоса.

По Казахской ССР из 2.788.147 человек, имеющих право голоса на выборах в Верховный Совет СССР, приняло участие в голосовании 2.616.776 человек, что составляет 93,9 проц. от общего количества граждан, пользующихся правом голоса.

По Киргизской ССР из 799.408 человек, имеющих право голоса на выборах в Верховный Совет СССР, приняло участие в голосовании 744.647 человек, что составляет 93,1 проц. от общего количества граждан, пользующихся правом голоса.

Из 1.143-х избранных депутатов — 855 коммунистов и 288 беспартийных. Женщин среди депутатов — 184, мужчин — 959.

Сообщение Центральной избирательной комиссии

о количестве избирателей, голосовавших за кандидатов блока коммунистов и беспартийных на выборах в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 года

В течение 15 и 16 декабря 1937 года в Центральную избирательную комиссию поступили данные от ряда отдаленных избирательных участков, от поездов и пароходов в пути, от которых до сих пор не было полных сведений. В связи с этим количество избирателей по СССР окончательно определилось в 94.138.159 человек (на 498.681 чел. больше, чем было объявлено 15 декабря), равно как увеличилось количество принимавших участие в голосовании до 91.113.153 человек (на 793.807 чел. сравнительно с тем, что было объявлено 15 декабря), что составляет 96,8 проц. к числу избирателей.

Получение указанных данных дало Центральной избирательной комиссии возможность подытожить количество голосов, поданных по всем округам за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

Во всех избирательных округах по выборам в Совет Союза за кандидатов блока коммунистов и беспартийных голосовало

89.844.271 человек, что составляет 98,6 проц. всего числа участвовавших в голосовании. Бюллетеней, признанных недействительными на основании ст. 90 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», оказалось 636.808. Бюллетеней, в которых зачеркнуты фамилии кандидатов, — 632.074.

Во всех избирательных округах по выборам в Совет Национальностей от Союзных республик за кандидатов блока коммунистов и беспартийных голосовало 89.063.169 человек, что составляет 97,8 проц. всего числа участвовавших в голосовании. Бюллетеней, признанных недействительными на основании ст. 90 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», оказалось 1.487.582. Бюллетеней, в которых зачеркнуты фамилии кандидатов, — 562.402.

По отдельным союзным республикам итоги выборов в Совет Союза и в Совет Национальностей (от союзных республик) даются в следующей таблице:

Наименование союзной республики	Число избирателей	Участвовало в голосовании		Голосовало за кандидатов блока коммунистов и беспартийных			
		В абс. цифрах	В % к числу избирателей	В Совет Союза		В Совет Национальностей	
				В абс. цифрах	В % к числу голосовавших	В абс. цифрах	В % к числу голосовавших
РСФСР	60 571 292	58 623 335	96,8	57 687 755	98,4	57 142 882	97,5
Украинская ССР	17 539 876	17 156 273	97,8	16 980 303	99,0	16 799 399	97,9
Белорусская ССР	3 007 342	2 929 666	97,4	2 892 815	98,7	2 884 244	98,4
Азербайджанская ССР	1 648 877	1 577 117	95,6	1 564 183	99,2	1 555 523	98,6
Грузинская ССР	1 940 547	1 866 189	96,2	1 849 932	99,1	1 847 367	99,0
Армянская ССР	620 220	596 675	96,2	592 146	99,2	592 682	99,3
Туркменская ССР	691 925	651 962	94,2	647 345	99,3	644 329	98,8
Узбекская ССР	3 548 441	3 319 216	93,5	3 286 897	99,0	3 274 473	98,6
Таджикская ССР	774 864	738 099	95,3	728 656	98,7	726 064	98,4
Казахская ССР	2 995 367	2 901 072	96,9	2 882 844	99,4	2 862 726	98,7
Киргизская ССР	799 408	753 549	94,3	731 395	97,1	733 480	97,3
Итого по СССР	94 138 159	91 113 153	96,8	89 844 271	98,6	89 063 169	97,8

Во всех избирательных округах по выборам в Совет Национальностей от автономных республик, автономных областей и национальных округов число избирателей составляет 10.353.188 человек. В голосовании приняли участие 9.954.133 человека, то-есть 96,2 проц. За кандидатов блока коммунистов и беспартийных голосовало в этих округах

9.757.435 человек, то-есть 98,0 проц. всего числа участвовавших в голосовании. Бюллетеней, признанных недействительными на основании ст. 90 «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», оказалось 61.784. Бюллетеней, в которых зачеркнуты фамилии кандидатов, — 134.914.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ
ПО ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Справка о том, на какое количество избирателей опирается правительство в СССР и правительства в других странах

Выборы в Верховный Совет СССР, происходившие на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании, показали всему миру силу и могущество советского строя, непоколебимое доверие и любовь народов нашей страны к партии Ленина—Сталина. На выборах 12 декабря 1937 года блок коммунистов и беспартийных одержал блестящую победу. Ни одно буржуазное правительство не могло и мечтать о таких итогах избирательной кампании, какие получили мы на выборах Верховного Совета. Во всех без исключения избирательных округах прошли кандидаты блока коммунистов и беспартийных!

Население нашей страны показало необычайно возросшую политическую активность. К избирательным урнам явилось 96,8 проц. населения, пользующегося избирательным правом. Такой активности в избирательных кампаниях не знает ни одно государство. Господствующие в капиталистических странах классы заинтересованы в политической пассивности населения. «У нас, в нашей стране, наоборот, выборы проходят в совершенно другой обстановке. У нас нет капиталистов, нет помещиков, стало-быть, и нет давления со стороны имущих классов на неимущих. У нас выборы проходят в обстановке сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции, в обстановке взаимного их доверия, в обстановке, а бы ска-

зал, взаимной дружбы, потому что у нас нет капиталистов, нет помещиков, нет эксплуатации и некому, собственно, давить на народ для того, чтобы исказить его волю». (Сталин.)

Выборы в СССР являются действительно свободными и единственно демократическими во всем мире. Партия Ленина—Сталина сделала все необходимое, чтобы каждый избиратель мог выполнить свой почетный гражданский долг.

Народы СССР показали 12 декабря 1937 года высокую политическую зрелость. Они единодушно голосовали за партию Ленина—Сталина, за Советское Правительство. Ни одно правительство в мире никогда не опиралось на такое количество избирателей, на какое опирается правительство страны Советов. Ни одна партия в мире не имела такого высокого процента голосов, за, какой получила партия большевиков.

Предоставим слово цифрам. Ниже мы приводим данные о количестве голосов, поданных на выборах за правительственные партии в Англии, США, Франции и Японии, а также в СССР за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

Как читатель видит, мы не приводим данных по Польше и Германии. Голосование в Польше за так называемый «беспартийный блок сторонников правительства» не показательно, ибо население Польши бойкотировало выборы, в голосовании участвова-

Данные о числе голосов, полученных правительственными партиями

Страны	Дата выборов	Голосовало		Подано голосов за правящую партию	
		Число	В % к числу избирателей	Число	В % к числу голосовавших
Англия	Парламентские 1935 г.	22 001 837	71,9	11 791 461	53,6
США	Президентские 1936 г.	45 812 155	83,3	27 752 000	60,5
Франция	Парламентские 1936 г.	9 938 058	83,9	5 628 921	56,6
Япония	Парламентские 1937 г.	10 204 127	69,9	минсейто— 3 667 783 сейюкай— 3 584 276	71,0
				в Совет Союза 89 844 271	
СССР	12 декабря 1937 г.	91 113 153	96,8	в Совет Национальностей 89 063 169	97,8
		За блок коммунистов и беспартийных			

ло лишь 46,6 проц. избирателей. Что касается фашистской Германии, то там население лишено каких бы то ни было демократических прав и свобод.

О чем говорит приведенная нами таблица? В Англии на парламентских выборах 1935 го-

да победил блок консерваторов с национал-либералами и национал-лейбористами. Под эгидой консерваторов этот блок собрал 11.791.461 голос, что составляет всего 53,6 проц. от числа голосовавших. Свыше 10 млн. человек — несколько меньше половины всех избирателей! —

голосовали против господства консерваторов. Классовые противоречия в Англии необычайно обостряются. Правительство так называемого «национального блока» опирается на чрезвычайно незначительное большинство избирателей.

В Соединенных Штатах Америки на президентских выборах 1936 года демократы одержали огромную победу — они собрали 27,7 млн. голосов, что составляет 60,5 проц. всех голосовавших. Но другая буржуазная партия США, конкурирующая с Рузвельтом, — мы имеем в виду республиканскую партию, — собрала 16,6 млн. голосов. Если учесть, что остальные голоса разбились между различными партиями и группами, то будет понятна сложность обстановки в США, где население по сути дела разбито на несколько лагерей. Правительство США никак не может сказать, что оно опирается на весь народ, на всю нацию. Такое право не дано ни одному буржуазному правительству. Так может говорить только правительство страны Советов, опирающееся на весь великий трудовой народ, получившее мандат всей нации.

Во Франции на парламентских выборах 1936 года победил народный фронт. Он собрал 5,6 млн. голосов из числа 9,9 млн. избирателей, то-есть 56,6 проц. Это была огромная победа. Правительство народного фронта наиболее близко, из всех правительств капиталистических стран, выражает интересы народа. Но и оно не имеет тех глубоких корней в стране, какие имеет правительство страны Советов. 20 лет пролетарской революции и великая победа социализма сказались так глубоко на политическом и моральном единстве населения, что Советский Союз превратился в неприступную крепость социализма.

В Японии на выборах в 1937 году голосовало за партии сейюкай и минсейто около 7.200 тыс. человек. Составляя большинство в парламенте, эти партии разыгрывают иногда оппозицию к правительству, на деле поддерживая его авантюры. Избирательная система Японии и других буржуазных стран отражает народную волю в кривом зеркале. Но и при этом усло-

вии господствующие партии Японии опираются лишь на 71 проц. участвовавших в голосовании.

Лишь в Советском Союзе народ выражает свою волю открыто. Всеобщие выборы в Верховный Совет проведены наиболее демократично. День 12-ое декабря 1937 года стал днем подлинно всенародного праздника. За блок коммунистов и беспартийных, за партию Ленина — Сталина голосовало: в Совет Союза 89,8 млн. человек, в Совет Национальностей — 89 млн. чел. Правительство советов является единственным в мире, за которое голосовало 98,6 проц. всего числа участвовавших в голосовании.

Наш народ проголосовал за победу социализма в нашей стране, за торжество колхозного строя, за всю внутреннюю и внешнюю политику Сталинского Центрального Комитета и Советского Правительства. Народы нашей страны показали, что они гордятся своей властью и будут ее защищать всеми средствами!

Правительства Англии, США, Франции и Японии получили в совокупности около 50 млн. голосов. Советское правительство получило почти вдвое больше голосов, чем все перечисленные правительства вместе взятые! Такой победы на выборах не знало и не может знать ни одно буржуазное правительство. Великая социалистическая революция не только раскрепостила народы нашей страны от власти капиталистов и помещиков, но она уже успела показать народу все преимущества нового строя, несущего населению счастливую и зажиточную жизнь.

Советский народ голосовал за непобедимый Сталинский блок коммунистов и беспартийных, за власть Советов, за большевистскую партию, за великого вождя Сталина.

Советское правительство — самое сильное и самое прочное в мире правительство! Советское правительство — подлинно народное правительство!

О созыве первой сессии Верховного Совета СССР

Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР

Президиум Центрального Исполнительного Комитета СССР на основании статьи 55 Конституции СССР постановляет:

Созвать первую сессию Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик 12 января 1938 г. в г. Москве.

**Председатель Центрального Исполнительного
Комитета СССР М. КАЛИНИН**

**Секретарь Центрального Исполнительного
Комитета СССР А. ГОРКИН**

Москва, Кремль, 19 декабря 1937 г.

Верховный Совет СССР избран¹

12 января 1938 года, через месяц после выборов, открывается 1-я сессия Верховного Совета СССР. Вступает в свои права высший орган государственной власти Союза Советских Социалистических Республик.

Избрание Верховного Совета СССР является политическим событием, имеющим исключительное, всемирноисторическое значение. Это относится не только к самому факту выборов в Верховный Совет СССР, ознаменовавшихся блестящей победой блока коммунистов и беспартийных (что само по себе представляет факт исключительного общественно-политического значения), но и к тому, как проходила избирательная кампания по выборам в Верховный Совет СССР, и к тому, как подготавливалось рождение великой Сталинской Конституции.

Проект новой Конституции СССР, разработанный Конституционной комиссией под непосредственным руководством товарища Сталина, был передан на всенародное обсуждение. Обсуждение, длившееся 5 месяцев, было действительно всенародным: в нем принимали участие сотни тысяч рабочих, колхозников, учителей, врачей, инженеров, писателей, работников науки и искусства, служащих и т. д. и т. п.

Тысячи собраний были посвящены обсуждению проекта Конституции. Тысячи журнальных и газетных статей, брошюр, монографий, вышедших за это время в миллионных тиражах, широко осветили ряд важнейших вопросов Конституции. Проект Конституции СССР стал предметом тщательного изучения миллионными народными массами.

Громадная активность и инициатива, проявленные нашим народом при обсуждении проекта Конституции, привели к внесению значительного количества поправок и замечаний. Об этих поправках и предложениях говорил на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов товарищ Сталин. Некоторые из этих поправок (например поправка к статье 48-й проекта об увеличении количества заместителей председателя Президиума Верховного Совета СССР до 11 — по числу союзных республик, — поправка к статье 77-й об организации Наркомата оборонной промышленности) и дополнений (на-

пример дополнение об избрании депутатов в Совет Национальностей путем прямых выборов) были приняты Съездом советов и внесены в окончательный текст новой, Сталинской Конституции.

Пять месяцев всенародного обсуждения проекта Конституции доказали, что великая Сталинская Конституция есть дело всего советского народа, единодушно одобрявшего проект Конституции, это подлинно «исторический документ, трактуемый просто и сжато, почти в протокольном стиле, о фактах победы социализма в СССР, о фактах освобождения трудящихся СССР от капиталистического рабства, о фактах победы в СССР развернутой, до конца последовательной демократии» (Сталин).

На Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов товарищ Сталин, подводя итоги всенародного обсуждения проекта Конституции, сказал:

«Судя по результатам всенародного обсуждения, длившегося почти 5 месяцев, можно предположить, что проект Конституции будет одобрен настоящим Съездом».

Съезд ответил на эти слова своего вождя бурной овацией...

Съезд единодушно одобрил и принял новую Конституцию. Это было 5 декабря 1936 года.

Спустя год, 12 декабря 1937 года, многонациональный советский народ вторично проголосовал за Сталинскую Конституцию. По призыву партии Ленина — Сталина почти все поголовно избиратели пришли к избирательным урнам и отдали свои голоса кандидатам блока коммунистов и беспартийных.

Выборы 12 декабря явились также грозным предостережением всем хищникам, всем международным разбойникам, фашистским поджигателям войны.

12 декабря советский народ еще раз напомнил потерявшим рассудок фашистским авантюристам о своей грозной силе, о своем единстве, своем патриотизме, решимости, готовности и способности защищать свою родину до конца.

12 декабря великая коммунистическая партия большевиков еще раз получила всенародное признание. В этот день еще раз потерпела жестокое поражение последняя надежда наших врагов и их троцкистско-бухаринской фашистской агентуры на «размычку» между рабочим классом, осуществляющим в нашей стране

¹ Статья одновременно печатается в № 1 «Большевика» за 1938 г.

свою победоносную диктатуру, и широкими, миллионными массами крестьянства, — на «размычку» между советской властью и народом.

История Октябрьской социалистической революции показала всю ошибочность этого расчета.

К. Маркс в своей знаменитой работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» писал:

«Мелкая земельная собственность, порабощенная в такой мере капиталом, — а ее развитие неизбежно ведет к этому порабощению, — превратила большинство французской нации в троглодитов. 16 миллионов крестьян (в том числе женщины и дети) живут в берлогах, большая часть которых имеет всего одно окошко, другая часть — всего два, а в самом лучшем случае — всего три окошка. А окна в доме — то же, что пять чувств для головы. Буржуазный строй, который в начале столетия поставил государство стражем при возникшей новой парцелле и удобрял ее лаврами, стал вампиром, высасывающим кровь ее сердца и мозг ее головы и бросающим ее в алхимическую реторту капитала»¹. Подчеркнув, далее, всю тяжесть и безвыходность положения крестьянства в капиталистическом обществе, К. Маркс говорил:

«Итак, интересы крестьян находятся уже не в гармонии с интересами буржуазии, с капиталом, — как это было при Наполеоне, — а в противоречии с ними. Крестьяне поэтому находят себе естественного союзника и вождя в городском пролетариате, призванном ниспровергнуть буржуазный строй»².

Слова Маркса полностью подтверждены опытом Великой социалистической революции в нашей стране.

Октябрьская революция победила в 1917 году на основе союза рабочих и крестьян. Социалистическое строительство начало делать свои первые шаги на этой же основе, на основе сплочения «деревенского хозяйства», «деревенской бедноты», «со своими вождями, с городскими рабочими» (Ленин).

В письме к питерским рабочим 22 мая 1918 года Ленин подчеркивал одну из величайших особенностей пролетарской революции, заключающуюся именно в братском союзе рабочих и крестьян.

Ленин писал:

«Одно из величайших, неискоренимых дел октябрябского — Советского — переворота со-

стоит в том, что передовой рабочий, как руководитель бедноты, как вождь деревенской трудящейся массы, как строитель государства труда, пошел в «народ».

Подводя итоги первой годовщины Октябрьской революции, Ленин напоминал о связи между победой рабочих в городе и победой крестьянства в деревне, о зависимости, в известном смысле, судьбы пролетарской революции от того, будет ли побеждено кулацкое засилье.

Ленин говорил:

«Все европейские революции кончались ничем именно потому, что деревня не умела справиться со своими врагами...»

В прежних революциях крестьянской бедноте в ее тяжелой борьбе с кулаками не на кого было опереться...

Теперь беднейшее крестьянство имеет надежного и сильного союзника в борьбе против кулачья. Беднейшее крестьянство знает, что город стоит за него, что пролетариат ему поможет всем, чем может — и уже помогает на деле»¹.

Союз рабочих и крестьян сложился и окреп на основе общности их интересов, на основе общего стремления рабочих и крестьян освободиться от капиталистического рабства и построить свободную, творческую жизнь во имя собственного счастья.

«Достижение партии, — говорил товарищ Сталин в день 12-й годовщины Октябрьской революции, — состоит здесь в том, что нам удалось повернуть основные массы крестьянства в целом ряде районов от старого, капиталистического пути развития... к новому, социалистическому пути развития, который вытесняет богатеев-капиталистов, а середняков и бедняков перевооружает по-новому, вооружает новыми орудиями, вооружает тракторами и сельско-хозяйственными машинами, для того чтобы дать им выбраться из нищеты и кулацкой кабалы на широкий путь товарищеской, коллективной обработки земли. Достижение партии состоит в том, что нам удалось организовать этот коренной перелом в недрах самого крестьянства и повести за собой широкие массы бедноты и середняков, несмотря на невероятные трудности, несмотря на отчаянное противодействие всех и всяких темных сил, от кулаков и попов до филистеров и правых оппортунистов»².

¹ К. Маркс, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», стр. 103—104. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937.

² Там же.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 280—281.

² И. Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 292. 10-е изд.

Небывалый успех колхозного строительства в СССР еще раз подчеркнул всю несостоятельность и контрреволюционную сущность троцкистско-бухаринского неверия в реальность и творческую мощь союза рабочего класса с крестьянством. Товарищ Сталин говорил об этом:

«Рушится и разбивается вдребезги меньшевистская «концепция» троцкизма насчет неспособности рабочего класса повести за собой основные массы крестьянства в деле социалистического строительства»¹.

Ни в одной стране ни одна правительственная партия никогда не получала столько голосов, сколько получил блок коммунистов и беспартийных на выборах в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 года.

На парламентских выборах 1935 года в Англии блок консерваторов с национал-либералами и национал-лейбористами собрал всего 53,6% к числу всех голосовавших (11,8 миллиона голосов), что составляет лишь 38% всех избирателей.

На президентских выборах 1936 года в Соединенных штатах Америки партия демократов собрала 27,7 миллиона голосов, что составляет 60,5% к числу голосовавших и не превышает 50% всех избирателей.

На парламентских выборах 1936 года во Франции победивший народный фронт собрал 5,6 миллиона голосов, что составляет 56,6% всех голосовавших и 47% всего числа избирателей.

Эти данные достаточно красноречиво говорят о том, как мало даже в передовых капиталистических странах правительственные партии выражают волю населения. Не говоря уже о фашистских странах, где полностью ликвидированы последние остатки буржуазной демократии, ни одна из буржуазных партий из всех правительственных блоков капиталистических стран, кроме блока народного фронта, наиболее полно выражающего интересы народа, не олицетворяет собой народного единства и народной воли. Только в СССР правительство опирается на народ, выражает интересы народа, является подлинным носителем народной воли, подлинным выразителем народных стремлений и чаяний.

89 844 271 голос, поданный за блок коммунистов и беспартийных на выборах в Совет Союза, и 89 063 169 голосов, поданных за блок коммунистов и беспартийных на выборах в Совет Национальностей, из 91 113 153 всех избирателей, голосовавших 12 декабря, — блестя-

щее доказательство того, что советское правительство, единственное в мире, пользуется беспредельным доверием своего народа.

Победа блока коммунистов и беспартийных обусловлена самой общественно-политической обстановкой, в которой происходили выборы 12 декабря.

В своей речи на собрании избирателей Сталинского избирательного округа в Москве товарищ Сталин объяснил разницу в обстановке выборов в капиталистических странах и у нас. Эта разница коренится именно в наличии там и в отсутствии здесь, у нас, капиталистов, помещиков, банкиров и прочих акул капитализма, давящих на народ и старающихся исказить его волю.

«У нас, — говорил товарищ Сталин, — нет капиталистов, нет помещиков, стало-быть и нет давления со стороны имущих классов на неимущих. У нас выборы проходят в обстановке сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции, в обстановке взаимного их доверия, в обстановке, я бы сказал, взаимной дружбы, потому что у нас нет капиталистов, нет помещиков, нет эксплуатации и некому, собственно, давить на народ для того, чтобы исказить его волю».

Выборы 12 декабря были подлинно всеобщими. Об этом свидетельствует самый факт участия в голосовании 96,8% всего числа избирателей по Советскому Союзу. Активность небывалая, неизвестная ни одному буржуазному государству! Об этом легко можно судить по данным о выборах в различных капиталистических странах за последние годы (1935—1936).

В парламентских выборах 1935 года в Великобритании участвовало лишь 71,9% избирателей (22 миллиона голосовавших из 30,5 миллиона общего числа избирателей).

В президентских выборах 1936 года в Соединенных штатах Америки участвовало 83,3% избирателей (45,8 миллиона голосовавших из 55 миллионов избирателей).

В Польше в сеймовых выборах 1935 года участвовало 46,6% (7,5 миллиона голосовавших из 16,2 миллиона общего числа избирателей).

Во Франции в парламентских выборах 1936 года участвовало 83,9% избирателей (9,9 миллиона голосовавших из 11,7 миллиона общего числа избирателей).

В Японии в парламентских выборах 1937 года участвовало 69,9% избирателей (10,2 миллиона голосовавших из 14,6 миллиона общего числа избирателей).

В Германии в выборах рейхстага в 1932 году участвовало 80,6% избирателей (35,7 миллиона из 44,3 миллиона общего числа избирателей).

¹ И. Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 296. 10-е изд.

Из этих цифр видно, что ни одна капиталистическая страна не имеет такого высокого процента участия избирателей в выборах, как это имеет место в СССР.

Но это еще не все. Необходимо еще иметь в виду то, что в ряде капиталистических стран общее число избирателей весьма невысоко, что избирательным правом пользуется сравнительно небольшая часть населения. Например во Франции избирательным правом пользуется лишь 28,2% населения, в Японии — 21,1%, в Соединенных штатах Америки — 42,8%, в Польше — 48,8% населения.

Эти цифры достаточно красноречиво говорят об узком, урезанном характере буржуазного демократизма, несмотря на то, что буржуазия, ее ученые, политики, печать неустанно трубят о самом «настоящем», «широком» демократизме, якобы процветающем в условиях капитализма. В действительности, в капиталистических странах, даже самых «демократических», нет ни подлинного демократизма, ни равенства перед законом.

В действительности при капитализме царит «формальное равенство при сохранении буржуазного гнета, ига капитала, наемного рабства» (Ленин).

В действительности «буржуазные конституции обычно ограничиваются фиксированием формальных прав граждан, не заботясь об условиях осуществления этих прав, о возможности их осуществления, о средствах их осуществления» (Сталин).

К чему это приводит? Это приводит к абсентизму народных масс, нередко не видящих пользы от участия в таких выборах, бойкотирующих такие выборы, уклоняющихся от участия в них.

Классовые столкновения, давление на избирателей со стороны капиталистов и их агентов широко используются в буржуазных странах при выборах в высшие законодательные органы. Террор, подкуп, избирательные жульничества и мошенничества превращают эти «выборы» в пустую комедию, в издевательство над народом и демократией. Об этом можно судить, например, по только что закончившейся избирательной кампании в Румынии. Мудрено ли, что политические честные, сознательные люди нередко предпочитают отказаться от участия в таких выборах, фальсифицированных и поддельных от начала до конца!

Иное дело у нас, в СССР, где нет капиталистов и помещиков, где некому давить на народ, где некому и незачем заниматься фальсификацией и подтасовкой фактов.

Вполне естественно, что выборы в Верхов-

ный Совет СССР явились, как это и предсказал накануне выборов товарищ Сталин, всенародным праздником, всенародным торжеством.

Чтобы понять всю исключительность этого незабываемого всенародного праздника, достаточно было выйти 12 декабря на улицу — будь то в городе или в деревне, в центральных или в самых отдаленных и мало населенных пунктах или районах нашей необъятной родины.

Разве не замечателен тот факт, что тысячи избирательных собраний, охватывающих десятки и сотни тысяч рабочих, колхозников, красноармейцев, интеллигенции, оспаривали друг у друга честь получить согласие товарища Сталина и его славных соратников: товарищей Молотова, Ежова, Ворошилова, Калинина, Кагановича, Жданова, Микояна, Чубаря и др.— баллотироваться именно в данном избирательном округе!

Пусть какая-нибудь буржуазная политическая партия, не только стоящая у власти, но даже оппозиционная, назовет подобный факт из своей истории хотя бы за целые столетия! Никто из них не назовет подобного факта, ибо таких фактов у них нет и быть не может. Это возможно лишь в социалистической стране, где весь народ слился в одном братском чувстве солидарности, любви и преданности делу борьбы за новое, коммунистическое общество.

Эта страна — СССР, родина трудящихся всего мира, твердыня победившего социализма, могучий оплот подлинной человеческой культуры и демократии.

*

96,8% избирателей, голосовавших 12 декабря за блок коммунистов и беспартийных, — вовсе не случайное и неожиданное явление.

Такой итог выборов естественен и закономерен. Он подготовлен всем 20-летним существованием советского государства, всем ходом нашего общественного, социалистического развития.

Ленин говорил на I съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей 4 декабря 1919 года:

«Лишь в том случае, если удастся на деле показать крестьянам преимущества общественной, коллективной, товарищеской, артельной обработки земли, лишь, если удастся помочь крестьянину, при помощи товарищеского, артельного хозяйства, тогда только рабочий класс, держащий в своих руках государственную власть, действительно докажет крестьянину свою правоту, действительно привлечет на свою сторону прочно и на-

стоящим образом многомиллионную крестьянскую массу»¹.

Коммунистическая партия из года в год показывала и показывает крестьянам и всему народу, что она идет по правильному пути в борьбе за интересы трудящихся.

Из года в год растет сила социализма, превратившегося в живую действительность, прочно вошедшего в самый быт нашего общества, нашего народа.

В 1929 году в своей замечательной статье «Год великого перелома» товарищ Сталин писал:

«Мы идем на всех парах по пути индустриализации — к социализму, оставляя позади нашу вековую, «рассейскую», отсталость. Мы становимся страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации. И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор, — пусть попробуют догонять нас почтенные капиталисты, кичащиеся своей «цивилизацией». Мы еще посмотрим, какие из стран можно будет тогда «определить» в отсталье и какие в передовые»².

«Почтенные капиталисты» оказались в обзоре истории, в хвосте прогресса и цивилизации. Действительно передовой страной является СССР, доказавший всему миру, что социализм и демократия непобедимы.

Это наполняет законной гордостью сердца миллионов людей нашей страны, еще более сплавивает их под знаменем Ленина — Сталина для новой борьбы и новых побед.

Выборы 12 декабря еще раз показали, что представляет собой народовластие, подлинный народный суверенитет.

Бенжамен Констан в своей книге «О суверенитете народа» писал: «В мире существуют только две власти: незаконная, т. е. сила, и законная, т. е. общая воля»³. В устах буржуазных доктринеров ссылка на «общую волю» является лишь прикрытием эксплуатации и привилегированного положения эксплуататорского меньшинства.

На деле такие «защитники» народоправства, как Монтескье, Барназ, Буасси д'Англа и др., глубоко презирали народ, т. е. народные трудящиеся массы, неспособные, по их представлению, обсуждать и решать государственные дела»⁴.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 579.

² И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 298.

³ Цит. по А. Эсмену. «Основные начала государственного права», стр. 162. М. 1898.

⁴ Монтескье прямо говорил: «Огромное преимущество представителей заключается в том, что они могут обсуждать дела. Народ вовсе не способен на это — что и составляет одно из огромных неудобств демократии». Буасси

Советское государство, являясь государственной формой диктатуры пролетариата, власти рабочих и крестьян, выражает волю всего народа.

В советском государстве воля рабочих и крестьян выражена полностью и безусловно. Власть советов — это такая законная власть, какой нет больше в мире, ибо все остальные государства не выражают и не могут выразить общей воли, т. е. воли всего народа, пока в этих государствах сохраняются господство класса капиталистов и капиталистический строй.

«Общая воля» — это воля народа. В буржуазных государствах, расщепленных на враждебные друг другу классы, такой «общей воли» нет и не может быть. В буржуазных государствах господствует не воля народа, а воля эксплуататорского меньшинства, лицемерно и без всякого основания выступающего, однако, от имени большинства.

Энгельс указывал:

«Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество: в древности оно было государством рабовладельцев — граждан государства, в средние века — феодального дворянства, в наше время — буржуазии»¹.

Такое положение вытекало из самого характера классового общества, развивающегося в классовых противоречиях, в условиях все большего и большего обострения этих противоречий. В капиталистическом обществе нельзя говорить об «общей воле», о «единстве воли», о «народной воле», якобы выражаемой буржуазным государством.

Иное дело у нас, в СССР. Классовая структура СССР совершенно иная, чем в капиталистических странах. В СССР победил социализм. Все эксплуататорские классы ликвидированы.

«Остался рабочий класс. Остался класс кре-

д'Англа заявлял: «Если вы предоставите людям, лишенным собственности, неограниченное право голосования и посадите их на скамьи законодателей, они вызовут или допустят волнения и не остановятся перед их последствиями; они создадут налоги, губительные для торговли и земледелия... Страна, управляемая собственниками, отвечает требованиям общественного порядка; страна, управляемая не собственниками, находится в естественном состоянии».

¹ Ф. Энгельс. «Развитие социализма от утопии к науке», стр. 48. Партиздат. 1934.

стьян. Осталась интеллигенция» (Сталин). Но и рабочий класс, и класс крестьян, и интеллигенция в корне преобразились, стали совершенно новыми.

Эти изменения в классовом облике рабочих, крестьян и интеллигенции говорят о том, как показал товарищ Сталин, что экономические и политические противоречия между этими социальными группами падают, стираются. Если к этому добавить, что в области национальных взаимоотношений в СССР полностью торжествуют братское сотрудничество и взаимная дружба народов, то станет бесспорным и очевидным несокрушимое единство советского государства и советского народа.

Говоря об отсутствии в СССР почвы для существования нескольких партий, товарищ Сталин разъяснил особенности советского строя, опирающегося на единство интересов трудящегося народа.

«Партия, — сказал товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов, — есть часть класса, его передовая часть. Несколько партий, а значит и свобода партий может существовать лишь в таком обществе, где имеются антагонистические классы, интересы которых враждебны и непримиримы, где имеются, скажем, капиталисты и рабочие, помещики и крестьяне, кулаки и беднота и т. д. Но в СССР нет уже больше таких классов, как капиталисты, помещики, кулаки и т. п. В СССР имеются только два класса, рабочие и крестьяне, интересы которых не только не враждебны, а наоборот — дружественны. Стало быть, в СССР нет почвы для существования нескольких партий, а значит и для свободы этих партий. В СССР имеется почва только для одной партии, Коммунистической партии. В СССР может существовать лишь одна партия — партия коммунистов, смело и до конца защищающая интересы рабочих и крестьян. А что она не плохо защищает интересы этих классов, в этом едва ли может быть какое-либо сомнение. (Бурные аплодисменты)».

В СССР создана почва для выражения общей воли народа. Именно на этой почве сложилось и окрепло политическое и моральное единство советского народа, именно на этой почве блок коммунистов и беспартийных одержал 12 декабря блестящую, имеющую всемирно-историческое значение победу.

Исключительная активность избирателей при выборах в Верховный Совет СССР наиболее убедительно доказывает громадный рост политической сознательности народных масс,

возможной только в стране пролетарской диктатуры.

В своих тезисах о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата к I конгрессу Коминтерна (1919 год) Ленин писал, что «диктатура пролетариата неизбежно должна принести с собой не только изменение форм и учреждений демократии, говоря вообще, но именно такое их изменение, которое дает невиданное еще в мире расширение фактического использования демократизма со стороны угнетенных капитализмом, со стороны трудящихся классов»¹.

Выборы в Верховный Совет СССР полностью подтвердили эти слова Ленина. Выборы показали, что только в условиях советской власти, в условиях торжества пролетарской диктатуры, нашедшего свое замечательное выражение в великой Сталинской Конституции, подавляющее большинство народа получает фактическую возможность пользоваться демократическими правами и свободами и действительно ими пользуется.

И в прошлые годы у нас в выборах участвовали подлинные народные массы, миллионы рабочих и крестьян, чего нет и не может быть ни в одной капиталистической стране, хотя бы самой «свободной» и самой «демократической».

Поэтому процент избирателей, участвующих в выборах у нас и у них, — несоизмеримые величины.

В выборах в советы по всему Союзу ССР в 1931 году участвовало 72% избирателей. Этот процент ниже чем на выборах в Соединенных штатах Америки в 1930 году (83,3%) или во Франции в 1930 году (83,9%) и почти равен проценту избирателей, явившихся на выборы в Англии в 1935 году (71,9%).

Однако в абсолютных цифрах количество избирателей у нас и в 1929 году было значительно выше чем в этих странах в 1935—1936 годах. В СССР тогда явилось на выборы 62 миллиона избирателей, тогда как в Англии их было только 22 миллиона, в Соединенных штатах Америки — 45,8 миллиона, во Франции — 9,9 миллиона.

Нельзя забывать, что избирательная система в капиталистических странах направлена на ограничение круга избирателей привилегированным меньшинством населения, на вытаскивание из политики, как говорил Ленин, бедноты, широких масс неимущих. Это достигается при помощи всевозможных цензов: имущественного, образовательного, ценза оседлости и т. д. и т. п. вплоть до ценза «нравственного» («хорошая репутация» в датской

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 13.

конституции 1866 года, «добропорядочная жизнь» в конституции штата Коннектикут и др.

Это достигается и более тонким, более замаскированным способом: создается, например, как это имеет место в Англии, такая сложная и хлопотливая, отнимающая массу времени процедура занесения в избирательные списки, при которой рабочие, ремесленники, крестьяне фактически не могут воспользоваться своим правом.

Не случайно даже Чемберлен в 60-х годах прошлого столетия назвал английский избирательный закон «скандалом и злоупотреблением»¹. С тех пор этот закон, как и избирательные законы других капиталистических стран, не изменился к лучшему. В прямой связи с избирательными фокусами, направленными на лишение народных масс возможности участвовать в выборах даже тогда, когда они имеют на это право, находится и личный состав буржуазных парламентов. О том, что собой представляют эти парламенты, можно судить по следующим данным: в английскую палату общин на выборах в ноябре 1935 года было избрано 615 депутатов (303—от графств, 300—от городов, 12—от университетов); в числе этих 615 депутатов оказалось: рантье—139 (22,6%), землевладельцев (помещиков), капиталистов, банковских дельцов и прочих «бизнесменов»—193 (31%), адвокатов—71 (12%), офицеров—29 (4%), профсоюзных, тредюнионистских бюрократов—77 (12,5%), лиц так называемых свободных профессий (врачей, архитекторов, литераторов, учителей и др.)—55 (8,5%), рабочих (работающих на производстве)—5 (0,7%).

Таким образом, английская палата общин представляет собой верхушку капиталистического общества, аппарат эксплуататорских классов, в котором тонут единичные представители трудящихся. Зато свыше 30% всех депутатов палаты общин состоит из представителей титулованного дворянства².

Об аристократическом характере английской палаты лордов и говорить не приходится. Можно лишь отметить, что с 1919 по 1931 год из 729 пэров палаты лордов 371 ни разу не выступал в прениях и 111 пэров ни разу не участвовали в голосовании.

¹ А. Эсмен, «Основные начала государственного права», стр. 218.

² В том числе 1 герцог, 23 лорда и сыновей лордов, 4 маркиза и сыновей маркизов, 6 графов и сыновей графов, 13 виконтов, виконтесс, баронов и их сыновей, 113 пэров (рыцари и баронеты) и их сыновей (по данным, подготовленным Институтом государственного права Академии наук СССР по таблицам профессора Ласки).

Таков же классовый состав высших законодательных органов и других буржуазных стран.

Во французской палате депутатов в 1936 году было 139 фабрикантов, судовладельцев, издателей, помещиков, 119 адвокатов, 201 лицо свободных профессий (профессора, врачи, инженеры, журналисты и др.), а рабочих и служащих—только 63, что составляет всего 1,1% состава палаты.

В польском сейме (1935 год) числилось только 2 рабочих.

Американский конгресс (палата представителей), по данным 1933 года, состоит из 244 юристов, 56 промышленных и финансовых дельцов, 17 журналистов и представителей подобных свободных профессий¹.

Маргарита Юнг в статье «Congress who's in it who owns it» пишет: «Достаточно взглянуть на таблицу, чтобы убедиться в том, что представителем от рабочих фактически в конгрессе нет. Преобладающее большинство обеих палат занимает экономические высоты, в защиту которых они и действуют. Правильность таких выводов подтверждается еще больше при индивидуальном подходе к каждому из тех лиц, которые входят в указанные профессиональные группы».

При таком индивидуальном подходе оказывается, что в качестве «рабочих» и других представителей «труда» здесь выступают самые матерые хищники капитала. Так, зарегистрированный в качестве «рабочего-металлиста» сенатор Джим Дэвис из Пенсильвании оказывается бывшим магнатом «Муузовской лотереи», министром труда при Гардинге, Куллидже и Гувере.

Под рубрикой «юристы» скрывается такой известный «лейтенант капитализма», как придворный адвокат Мэллонов Дэвид Рид из Пенсильвании.

По данным Маргариты Юнг, в числе фермеров значится Генри Арнс—«представитель дурно пахнущего капиталистического кооператива» (Lando Lakes inc.).

В числе врачей значится Копеланд из Нью-Йорка—предприниматель, ежегодный доход которого достигает 100 тысяч долларов.

В группе издателей мы встречаем аристократов: Картера Гласса из Вирджинии и Бронсона Каттинга из Новой Мексики, каждый из которых является собственником двух газет.

Маргарита Юнг пишет: «Поскребите любую из категорий, даже «неизвестных», и вы найдете бизнесменов. Так например, один из отнесенных к категории «неизвестных», Воррен В. Барбор из Нью Джерси,—крупный

¹ «The American Year-Book». 1933.

фабрикант, директор гигантской объединенной компании обувных машин и других крупных предприятий. Кроме того он является любителем-боксером, создающим для себя рекламную шумиху.

То же самое можно сказать и о новых членах конгресса: 16 новых сенаторах и 160 членах палаты представителей. Например Мак-Аду из Калифорнии — бывший юрист-консульт нефтепромышленника Эдуарда Дохени, а в настоящее время один из драгоценнейших камней в короне Херста¹.

Так обстоит дело с буржуазными парламентами. Принципиально иную картину мы видим в СССР, где законодательные органы всегда были и являются представителями подлинного народа.

Вот, например, состав Чрезвычайного VIII всесоюзного съезда советов, принявшего великую Сталинскую Конституцию. По данным мандатной комиссии, в составе этого съезда было по происхождению: рабочих — 42%, крестьян — 40%, интеллигенции — 18%. По своей основной работе делегаты Чрезвычайного VIII всесоюзного съезда советов распределялись таким образом: рабочие на производстве — 19%, крестьяне — 14%, бойцы Красной армии — 7%, председатели сельсоветов и риков — 16%, члены краевых, областных и республиканских советов — 18%, работники парторганизаций и профсоюзов — 16%, директора предприятий — 5%, инженеры, агрономы, работники науки, искусства — 5%.

В составе делегатов Чрезвычайного VIII всесоюзного съезда советов было 317 рабочих и работниц, непосредственно работающих у станка, 99 рабочих совхозов и МТС, 261 крестьянин, причем значительную часть этих делегатов составляли трактористы, комбайнеры, председатели колхозов.

Среди делегатов Чрезвычайного VIII всесоюзного съезда советов было 419 женщин, из них 177 колхозниц, 100 женщин — работников партийных, советских и хозяйственных учреждений, 47 председателей сельсоветов и риков.

Почти 30% делегатов Чрезвычайного VIII всесоюзного съезда советов составляли орденосцы.

На Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов были представлены 63 нации.

Такого парламента, каким является исторический Чрезвычайный VIII всесоюзный съезд советов, не знала и не будет знать ни одна капиталистическая страна, пока власть в этой стране будет принадлежать помещикам и капиталистам.

Особенную, ярчайшую картину в этом отношении представляет собой Верховный Совет СССР, избранный на основе Великой Сталинской Конституции, на основе всеобщего, равного, прямого, избирательного права при тайном голосовании.

В Верховном Совете СССР из 1143 депутатов 855 коммунистов и 288 беспартийных.

Первым депутатом Верховного Совета всенародно избран товарищ Сталин.

В Верховный Совет СССР народ послал славных соратников великого Сталина: товарищей Молотова, Ворошилова, Ежова, Калинина, Кагановича, Жданова, Микояна, Андреева, Чубаря и др.

Среди депутатов Верховного Совета СССР значительное количество замечательных стахановцев, передовиков социалистической индустрии, с именами которых связаны великие подвиги творческого социалистического труда, создание новых, невиданных производственных показателей. Достаточно назвать имена Стаханова, Бусыгина, Сметанина, Коробова, Мазая, Гудова — всех не перечислить.

В составе Верховного Совета СССР больше 200 колхозников, одержавших блестящие победы в сельском хозяйстве. Каждый из них является подлинным сыном своего народа, подлинным государственным деятелем, овенным славою.

Рабоче-крестьянская Красная армия послала в Верховный Совет СССР своих лучших бойцов, командиров и политработников.

В Верховный Совет СССР избраны лучшие представители советской интеллигенции: писатели, академики, профессора, народные учителя, врачи, инженеры, деятели искусств.

Но выборы в Верховный Совет СССР замечательны не только таким составом народных представителей. Они замечательны еще и тем, что в процессе избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР выдвинулись тысячи новых талантливейших государственных и общественных деятелей, новых, передовых людей нашей страны, блестящих организаторов социалистической жизни, социалистического хозяйства, социалистической государственности.

Республики, области, даже районы, села, кишлаки и аулы, колхозы, фабрики, красноармейские части выдвигали новых энтузиастов социалистического строительства, избранных депутатами Верховного Совета Союза ССР. Вот несколько имен.

Пеньков Андрей Иванович, бывший батрак, доброволец Красной армии, бывший председатель колхоза имени Чапаева, энтузиаст идеи орошения Заволжья, депутат в Совет Союза

¹ Журнал «New Masses», January 2. 1934.

от Ершовского избирательного округа Саратовской области.

Хоменко Степанида Тимофеевна, бывшая багрячка, инициатор создания в своем селе первого колхоза, прошла путь общественной работы от комитета незаможников до депутата в Совет Национальностей от Конотопского избирательного округа.

Огнев Александр Степанович, знатный машинист, орденосец, зачинатель прекрасного движения «15-тысячников», поставивших себе задачу добиться, чтобы каждый паровоз сделал в месяц не менее 15 тысяч километров пробега. Тов. Огнев выдвинут начальником Тульского паровозного депо; он депутат в Совет Союза от Тульского сельского избирательного округа.

Скилков Фрол Максимович, из семьи бедного донского казака, сам в прошлом батрак, первый в селе вступил в свое время в колхоз. За образцовую ударную работу на колхозных полях награжден орденом. Избран депутатом в Совет Союза от Миллеровского избирательного округа.

Пронин Иван Константинович, 70-летний старик, первым поднявший в свое время знамя стахановского движения в бумажной промышленности, депутат в Совет Национальностей от Смоленского избирательного округа.

Гусятникова Прасковья Васильевна, квалифицированный мастер и активная общественница, героиня труда, награждена орденом Трудового Красного Знамени, депутат в Совет Союза от Молотовского избирательного округа города Киева.

Дубинин Николай Николаевич, потомственный рабочий, знатный стахановец СТЗ, на-

Л. ШЕЙНИН

Славные юбиляры

(К 20-ЛЕТИЮ ВЧК—ОГПУ—НКВД)

20 декабря вся наша страна, все трудящиеся нашей великой родины праздновали 20-летие со дня организации ВЧК—ОГПУ—НКВД—карающей руки пролетариата, обнаженного меча пролетарской диктатуры.

В этот день славные чекисты и трудящиеся всей нашей страны оглядывались назад, на пройденный путь, вспоминая все этапы борьбы нашей революции с ее внутренними и внешними врагами.

В этой борьбе чекистам по праву принадлежит почетнейшее место. На протяжении всех этих 20 лет работники ВЧК—ОГПУ—НКВД неустанно охраняют завоевания социалистической революции, шаг за шагом разоблачая все проделки наших врагов, разрушая все их коварные планы.

Десятки, сотни и тысячи раскрытых преступлений — шпионажа, диверсий, вредительств,

контрреволюционных заговоров — таковы славные результаты самоотверженной работы органов государственной безопасности.

ВЧК была создана в первые же дни после победы Октябрьской революции, когда все контрреволюционные силы внутри страны, блокируясь с русскими и зарубежными капиталистами, повели активную борьбу против советской власти. Создавая ВЧК, партия исходила из указаний Ленина, что «всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться». Наша революция на деле показала, как она умеет защищаться. И в этой защите нашей революции одно из первых мест занимают органы ВЧК—ОГПУ—НКВД.

После создания ВЧК ее руководителем партия и правительство выдвинули пламенного революционера-большевика, товарища Ф. Э. Дзержинского. Под его руководством ВЧК

Мусинский Василий Степанович, стахановец-орденосец, известен всему Советскому Союзу как инициатор стахановского движения в лесопилении; депутат в Совет Национальностей от Северного избирательного округа.

Калиляев Неври, тракторист-орденосец, награжден орденом Трудового Красного Знамени; депутат в Совет Национальностей от Джанкойского избирательного округа.

Шаймарданов Игамберды, коневод-табунщик, добился рекордного прироста поголовья в своей табуне, награжден орденом Ленина, депутат в Совет Национальностей от Кокташского избирательного округа Таджикской ССР.

И таких новых людей наша страна имеет тысячи!..

Верховный Совет СССР — это сам советский народ, великий в своем политическом и моральном единстве, в братской дружбе многочисленных наций, объединившихся в небывалом порыве героической борьбы за социализм под непобедимым знаменем Ленина—Сталина.

Самый состав Верховного Совета СССР говорит о торжестве подлинного социалистического демократизма, самого последовательного и до конца развернутого демократизма в нашей стране.

превратилась в острейший инструмент диктатуры пролетариата, главное и грозное оружие защиты завоеваний революции.

В июле 1926 г. у гроба тов. Дзержинского товарищ Сталин сказал: «Октябрьская революция поставила его на тяжелый пост — на пост руководителя Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Буржуазия не знала более ненавистного имени, чем имя Дзержинского, отражающего стальной рукой удары врагов пролетарской революции. Грозой буржуазии — вот чем был Феликс Дзержинский».

Повседневная беспощадная борьба ВЧК и всех трудящихся со шпионами, диверсантами, вредителями и заговорщиками явилась одним из условий победы в гражданской войне. В годы гражданской войны все так называемые официальные миссии иностранных государств в советской России являлись по существу центрами шпионажа, диверсии, штабами организаций заговоров, источниками финансирования внутренних контрреволюционных сил. И с первого же дня своего существования ВЧК раскрыла и ликвидировала целый ряд крупных контрреволюционных организаций и заговоров.

Достаточно вспомнить заговор иностранных миссий, возглавлявшийся известным английским разведчиком Локкартом, раскрытый ВЧК в 1918 г. Локкерт широко разработал план свержения советской власти, намечая захват всего состава ВЦИК, арест советского правительства и убийство Ленина. Он установил связь с тогдашним французским послом Нуланс, с французским генеральным консулом Гренар и многими другими. Локкерт вернул предательские позиции троцкистов и бухаринцев в период брестского мира и специально запросил инструкции у английского правительства, как использовать эти позиции в борьбе против Ленина и Сталина.

Локкерт организовал широкую шпионскую сеть во всех концах страны, и его агенты взрывали склады, поджигали продовольственные запасы и т. д.

Этот коварный заговор разгромила ВЧК под руководством тов. Дзержинского и разоблачила заговорщиков.

В ноябре 1919 г. ВЧК раскрыла другой крупный заговор английской разведки — военный заговор Поля Дюкса.

Этот разведчик поставил себе целью сдать Петроград Юденичу. Этот заговор был раскрыт благодаря мерам, принятым товарищем Сталиным. Во время наступления Юденича центральный комитет нашей партии поручил товарищу Сталину организовать оборону Петрограда. В мае 1919 г. товарищ Сталин прибыл на Петроградский фронт. Ознакомившись с обстановкой, товарищ Сталин пришел к выводу, что Юденич, наступая на Петроград, считывал «...не только или, вернее, не только на свои собственные силы, сколько на силу своих сторонников»¹.

Товарищ Сталин немедленно принял меры к установлению в Петрограде революционного порядка, повел решительную борьбу с расхлябанностью и попустительством контрреволюционным элементам. Товарищ Сталин органи-

зовал очистку города и прифронтовой полосы от всякой контрреволюционной нечисти. Он привлек тысячи рабочих и работниц для производства поголового обыска во всех буржуазных квартирах города и буржуазных особняках.

Этот обыск дал исключительные результаты. Было найдено 6 500 винтовок, около 150 000 патронов, 640 револьверов, несколько пулеметов, сотни гранат и бомб.

Разумеется, это оружие предназначалось для организации восстания в самом Петрограде в момент приближения белогвардейских полчищ к городу.

Попустительство контрреволюционным элементам в Петрограде привело к тому, что по заданию Поля Дюкса и «Национального центра» 13 июня 1919 г. был организован мятеж на форту «Красная горка». Этот мятеж был организован по заданию Поля Дюкса. Однако под личным руководством товарища Сталина мятеж был быстро ликвидирован.

Десятки и сотни других дел, относящихся к этому периоду, можно привести, говоря о славной борьбе ВЧК с врагами революции.

Польская, германская, японская, французская и прочие разведки хищно скалили свои зубы на молодую страну и всячески пытались ее подорвать. Однако все происки этих врагов революции оказались своевременно пресеченными.

Необходимо отметить, что основной особенностью разгромленных ВЧК контрреволюционных организаций в период гражданской войны являлся их военно-заговорщический характер. И «Союз защиты родины и свободы», и «Союз возрождения», и «Национальный центр» и ряд других контрреволюционных организаций ставили своей целью соединить наступление белогвардейцев и интервентов на фронте с вооруженным восстанием в тылу.

Таким образом, боевая работа ВЧК была важнейшей частью общей борьбы народов советской России с вооруженными интервентами европейских государств и белогвардейскими полчищами.

После победоносного окончания гражданской войны наша партия не ослабляла своих усилий в борьбе с врагами революции. Партия всегда помнила о том, что капиталистический мир не прекращает своей борьбы с советской властью. Партия продолжала укреплять органы охраны диктатуры пролетариата.

Товарищ Сталин, неустанно напоминая трудящимся нашей страны об опасности капиталистического окружения, указывал, что «ГПУ нужно революции и ГПУ будет жить у нас на страх врагам пролетариата»¹.

В своем историческом докладе на февральском пленуме ЦК ВКП(б) товарищ Сталин говорил: «Необходимо помнить и никогда не забывать, что капиталистическое окружение является основным фактом, определяющим международное положение Советского Союза, помнить и никогда не забывать, что пока есть капиталистическое окружение, — будут и вредители, диверсанты, шпионы, террористы, посылаемые в тылы Советского Союза разведывательными органами иностранных государств, помнить об этом и вести борьбу с теми то-

¹ «Правда» от 8 июля 1919 г.

¹ И. Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 313.

зарищами, которые недооценивают значения факта капиталистического окружения, которые недооценивают силы и значения вредительства».

В годы мирного строительства ОГПУ вскрыло и ликвидировало контрреволюционные организации «Центр действий» и «Союз вызволения Украины», созданные польским генеральным штабом, многочисленные разведывательные группы польской разведки, разведок прибалтийских стран, состоявших на службе английской разведки «Интеллидженс Сервис», террористические банды, переброшенные на нашу территорию из Финляндии и совершившие взрыв в Деловом клубе в Ленинграде, и т. д.

И уже тогда троцкисты и зиновьевцы начали выполнять шпионские обязанности. Троцкисты передавали тогда своему агенту в Германии Маслову государственные тайны Советского Союза, а Маслов выдавал их буржуазии.

Единый фронт империалистических разведок с троцкистско-зиновьевскими провокаторами в 1927 г. обусловил особо острую форму подрывной деятельности в это время. Разоблачение и разгром этих и многих других контрреволюционных организаций органами ГПУ обеспечил мирные условия для осуществления ленинско-сталинского плана построения социализма в нашей стране, для проведения социалистической реконструкции нашего народного хозяйства.

Итак, шаг за шагом, продолжало свою боевую работу ОГПУ под руководством нашей партии и ее Центрального комитета. Разгром и разоблачение вредительских организаций, раскрытие шахтинского дела, дела промпартии, контрреволюционных организаций меньшевиков и многих других явились непосредственным результатом самоотверженной работы чекистов.

Нет надобности излагать содержание этих процессов, вскрывших наличие прямой связи между вредителями и зарубежными капиталистами, показавших, что вредительство приняло характер экономической интервенции и является продолжением борьбы врагов революции с Советской страной.

Однако все бесчисленные происки врагов революции были разгромлены, и советская разведка обеспечила нашей стране мир и возможность осуществления двух сталинских пятилеток.

Заслуги советской разведки, руководимой сталинским наркомом, секретарем Центрального комитета, товарищем Николаем Ивановичем Ежовым, особенно значительны в деле разгрома троцкистско-бухаринских банд, японо-германских шпионов, диверсантов и убийц.

Эти презренные и подлейшие враги народа полностью сомкнулись с фашистскими разведками. Они ставили своей задачей свержение советской власти и реставрацию в СССР капиталистических отношений.

Самая изощренная человеческая фантазия не могла бы вообразить большей степени предательства и подлости, гнусности и жестокости, коварства и измены, чем те преступления, которые совершали и пытались совершить троцкистско-бухаринские выродки.

Это они злодейски убили одного из лучших

людей нашей революции — пламенного большевика Сергея Мироновича Кирова. Это они совершили покушение на жизнь главы советского правительства товарища Молотова.

Процесс ленинградского террористического центра, процесс объединения троцкистско-зиновьевского террористического центра, процесс троцкистского антисоветского центра, прошедшие на глазах всего мира, показали всю мерзость этих фашистских убийц и изменников.

Их программа, отчетливо обрисованная на этих процессах, — это программа реставрации капитализма, программа установления фашистской диктатуры в нашей стране, программа превращения нашей родины в колонию немецко-японского фашизма. Эту же программу и эти же цели преследовала разгромленная банда презренных шпионов и изменников Тухачевского и К^о.

Троцкистско-бухаринский отряд фашизма возглавил все осколки разбитых эксплуататорских классов внутри нашей страны, все остатки разгромленных контрреволюционных вражеских сил.

Вот почему так един наш народ в своем гневе и презрении к троцкистско-бухаринским палачам.

Вот почему так един наш народ в своей беспредельной любви к советской разведке, которая охраняет его счастье, его благополучие, его мир, его родину.

Вот почему так беспредельна признательность нашего народа славному руководителю Наркомвнудела, верному сталинцу товарищу Н. И. Ежову, под руководством которого выросла и окрепла советская разведка.

Органы советской прокуратуры братски приветствуют славных чекистов в день их юбилея.

Мы, работники прокуратуры, особенно хорошо знаем, сколько трудов и усилий вложено работниками НКВД в дело борьбы с врагами народа.

Мы, работники прокуратуры, особенно хорошо знаем, как беспощадны чекисты ко всем врагам революции, как они преданы нашей родине, нашей партии, нашему народу.

Товарищ Сталин говорил в беседе с иностранными рабочими делегациями: «...буржуа всех стран питают к ГПУ животную ненависть. Нет такой легенды, которую бы не сочиняли про ГПУ. Нет такой клеветы, которую бы не распространяли про ГПУ. А что это значит? Это значит, что ГПУ правильно охраняет интересы революции. Заклятые враги революции ругают ГПУ, — стало быть, ГПУ действует правильно. Не так относятся к ГПУ рабочие. Походите по рабочим районам и спросите рабочих про ГПУ. Вы увидите, что они относятся к нему с уважением. Почему? Потому что они видят в нем верного защитника революции!»

* * *

На протяжении 20 лет пролетарской революции органы ВЧК—ОГПУ—НКВД разоблачили и разгромили множество контрреволюционных заговоров, вредительских организаций, троцкистско-бухаринско-рыковских контрреволюционных организаций, центров и групп.

¹ И. Сталин. «Вопросы ленинизма», стр. 312.

На протяжении этих 20 лет советская разведка очищала и продолжает очищать СССР от шпионов, диверсантов, террористов, засылаемых в тылы Советского Союза иностранными разведками.

Под руководством сталинского наркома товарища Н. И. Ежова органы НКВД нанесли сокрушительный удар фашистским разведкам и их троцкистско-бухаринской агентуре.

Весь наш народ с гордостью оглядывается на славный путь, пройденный органами ВЧК—ОГПУ—НКВД.

Весь наш народ вместе с чекистами празднует славную дату их 20-летия.

Весь наш народ и впредь будет помогать советской разведке в ее борьбе с врагами народа.

День 20-летия ВЧК—ОГПУ—НКВД—праздник всех трудящихся, подлинно народный праздник всей нашей страны.

Под руководством нашей партии и великого Сталина советская разведка и впредь вместе со всем советским народом будет разоблачать и беспощадно громить всех врагов нашего народа.

М. САВИЦКИЙ

Прокуратура на страже избирательного закона

Подготовка к выборам в Верховный Совет Союза ССР превратилась в грандиозную массово-политическую кампанию, охватившую широчайшие народные массы. Сами выборы, впервые происходившие на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании, были могучей, доселе невиданной демонстрацией единства советского народа, его спаянности и сплоченности вокруг партии Ленина—Сталина, его преданности и любви к нашей партии и ее гениальному руководителю товарищу Сталину.

Единомышленным голосованием за кандидатов избирательного блока коммунистов с беспартийными девяньюто с лишним миллионов советских избирателей выразили непреклонную волю к борьбе до конца за дело социализма, за построение коммунистического общества под великим и непобедимым знаменем Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

Полная победа на выборах избирательного блока коммунистов с беспартийными есть результат гигантских побед социализма в нашей стране, результат резкого подъема благосостояния широчайших трудящихся масс, роста их политической активности и сознательности.

Неопровержимо, что почти сто процентов избирателей приняли участие в выборах и почти все сто процентов голосовавших отдали свои голоса кандидатам избирательного блока коммунистов с беспартийными. Этот факт является лучшим показателем монолитности, крепости и мощи социалистического государства рабочих и крестьян, его готовности в любой момент дать сокрушительный отпор любому врагу, который посмеет посягнуть на целостность и независимость советского государства.

Еще раз просчитались в своих чаяниях наши зарубежные враги и их подлая фашистская агентура — остатки троцкистско-бухаринской банды. Своими избирательными бюллетенями сто миллионов советских избирателей выразили полное одобрение и признательность партии и советскому правительству за решительное выкорчевывание и очистку нашей родины от троцкистско-бухаринских выродков, этих гнусных шпионов, диверсантов и вредителей.

Блестящие итоги избирательной кампании не пришли в порядке самотека. Партийные организации, советы, комсомол, профсоюзы, печать проделали в эти месяцы поистине грандиозную работу. Огромная армия пропаган-

дистов, агитаторов, доверенных лиц, партийного и непартийного актива была брошена на проведение избирательной кампании. Впервые в таком широком масштабе была развернута организационно-политическая и массово-разъяснительная работа. В самые отдаленные уголки нашей великой родины, в самую толщу народных масс несли партийные и непартийные большевики знание Сталинской Конституции, знание избирательного закона страны социализма.

Огромную работу проделали советы, на которые возложена была вся большая и ответственная работа по подготовке выборов. Начиная с организации избирательных участков и кончая рассмотрением заявлений о неправильностях в списках избирателей, были обеспечены, в основном, высокие темпы, четкость и организованность.

Вместе с тем избирательная кампания являлась великолепной общественно-политической школой для десятков тысяч партийных и беспартийных активистов.

В ходе избирательной кампании выросли талантливые кадры агитаторов и пропагандистов, тысячи людей получили такой богатый опыт работы в массах, который не дается годами школьной учебы. Важнейшая задача, поставленная партией, состоит в том, чтобы закрепить эти кадры, обеспечить их дальнейшее выдвижение и непрерывный рост.

Органы прокуратуры быстро и верно определили свое место в избирательной кампании.

Организованная в Прокуратуре Союза ССР оперативная группа ежедневно, используя все доступные ей средства, связывалась с самыми отдаленными пунктами, получала новейшую информацию, давала разъяснения, направляла и руководила работой местных органов прокуратуры.

В республиканских, краевых и областных прокуратурах для этой цели из наиболее опытных работников также были созданы небольшие оперативные группы.

Какие задачи стояли перед органами прокуратуры в связи с проведением избирательной кампании?

Основная задача заключалась в том, чтобы надзором прокуратуры обеспечить ненарушимость Сталинской Конституции и избирательного закона; чтобы всю силу советского правосудия обрушить на врагов народа и их прихвостней, пытавшихся сорвать избирательную

кампанию и помешать советскому избирателю использовать предоставленные ему права; чтобы предотвратить своевременным прокурорским вмешательством нарушения избирательного закона со стороны бюрократов и голово-тыпов.

В условиях ограниченности во времени и строго регламентированных избирательным законом сроков задача эта была неразрешима обычными методами надзора. Здесь не приходилось дожидаться, пока из поступившей жалобы или обязательного постановления прокурор «усмотрит» то или иное нарушение закона. От работников прокуратуры наряду с политической бдительностью и остротой потребовались большая мобилизованность, исключительная оперативность и подвижность, применение совершенно новых форм работы.

Надо было расстаться с кабинетом и окунуться в самую гущу жизни. В городском и сельском совете, в избирательном участке, на фабрике, в колхозе — вот где было место прокурора во время избирательной кампании.

Некоторые прокуратуры сумели опереться в этой своей работе на низовой актив, использовать секции социалистической законности местных советов, привлечь к делу устранения и предупреждения нарушений избирательного закона советскую общественность, и это дало прекрасные результаты.

С первых дней развертывания подготовки к выборам в ряде мест были выявлены попытки активизации враждебных элементов, осколков троцкистско-бухаринского отребья, остатков кулачества, церковников и сектантов. Организацией ряда террористических выступлений против членов избирательных комиссий, доверенных лиц и других активистов, антисоветской агитацией, сеянием всякого рода клеветнических слухов и провокациями они пытались воздействовать на ход избирательной кампании.

Вся страна с неослабным вниманием и воодушевлением изучала величайшие документы современности — Сталинскую Конституцию и «Положение о выборах», а ничтожная кучка предателей и изменников подсылала своих ставленников, которые пьяными дебошами, драками и провокациями пытались срывать занятия кружков и предвыборные собрания.

Всюду и везде эти попытки встречали суровый отпор со стороны самих вступавшихся и, как правило, быстро и решительно пресекались прокуратурой.

Все же были случаи, когда отдельные работники прокуратуры проявляли непонимание политического значения враждебных вылазок и, вместо быстрого и сокрушительного удара по врагам, медлили, упускали время, либеральничали.

Примером такой политической близорукости и отсутствия большевистской бдительности является случай, имевший место в Хакасской автономной области. В одном из районов этой области был зверски избит член окружной избирательной комиссии. Сделали это люди, явно подосланные врагами народа. Политический характер преступления не подлежал сомнению. Тем не менее, зам. областного прокурора Вьюнов квалифицировал это дело как простое хулиганство и даже нашел возможным освободить преступников из-под стражи.

Такие действия прокурора, равносильные потворствованию врагам народа, естественно вызвали возмущение трудящихся, и это нашло свое отражение на страницах краевой газеты «Красноярский рабочий».

Прокуратурам национальных республик пришлось уделить особое внимание качеству переводов избирательной литературы и избирательных документов на языки местного населения. Установлены случаи, когда буржуазные националисты и прочие враги народа сознательно искажали переводы, придавая им контрреволюционный смысл. Эти враждебные вылазки не всегда получали быстрый и решительный отпор.

Свои главные усилия враждебные элементы направили на то, чтобы всяческими способами протасовать своих ставленников в те места, где удобнее вредить, пакостить, вносить путаницу и неразбериху.

В первую очередь это касалось участковых избирательных комиссий, состав которых в ряде районов первоначально оказался сильно засоренным враждебными и политически оппороченными людьми.

Неоценимую услугу врагу здесь оказывали нередко некоторые бюрократы и ретивые администраторы, которые, вопреки прямому требованию ст. 49 «Положения о выборах», пытались составлять избирательные комиссии кабинетным путем, без советской общественности. Можно со всей определенностью сказать, что там, где игнорировался общественный контроль, где участковые избирательные комиссии составлялись путем голого администрирования, там их состав оказывался засоренным в той или иной степени враждебными элементами.

В печати уже сообщалось о подобной практике Подтавского горсовета. Не лучше обстояло дело в ряде районов Харьковской области, где в Печеленском районе, например, было отсеено около 50% состава участковых избирательных комиссий, и в некоторых других областях.

На этих примерах отчетливо видно, как нарушение социалистической законности, высокомерное, вельможное отношение к советскому закону смыкается с прямым пособничеством врагам народа.

Таким образом, уже с самого начала избирательной кампании органы прокуратуры получили широкое поприще для приложения своих сил. Надзор за соблюдением закона при организации избирательных участков и особенно при составлении избирательных комиссий был первой ступенью работы прокуратуры в избирательной кампании. Вместе с тем, вопрос о составе избирательных комиссий, являющийся одним из коренных вопросов организации выборов, до последних дней избирательной кампании не ускользал из поля зрения прокуратуры.

О степени внимания прокуратуры к данному вопросу говорит тот факт, что во всех почти республиках, краях и областях большинство принесенных прокуратурой протестов имело своим предметом нарушения ст. 49 «Положения о выборах». Следует попутно отметить, что отклонение протестов прокуратуры было совершенно единичным.

Когда знакомишься с протестами прокуроров, относящимися к первому этапу избирательной кампании, убеждаешься, как велико в

этот период значение надзора за своевременностью и правильностью организации избирательных участков.

Вмешательство прокуратуры помогло своевременно устранить многочисленные неправомерности в разграничении избирательных участков, пропуски целых улиц, кварталов и отдельных домов, несоблюдение установленной законом нормы населения на избирательный участок.

Важным объектом надзора прокуратуры является также четкость организации работы в избирательном участке: оповещение населения о местонахождении избирательного участка, наличие вывесок и указателей, правильная организация дежурств и приема граждан, свободный доступ в помещение избирательного участка.

Совершенно нетерпимо, например, такое положение, как в г. Новочеркасске, где двум избирательным участкам были отведены помещения, в которые доступ был возможен только по специальным пропускам. Протест прокурора по этому поводу был вполне обоснован.

Неправильно было бы думать, что подобные «мелочи» не заслуживают внимания прокурора. Из этих «мелочей» в конечном счете складывается вся организация избирательной кампании.

Всеобщность есть один из коренных принципов социалистического избирательного права, гарантированный гражданам Союза ССР Сталинской Конституцией. Только в стране социализма, где ликвидированы эксплуататорские классы, обеспечено реальное и полное осуществление этого принципа.

Важнейшая задача органов прокуратуры состояла в том, чтобы пристально следить за ненарушимостью принципа всеобщности избирательного права и давать решительный отпор всяким покушениям на него.

Здесь мы встречаемся с центральным звеном в работе прокуратуры — с надзором за полнотой и правильностью составления списков избирателей.

Начать с того, что в ряде мест сочли не обязательной установленную форму избирательного списка и стали приспосабливать ее к своим собственным нуждам.

Так, председатель одного из сельсоветов Донецкой области решил сочетать составление списков избирателей с учетом скота и собственным усмотрением дополнил форму списка графой о количестве скота у избирателей.

В одном из районов Армянской ССР форма списка была дополнена графами о социальном происхождении и положении, образовании и партийности. Секретарь одного из райисполкомов разработал собственную форму списка избирателей, которая имела графы: национальность, партийность, грамотность, пол, должность, социальное происхождение, профессия. Председатель одного из сельсоветов Вологодской области давал в списках характеристику избирателей, отмечая их активность и «благонадежность». В г. Лебедне Харьковской области в списки избирателей ввели графу «Знаком ли и изучал ли положение о выборах в советы».

Вся эта вредная отсебятинна, грубо нарушавшая избирательный закон, была устранена вмешательством прокуратуры.

Чистота и опрятность списков избирателей, правильное и полное написание в них фамилий, имен и отчеств, точное указание возраста, особенно в отношении родившихся в 1919 г., недопущение искажений, строгое соблюдение алфавитного порядка, недопущение включения в списки лиц, лишенных избирательных прав по суду, умалишенных, иностранцев, — всем этим обширным кругом вопросов занимались органы прокуратуры.

Но с наибольшим количеством нарушений пришлось столкнуться в вопросе о полноте избирательных списков. При этом значительная часть «нарушений» явно носит на себе следы вражеских рук.

В ряде областей и районов прокуратурой были установлены массовые пропуски избирателей при составлении избирательных списков. Население целых улиц, кварталов, домов оказалось не включенным в списки. Были случаи невключения в списки избирателей местных руководящих работников.

При ближайшем рассмотрении нередко оказывалось, что дефектные списки составлялись врагами, политически скомпрометированными людьми, антисоветски настроенными, которые сознательно, в целях дискредитации принципа всеобщности нашего избирательного права, допускали массовые пропуски избирателей.

Можно ли, например, усомниться во враждебном характере такой вылазки, когда в Якутской АССР на одном из приисков секретарь низовой парторганизации дает «установку», чтобы якутов не включать в списки избирателей как иностранцев?

Другой, довольно распространенной в начале кампании формой нарушения всеобщности избирательного права была попытка расширительного толкования понятия «умалишенный».

Под видом умалишенных кое-где пытались лишить избирательных прав глухонемых, ивандидов, нервно-больных. Все эти извращения были своевременно исправлены. Но на некоторых из них стоит остановиться, чтобы показать, насколько безответственно подчас относятся люди к вопросу о лишении прав советского гражданина и как высоко должна быть бдительность прокурора.

По одному из районов Рязанской области комиссия врачей, без участия психиатра, определяла психическое состояние исследуемого на основе даваемых им ответов на политические вопросы. Акты этой комиссии заканчивались стереотипной фразой: «Участвовать в предстоящих выборах в Верховный Совет сознательно не может».

В одном из районов Смоленской области врач выдал справку гр-ке И. в том, что она «по состоянию здоровья — умственной слабости — не может участвовать в общественно-выборных органах и по сему подлежит освобождению».

В Саратовской области один из сельских советов не включил в списки избирателей 8 человек, как умалишенных, на том основании, что «они выглядят глуповатыми».

Пользуясь подобным головотяпством, враги народа добивались в некоторых случаях направления на исследование совершенно здоровых людей, примерных колхозников, добиваясь

все той же предательской цели — дискредитирования выборов.

Правильность и законность составления списков избирателей были в течение всей кампании в центре работы прокуратуры.

Составление списков закончено, и они вывешены для всеобщего обозрения. Прокуратура продолжает наблюдать за дальнейшей их проверкой и, вместе с тем, переклюкает свое внимание на организацию в советах рассмотрения заявлений о неправильностях, допущенных в списках избирателей. И снова приходится столкнуться с некоторыми попытками увильнуть от выполнения ясных и недвусмысленных требований закона.

Для облегчения работы кое-где попытались установить упрощенный порядок рассмотрения заявлений. Это дело поручалось отдельным членам президиума, секретарям советов, а иногда — членам избирательных комиссий, которые единолично вносили всякого рода исправления, а затем задним числом фабриковались протоколы несостоявшихся заседаний президиумов. В Полтаве, например, где искажения в списках избирателей носили массовый характер, в горсовете скопились сотни нерассмотренных заявлений, и президиум горсовета, вместо того чтобы самому заняться их рассмотрением, переложил это дело на отдельных членов горсовета, которые сами вносили поправки в списки избирателей. К этой работе горсовет привлек более 100 учащихся, которые действовали таким же образом, составляя задним числом фиктивные протоколы заседаний президиума горсовета. Легко себе представить,

что такая практика привела не к уменьшению, а к увеличению количества неправильностей в списках избирателей.

Протест прокурора опять-таки делал свое дело, и нарушения устранялись.

Невозможно исчерпать в одной статье все случаи нарушений избирательного закона, проявлений бюрократизма и головопательства, с которыми пришлось столкнуться органам прокуратуры. Да в этом и нет надобности. Важно подчеркнуть, что прокуратура там оказывалась на месте, где она не отражалась от жизни, проявляла гибкость и поворотливость, где ее работники, не гнушаясь черновой работы, засучив рукава, сами проверяли, выясняли, разясняли и добивались устранения нарушений, где они выступали во всеоружии большевистской бдительности и непримиримости к врагам народа.

Избирательная кампания закончена. Руководство партии и великого Сталина обеспечило блестящие итоги выборов. Жалкая ставка вражеского охвостья еще раз оказалась битой. Извращения и искажения были исправлены и устранены в ходе кампании. Но работа на этом не закончена.

Предстоят выборы в Верховный Совет союзных и автономных республик. Предстоит, следовательно, и органам прокуратуры новая большая работа.

Учет опыта прокурорского надзора в прошедшей избирательной кампании поможет нам еще лучше поработать в предстоящих кампаниях.

М. ЛЬВОВИЧ

Вольский избирательный округ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕПУТАТА В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СОЮЗА ССР ОТ ВОЛЬСКОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ОКРУГА)

Прокурор Союза ССР Андрей Януарьевич Вышинский избран в депутаты Верховного Совета СССР от Вольского избирательного округа.

Что представлял собой Вольский избирательный округ в недалеком прошлом и что он представляет собой к 20-летию Великой Октябрьской революции?

В Вольский избирательный округ Саратовской области по выборам в Верховный Совет СССР входят следующие районы: 1) город Вольск и его сельскохозяйственная зона (центр избирательного округа), 2) Балаковский район, 3) Духовницкий район, 4) Чапаевский район, 5) Хвалынский район, 6) Широко-Буеракский район, 7) Черкасский район, 8) Балтайский район, 9) Куриловский район.

На месте нынешнего города Вольска в XVII веке существовал один из центров волжской вольницы (кабак под названием «Разувай»). Впоследствии здесь возникло село Мальковка, жители которого в 1772—1774 гг. прикнули к Пугачеву. В 1780 г. Мальковка была переименована в Вольск и сделана уездным городом.

Таким образом центр избирательного округа г. Вольска имеет славное прошлое и насчитывает свыше 160 лет своего существования.

Количество избирателей по Вольскому избирательному округу исчисляется в 147 977 человек, из них на Вольский район приходится 38 820 чел., на Балаковский — 27 000, Духовницкий — 12 646, Чапаевский — 7 834, Хвалынский — 19 074, Широко-Буеракский — 7 887, Черкасский — 10 840, Балтайский — 12 300, Куриловский — 10 786.

Огромные изменения, которые произошли за годы революции во всем нашем Союзе, видны и на примере районов, входящих в Вольский избирательный округ.

Вольск на весь Советский союз славится своим цементом.

Базой цементной промышленности г. Вольска служит минеральное сырье (известняки и глина), добываемое в расположенных вблизи Вольска Девичьих или Вольских меловых горах.

Возникновение вольской цементной промышленности относится к 1897 г., причем с самого начала промышленность приняла крупные капиталистические формы и развитие ее пошло очень быстрыми темпами.

До Октябрьской революции вся промышленность г. Вольска была в руках купцов и акционерных компаний. Так, цементный завод, нынешний «Большевик» до революции принадлежал

глухоозерскому товариществу; цементный завод, ныне «Красный Октябрь» — купцу Зейферт; цементный завод «Комсомолец» — акционерному обществу Ассерин; цементный завод «Коммунар» — обществу саратовских купцов; Экспериментальный завод по обслуживанию машинами цементной промышленности — купцу Гольденбрант; пивзавод — купцу Вормс; механическая мукомольная мельница и кожзавод — купцу Меркульеву; спиртзавод — помещику Кокуеву.

По всей цементной группе выработка продукции в 1913 г. составляла 285 тысяч тонн, со средней месячной зарплатой рабочего в 20 рублей.

В 1936 г. выработка товарной продукции составила уже 638 тысяч тонн цемента, т. е. увеличилась по сравнению с 1913 г. в 2,2 раза, а зарплата рабочего за тот же период увеличилась в 9 раз.

Рост выпуска продукции произошел, главным образом, за счет механизации производства (взрывной метод добычи сырья, применение экскаваторов и проч.) и значительного поднятия производительности труда, как следствие развернувшегося стахановского движения.

За годы революции в г. Вольске вновь организованы на основе фабрично-заводских методов следующие производства: изготовление шифера, выработка высококачественной кожаной продукции (хром, шевро), выработка извести, выработка дубильного экстракта; экспериментальный завод «Металлист», вырабатывающий для цементной промышленности машины и другое оборудование; хлебокомбинат, заменивший до 10 кустарных пекарен, и т. д.

За годы революции проложена железнодорожная ветка вдоль берега реки Волги, которая обслуживает завод «Металлист», лесопильный завод, пивоваренный завод, два известковых завода, крупнейший цементный завод «Большевик» и мельницу.

Значительно расширена мощность центральной электростанции, которая до революции подавала электроэнергию только одному цементному (ныне «Большевик»), а в настоящее время обслуживает все цементные заводы, целый ряд других промышленных предприятий и одновременно и бытовые нужды трудящихся города.

Нельзя не коснуться значительного сдвига в промышленности г. Вольска, благодаря применению автотранспорта. До революции в г. Вольске совершенно не было автотранспорта, в настоящее же время промышленность имеет большое количество автомашин.

На заводах и предприятиях г. Вольска стахановское движение и ударничество из года в год расширяется, что, разумеется, отражается на положении рабочих.

Так, по цементному «Большевик» тов. Ананьев в 1935 г. зарабатывал в среднем 228 рублей в месяц, а в 1937 г. — уже 451 руб. в месяц. Макаров соответственно — 324 руб. и 416 руб., Иванов — 282 руб. и 385 руб.

По цементному «Коммунар»: Гребенников в 1935 г. зарабатывал 305 руб. в месяц, а в 1937 г. — 452 руб., Тулузаков — соответственно 280 и 416 руб.

По цементному «Пионер»: Шведов в 1935 г. зарабатывал 145 руб. в месяц, а в 1937 г. —

366 руб., Трунов — соответственно 158 руб. и 227 руб.

По электротопке: Зуев зарабатывал в 1936 г. 291 руб. в месяц, а в 1937 г. — 476 руб., Куликов соответственно — 333 руб. и 509 руб., Локтев — 315 и 455 руб.

По кожзаводу: Козлов зарабатывал в 1935 г. 159 руб. в месяц, а в 1937 году — 390 руб., Найденов соответственно — 163 руб. и 363 руб., Кисин — 185 руб. и 348 руб.

По заводу «Металлист»: Турлаков в 1936 г. зарабатывал 620 руб. в месяц, а в 1937 г. — 805 руб., Якушев соответственно 559 руб. и 573 руб., Федоров — 307 руб. и 463 руб.

По хлебокомбинату: Шейна зарабатывала в 1935 г. 85 рублей в месяц, а в 1937 г. — 148 руб., Соколова соответственно 100 руб. и 255 руб., Гейбель — 92 руб. 50 коп. и 375 руб.

Наиболее развитая промышленность (союзного, областного и местного значения) находится в городе Вольске.

В Балаковском районе имеется судоремонтный завод с выработкой в 1936 г. продукции на сумму свыше 5 миллионов рублей, машиностроительный завод с выработкой в 1936 г. валовой продукции на сумму свыше полутора миллиона рублей и за 9 месяцев 1937 г. на сумму около двух миллионов рублей; кирпичный завод полуфабричного типа, лесопильный завод, причем все эти заводы и предприятия (кроме машиностроительного завода) возникли за годы революции. В Хвалыном районе имеется комбинат по переработке плодоовощей, маслобойный завод, лесопильный завод, кирпичный завод, а в селе Алексеевке судоремонтные мастерские. В Балтайском районе имеется довольно крупный вареньеварочный завод. В Куриловском районе расположен крупный птицекомбинат.

Остальные районы, входящие в Вольский избирательный округ, сколько-нибудь крупных промышленных предприятий не имеют, если не считать предприятий, принадлежащих кустарно-промысловой кооперации (известковый завод, бондарное, кондитерско-хлебопекарное и кузнечное производства).

До Октябрьской революции в сельскохозяйственной зоне г. Вольска было 1828 крестьянских хозяйств, которые имели 7628 га земли.

Наряду с этим в Вольской сельскохозяйственной зоне 3 землевладельца — княгиня Ливен, граф Орлов-Денисов и купец Кокуев — имели 44 тысячи га земли, т. е. по существу владели всеми лучшими землями и лесами.

Не было свободно от помещичьего гнета и крестьянство других районов Вольского избирательного округа. Так, в Балаковском районе крупными земельными магнатами были купцы Мамины, Мальцевы и другие.

В Черкасском районе имели крупные владения граф Уваров и княгиня Шиманская.

В Балтайском районе граф Нессельроде (село Царевщино), помещики Сенатовы и Зоркины.

В Куриловском районе — граф Орлов-Денисов, помещик Ружичко-Де-Розенверт.

До Октябрьской революции в среднем на крестьянское хозяйство приходилось 4 га земли, а надельной земли только 1,83 га, тогда как на одного помещика приходилось 14 666 га лучшей земли.

Сенокосов у крестьян почти не было — они

все принадлежали указанным выше трем помещикам.

Лучшие волжские заливные луга с лесами и прудами для ловли рыбы и водопоя принадлежали помещице княгине Ливен.

При таком положении крестьянство было вынуждено выплачивать огромные арендные суммы помещикам за землю, чтобы самим владеть жалкое полуголодное существование.

Октябрьская социалистическая революция уничтожила помещика и кулака, провела коллективизацию крестьянских хозяйств в деревне и создала все необходимые условия для зажиточной и культурной жизни.

Районы Вольского избирательного округа являются районами сплошной коллективизации, что видно из следующих цифр:

Вольский район	100%
Балаковский район	99,3%
Духовницкий	98,0%
Чапаевский	99,7%
Хвалынский	99,3%
Ш.-Буеракский	97,0%
Черкасский	98,0%
Балтайский	98,5%
Куриловский	98,2%

Колхозы Вольской сельскохозяйственной зоны к 20-й годовщине Октябрьской социалистической революции имеют на 1071 хозяйство уже 20 381 га земли, закрепленной за ними по государственным актам в вечное бесплатное пользование.

Направление сельского хозяйства в Вольском избирательном округе зерновое-животноводческое.

Посевные площади главнейших зерновых и технических культур за 1937 г. по Вольскому избирательному округу характеризуются следующими цифрами:

	га
Вольский	8 483
Балаковский	86 726
Духовницкий	82 841
Чапаевский	45 853
Хвалынский	57 582
Ш.-Буеракский	39 402
Балтайский	53 301
Куриловский	42 254

К настоящему моменту сельское хозяйство Вольского избирательного округа является крупносоциалистическим, в значительной мере механизированным, что подтверждается следующими цифрами:

Районы	Количество МТС	Тракторы	Комбайны	Тракторы, сенокосы	Сложные молотилки
Вольский	1	48	17	24	12
Балаковский	4	235	145	124	57
Духовницкий	3	247	108	122	47
Чапаевский	2	157	58	74	37
Хвалынский	2	242	85	91	45
Ш.-Буеракский	2	181	60	—	34
Черкасский	3	316	86	—	—
Балтайский	3	216	82	—	46
Куриловский	2	177	63	117	52

В дополнение к механической тяговой силе по районам округа имеется рабочий скот: по Вольскому району 550 лошадей и 86 волов, по Балаковскому соответственно 2 405 и 1 817, по Духовницкому — 1 706 и 1 198, по Чапаевскому 721 и 969, по Хвалынскому — 1 854 и 672, по Ш.-Буеракскому — 499 и 250, по Черкасскому — 845 и 1 636 и по Куриловскому — 1 045 и 294.

Количество продуктивного скота в Вольском избирательном округе характеризуется такими показателями:

Районы	Крупного рогатого скота	Овец и коз	Свиней
Вольский	1 070	2 098	956
Балаковский	4 530	15 107	3 774
Духовницкий	10 792	19 358	1 267
Чапаевский	1 950	13 509	1 107
Хвалынский	3 188	7 345	1 775
Куриловский	5 469	8 265	714
Ш.-Буеракский	919	4 275	808
Черкасский	1 636	3 134	1 294

До 1937 г., несмотря на большую оснащенность сельского хозяйства, районы Вольского избирательного округа из-за засух, отсутствия дождей в критические периоды были неблагоприятными по урожайности хлебов. Но не только этим объяснялась низкая урожайность в эти годы. Вредительство в области сельского хозяйства, установление неправильных севооборотов, запустывание семенного дела и умышленное затягивание хода сельскохозяйственных работ сыграли здесь немаловажную роль.

В 1937 г. урожайность хлебов резко повысилась, вследствие чего имеет место значительный рост зажиточности колхозного крестьянства.

Приведем несколько примеров роста зажиточности колхозников:

Вольский район

Лопаткин (колхоз «Коммунар») имеет 920 трудодней, получает хлеба 690 пудов, Чибров (колхоз «Коммунар») заработал 1 023 трудодня, получает хлеба 928 пудов.

Балаковский район

Карпов, в прошлом батрак, не имевший никакого имущества, теперь бригадир тракторной бригады ЧТЗ, орденосец. Он имеет дом, корову, одного теленка, одного телятника, шесть овец, свинью с приплодом, патефон, радио, хорошую библиотеку, велосипед, ружье. Заработал в 1937 г. 1 600 трудодней, получает 3 100 руб., хлеб — 816 пудов. По многосемейности ежегодно получает 2 000 руб.

Каркуша, комбайнер колхоза имени ОГПУ, в прошлом батрак. В настоящее время имеет: дом с обстановкой, одного теленка, одного телятника, свинью, птицу, велосипед, заработал деньгами 5 000 руб., хлеб — 150 пудов.

Вильдяев (колхоз «Большевик»), бригадир тракторной бригады ЧТЗ. В прошлом крестьянин-бедняк. В настоящее время он имеет дом, корову, два теленка, четыре овцы, птицу, велосипед и ружье. Семья состоит из двух человек. Заработал 1 602 трудодня, получает хлебом 1 056 пудов и деньгами 3 600 руб.

Хвалынский район

Комбайнер Вавилов в 1935 г. заработал 2 800 руб., в 1936 г. — 4 400 руб., в 1937 г. — 5 050 руб.

Комбайнер Сухоруков в 1935 г. заработал 2 620 руб., в 1936 г. — 3 660 руб., в 1937 г. — 4 500 руб.

Куриловский район

Бригадир тракторной бригады колхоза «Красный нацмен» Пузыркин заработал вместе с семьей 1 870 трудодней и получил авансом 1 500 пудов хлеба. Сделал заявку на два велосипеда и собирается купить мотоцикл.

Трокин, рядовой колхозник колхоза «Красный нацмен» № 1, заработал в 1937 г. трудодней 652, получил авансом 500 пудов хлеба.

Барушкин, рядовой колхозник села Сухой Карабулак, заработал с семьей 1 294 трудодня, получил авансом 800 пудов хлеба.

Тимохин, рядовой колхозник колхоза «Советская деревня», заработал 947 трудодней, получил 650 пудов хлеба.

Балтайский район

Шурвегин, колхозник колхоза «Завет Ильича», в 1936 г. заработал трудодней 516, получил 60 пудов хлеба, а в 1937 г. заработал трудодней 771, получил авансом 272 пуда хлеба.

Уржаткин, колхозник колхоза имени Ленина, заработал в 1937 г. 863 трудодня, получил авансом 426 пудов хлеба.

Колхозник Аникин выработал в 1937 г. 1 000 трудодней и получил только авансом 801 пуд хлеба, колхозник Голубин выработал 917 трудодней и получил авансом 768 пудов хлеба, и т. д.

Чапаевский район

Желтов, колхозник колхоза имени Сталина, заработал в 1937 г. 477 трудодней, получил авансом 390 пудов хлеба, деньгами 715 руб.

Козлов, тракторист-стахановец, заработал в 1937 г. 837 трудодней, получил 654 пуда хлеба и деньгами 1 254 руб.

Черкасский район

Пруцков, колхозник колхоза «Путь к социализму», в 1937 г. выработал более тысячи трудодней, заработал хлеба свыше 720 пудов.

Телков, колхозник колхоза «Большевик», выработал с семьей 1 504 трудодня, заработал 1 092 пуда хлеба.

Мокроусов, колхозник колхоза «Большевик», выработал с семьей 1 161 трудодень, заработал хлеба 852 пуда.

Мы могли бы привести еще много аналогичных примеров, но полагаем, что и сказанного достаточно для характеристики огромного роста жилищной и культурной жизни нашей колхозной деревни.

Деревня переродилась, изменилась, буквально, до неузнаваемости. От забитой, невежественной, полуголодной, убогой старой деревни не осталось и следа.

Советская колхозная деревня живет бодрой, сытой, культурной и радостной жизнью.

Не меньшие перемены произошли за время революции и в культурном отношении, что ярко видно на примере г. Вольска.

До революции в г. Вольске из 6 360 детей в возрасте от 7 до 14 лет обучалось только 2 862 человека. Из 3 455 подростков в возрасте от 14 до 18 лет обучалось только 1 841 человек.

В Вольске имелся кадетский корпус, готовивший из помещичьих сынков военную аристократию, духовная семинария, готовившая поповские кадры. Недалеко от духовной семинарии находилось епархиальное училище, в котором давалось кое-какое образование поповским дочкам — будущим попадьям.

В Вольске существовали также женские гимназия и реальное училище, которые были доступны только детям правящей клики.

Наконец, в Вольске существовала учительская семинария, где преимущественно воспитывались кулацкие дети и лишь в виде из ряда вон выходящего исключения попадались отдельные счастливые из детей трудящихся.

Естественно, что «кухаркины дети», дети трудящихся оказывались вне «системы» народного образования.

Коренным образом изменилось положение с просвещением народных масс за годы революции.

В настоящее время в г. Вольске в начальных, неполных средних и средних школах обучаются 12 938 человек, причем в подавляющей массе это дети рабочих и крестьян.

Наряду с этим Вольск имеет техникумы и училища, готовящие кадры для социалистической промышленности, сельского хозяйства, народного образования и рабоче-крестьянской Красной армии.

Так, в Вольске имеется авиационная школа, готовящая авиатехников. Цементная промышленность пополняет заводы квалифицированными кадрами, которые готовятся в силикатно-химическом техникуме. Педагогическое училище, с постоянно действующими при училище курсами, занято переподготовкой школьных работников. В Вольске имеется школа по подготовке среднего медицинского персонала. С первых лет революции существует сельскохозяйственный техникум, готовящий агрономов-полеводов и зоотехников, имеется школа тракторных механиков, школа газетных работников (областного значения), постоянно действуют бухгалтерские курсы, готовящие кадры для совхозов, колхозов и МТС. Помимо этого ежегодно проводятся курсы по подготовке массовых квалификаций для сельского хозяйства и промышленности.

Но такие сдвиги характерны не только для г. Вольска.

В любом районе можно найти десятки и сотни агрономов, педагогов, врачей, инженеров — выходцев из беднейших слоев населения, которым советская власть открыла двери высшего учебного заведения.

В Черкасском районе у колхозника Федорова сын Михаил окончил Институт механизации

ции и работает преподавателем по механизации, а дочь Евдокия окончила педагогический институт. У бывшей беднячки Синичкиной сын Петр окончил автомобильный институт и работает инженером. У Ивана Филиппова дочь Анисья окончила педагогический институт, а сын Константин — ветеринарный институт.

В Балтайском районе у бывшего бедняка Балакина сын — командир полка, у колхозника Аникина — сын инженер, у колхозника Фадеева — сын авиатехник, у бывшего пастуха-баракера Васильева — сын инженер и т. д. и т. п.

До революции в г. Вольске имелось одно только кино, под которое был приспособлен торговый лабаз.

В настоящее время в самом городе имеется совхозно-колхозный театр, шесть клубов, два звуковых кино и одно немое. На всех цемзаводах имеются стационарные звуковые кино. Колхозы и совхозы обслуживаются кинопередвижками, при этом два крупных села с большой рабочей прослойкой — Терса и с. Рыбное — имеют свои стационарные кино.

Кроме того в Вольске имеется целый ряд еще и других культурных учреждений (стадионы, библиотеки, избы-читальни, хаты-лаборатории и проч.).

Забота советской власти о человеке нашла свое отражение и по линии органов здравоохранения.

Если до революции в г. Вольске была только одна больница, 2 амбулатории и 2 фельдшерских пункта на цемзаводах с общим количеством врачей в 5 человек, то в настоящее время Вольск имеет вновь построенную больницу на 120 коек, 6 расширенных и улучшенных больниц, 10 амбулаторий, туберкулезный

диспансер, кожно-венерический диспансер, малярную станцию, хирургическую больницу, 2 рентгеновских кабинета, детскую консультацию, 2 зубоврачебных амбулатории с протезной мастерской, 4 фельдшерских пункта, причем эти лечебные учреждения обслуживаются 56 врачами.

Таковы, в немногих словах, те огромные перемены, которые произошли за годы революции в экономике, культуре, во всем облике Вольского избирательного округа.

Вот почему население Вольского избирательного округа с таким воодушевлением и подъемом, с такой волнующей трогательностью и любовью встречало своего кандидата в Верховный Совет Союза ССР товарища Вышинского — верного сына великой партии Ленина — Сталина, которая вела нашу родину от победы к победе в течение всех двадцати лет революции.

И если тов. Вышинскому вновь придется с трибуны государственного обвинения перед всем миром изобличать в тягчайших государственных преступлениях троцкистско-бухаринских и иных предателей, он с еще большим правом, чем прежде, сможет сказать: «Я обвиняю не один...».

Рядом с государственным обвинителем на сей раз будут незримо присутствовать рабочие, колхозники, трудовая интеллигенция Вольского округа, избравшие его своим представителем в высший законодательный орган Союза ССР, его устами будут говорить многонациональные народы Союза, единодушно голосовавшие 12 декабря за партию Ленина — Сталина против изменников и ренегатов.

Я. ГОРБУЛЕВ и Р. РАХУНОВ

Кадры

Прошло более 2 с половиною лет со времени исторической речи товарища Сталина в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной армии. В этой речи с особой силой и необычайной яркостью выражены роль и значение кадров в нынешних условиях: «Надо, наконец, понять, — говорил товарищ Сталин, — что из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Надо понять, что при наших нынешних условиях кадры решают все». Именно так обстоит с вопросом о кадрах на данном этапе, когда социализм в основном построен и когда от людей зависит дальнейшее успешное движение вперед по пути социалистического строительства.

Поставленные перед нами задачи тем успешнее будут разрешены, чем лучше и правильней будут расставлены люди, кадры на всех участках работы. Надо ценить работника, проверять его по политическому и деловому признаку и правильно расставлять людей соответственно способностям каждого из них.

И не случайно на февральско-мартовском

плenumе ЦК ВКП(б) товарищ Сталин, подвергая критике недостатки партийной работы, вновь поставил со всей остротой вопрос о людях. «Что значит — правильно подбирать работников и правильно расставлять их на работе? Это значит подбирать работников, во-первых, по политическому признаку, т. е. заслуживают ли они политического доверия, и, во-вторых, по деловому признаку, т. е. пригодны ли они для такой-то конкретной работы»¹.

Неуклонно выполняя эти исторические указания вождя народов товарища Сталина, мы добились в нашей стране величайших успехов в области государственного, хозяйственного и культурного строительства.

В двадцатую годовщину Великой Октябрьской Социалистической революции народы нашей страны подвели итоги своих величайших достижений и побед. Под руководством гениальных вождей трудящихся Ленина и Сталина стала неузнаваемой наша страна. Из

¹ Сталин, О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников, стр. 32, Партиздат, 1937 г.

страны аграрной, отсталой и нищей она превратилась в передовую, богатую, индустриальную, социалистическую державу. В стране построен социализм, т. е. уничтожена всякая эксплуатация человека человеком и ликвидированы паразитические классы. В нашей стране остались лишь только рабочий класс и крестьянство, с которыми интеллигенция «в одной упряжке с ними ведет стройку нового социалистического общества»¹. Наша страна стала социалистическим государством рабочих и крестьян. Необычайно выросли политическое сознание и культурный уровень широких народных масс.

Если 20 лет тому назад Россия была страной неграмотных, то теперь в СССР в основном неграмотность ликвидирована. В начальных школах Союза в 3,6 раза больше учащихся, чем в царской России, почти в 5 раз выросло число учащихся в высших учебных заведениях, причем более миллиона учащихся в вузах и специальных средних школах обеспечено государственной стипендией.

Вместе с ростом нашей замечательной родины растут и люди, которые активно переделывают нашу страну. В нашей стране уже сейчас имеются тысячи и тысячи замечательных людей, выросших и воспитанных благодаря неустанной заботе вождя нашей партии товарища Сталина. Имена Стаханова, Изотова, Бусыгина, Кривоноса, Сметанина, Демченко, Виноградовых, Коробовых, славных соколов нашей авиации Чкалова, Белякова, Байдукова, Громова, Юмашева, Данилина известны не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами и пользуются особой любовью и уважением у трудящихся всех стран.

Простой доменщик Макеевского завода—Коробов—в настоящее время является директором одного из величайших в мире металлургических комбинатов. Под руководством знатного директора Коробова Магнитогорский комбинат выпускает в два с половиной раза больше продукции, чем металлургические заводы всей Польши вместе взятые.

Простой шахтер Изотов прекрасно управляет в настоящее время одним из крупнейших угольных трестов «Шахтантрацит». И именно под руководством Изотова, воспитанного лучшими соратниками товарища Сталина—т. Серго Орджоникидзе и Л. М. Кагановичем, трест успешно выполняет план добычи угля.

Молодой машинист паровоза, инициатор стахановского движения на железнодорожном транспорте, Петр Кривонос, является руководителем паровозного депо ст. Славянск и образцово выполняет возложенные на него задачи.

Подобных примеров можно привести великое множество. Только в нашей стране—стране социализма—возможен такой рост людей из рабочего класса и колхозного крестьянства.

Ничего подобного нет и не может быть в капиталистических странах, где существует эксплуатация человека человеком и где широ-

ким трудящимся массам, задавленным гнетом капитала, нет дороги не только к культуре, но и к свободному труду.

20 лет советской власти—20 лет творческой работы и одновременно борьбы с врагами страны социализма—дали свои прекрасные результаты, записанные огненными буквами в Великой Сталинской Конституции. «В результате пройденного пути борьбы и лишений, приятно и радостно иметь свою конституцию, трактующую о плодах наших побед. Приятно и радостно знать, за что боролись наши люди и как они добились всемирно-исторической победы. Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты» (Сталин). Отсюда вывод: как зеницу ока, мы должны беречь Сталинскую Конституцию—эту хартию великих завоеваний, от всех нарушений и посягательств, откуда бы они ни исходили.

Наши победы на социалистическом фронте были бы неизмеримо более велики, если бы нам не вредили и не кастиляли агенты международного фашизма—троцкистско-бухаринские, рыковские шпионы, диверсанты, убийцы, изменники родине.

Особая роль по охране законности в нашей стране Сталинской Конституцией возложена на органы прокуратуры. Согласно ст. 113 Конституции СССР, высший надзор за точным исполнением законов как отдельными учреждениями, должностными лицами, так и гражданами СССР, возлагается на Прокурора Союза и органы прокуратуры на местах.

В своем докладе на Чрезвычайном VIII съезде советов о проекте Конституции товарищ Сталин, касаясь вопроса о значении законности в стране, сказал: «Стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было»¹. Отсюда задачи борьбы за нерушимость и неизблемость советского закона.

Ответственная почетная задача по обеспечению стабильности советской законности возложена на органы Прокуратуры и поэтому предъявляет к нам серьезные требования по укреплению органов прокуратуры преданными партии и советской власти людьми.

Мероприятия, проведенные Прокуратурой Союза за последнее время, в особенности после указаний февральско-мартовского пленума ЦК, показали, однако, что и органы прокуратуры оказались, в известной мере, засоренными враждебными и контрреволюционными элементами—врагами народа.

Работа по разоблачению врагов народа, проникших в органы прокуратуры, широко развернулась сверху донизу при широком и непосредственном участии партийных организаций и широких масс непартийных большевиков.

Примером в этом отношении может служить центральный аппарат Прокуратуры Союза. Руководством прокуратуры и партийной организацией были разоблачены враги народа—Сегал, быв. главный прокурор железнодорожного транспорта, и Прусс, быв. пом. Прокурора СССР по спецделам.

¹ Сталин, О проекте Конституции Союза ССР, стр. 13, Партиздат, 1936 г.

¹ Сталин, О проекте Конституции Союза ССР, стр. 38, Партиздат, 1936 г.

Должностное положение этих людей показывает, что враги старались занять наиболее ответственные и важные участки в аппарате прокуратуры для того, чтобы проводить свою контрреволюционную работу. Ряд лет, маскируясь, лавируя и двурушничая, эти люди вредили и подрывали нашу работу по борьбе с контрреволюционными преступлениями.

Та же вражеская работа проводилась в некоторых республиканских, краевых, областных прокуратурах: Азово-Черноморская крайпрокуратура — Драгунским; Свердловская облпрокуратура — Лейманом; Курская облпрокуратура — Заславским.

Основная тактика этих врагов народа, проникших на руководящую работу в органы Прокуратуры, сводилась к тому, чтобы ослабить борьбу с контрреволюционными преступлениями путем смазывания целого ряда крупных дел этой категории. Наряду с этим, для дискредитации революционной законности и создания недовольства среди населения, они практиковали массовое привлечение к ответственности рабочих и колхозников за маловажные проступки. Они покрывали вопиющие случаи нарушения прав трудящихся, они систематически клали под сукно жалобы трудящихся и самые серьезные сигналы о творящихся безобразиях. Особо эта антисоветская практика применялась в отношении деревенских работников.

Враги народа расставляли «своих» людей на важных участках прокурорской работы для выполнения своих контрреволюционных целей.

Враг народа Заславский, бывший прокурор Курской области, подбирал людей по признакам «идейной» близости и кумовства. Например, им был принят на работу Яхнич, оказавшийся врагом народа. Заславский давал троцкистские указания о том, чтобы под разными предлогами освобождать из тюрем заключенных — врагов народа. По его указанию были освобождены враги народа и уголовные преступники. С другой стороны, по Курской области было осуждено большое количество рабочих и колхозников за малозначительные проступки.

В Азово-Черноморской прокуратуре враг народа Драгунский, окруживший себя своими приспешниками Петренко, Кудрявцевым и другими, умышленно засорял аппарат, приводя в неработоспособное состояние городские и районные прокуратуры, давая неправильные и политически вредные указания по самым острым вопросам работы прокуратуры. Так, например, Драгунский давал указания прокурорам поменьше заниматься делами о контрреволюционных преступлениях, маскируя тем самым ослабление борьбы с контрреволюцией.

Обследование Свердловской областной прокуратуры показало, что враг народа Лейман сознательно засорял областной аппарат людьми, разоблаченными впоследствии как враги народа.

Лейман ставил на ответственные участки прокурорской работы пьяниц, растратчиков, мошенников, дискредитируя тем самым в глазах населения органы прокуратуры.

Так, например, прокурором Кунгурского района был назначен Кожевников, осужденный в

настоящее время как растратчик и пьяница. Прокурором Красноуфимского района был назначен Прокин — самозванец, осужденный за присвоение ордена Красного знамени. Прокурором Еловского района — Пустозеров, осужденный за присвоение вещественных доказательств, и т. п.

Можно было бы привести целый ряд аналогичных примеров и по другим краям и областям, где орудовали враги, но и этих примеров достаточно для того, чтобы составить себе представление о методах вредительской подрывной работы врагов народа, проникших в органы прокуратуры.

В результате работы по очищению прокуратуры от враждебных и чуждых элементов (которая, кстати сказать, в некоторых районах разворачивается совершенно недостаточно) органы прокуратуры окрепли и стали более подготовленными к борьбе за укрепление социалистической законности в стране.

Более метко органы прокуратуры стали наносить удары по действительным врагам социалистической родины, и неизмеримо возросла революционно-классовая бдительность работников прокуратуры.

Энергичными усилиями работников органов прокуратуры, под руководством партии, ликвидируются последствия вражеской работы в системе прокуратуры.

Органы прокуратуры окрепли и стали более боеспособными к выполнению поставленных партией и правительством перед ними задач. Этот вывод находит свое подтверждение в постановлении правительства от 20/VI 1937 г., отметившего факт укрепления социалистической законности и органов прокуратуры и наградившего Прокурора Союза ССР тов. Вышинского А. Я. высшей наградой — орденом Ленина.

В последующем постановлении своем от 29/VIII 1937 г. правительство наградило заместителей Прокурора Союза тт. Леплевского Г. М. и Рогинского Г. К., а также ряд других прокуроров орденами СССР.

Это постановление правительства является наградой не только группе работников прокуратуры, но и всей прокуратуре в целом. Это постановление правительства воодушевляет и вдохновляет каждого из нас на самоотверженную работу.

Однако надо отметить, что ряд прокуратур не проявил должной революционной политической остроты в деле проверки своих рядов и очищения их от всего контрреволюционного и враждебного.

Очевидно, товарищи до сих пор недопонимают требований, поставленных перед органами прокуратуры партией, и проявляют в этом важнейшем политическом деле политическую беспечность и благодушие.

Разоблачение врагов, засевавших в аппарате ряда прокуратур, шло помимо и через головы их руководителей, и враги были разоблачены благодаря бдительности органов НКВД.

В качестве примера можно указать Ярославскую областную прокуратуру, в которой существовало контрреволюционное гнездо во главе с бывшим заместителем прокурора по спецделам Марчуком, разоблаченное органами НКВД, а областной прокурор т. Юрчук, вслед-

стве своей близорукости, всего этого не видел.

Очистившись от врагов народа и других чуждых и разложившихся элементов, органы прокуратуры за это время укрепились людьми, преданными делу партии Ленина—Сталина. Восполнение это шло, главным образом, за счет передвижения и выдвижения рядовых работников на более ответственные должности.

За 15 лет создан крепкий костяк прокуроров и следователей, который прошел через две сталинские пятилетки и пополнился новыми молодыми работниками, окончившими советские вузы и правовые школы.

Взять для примера московскую городскую прокуратуру: среди прокуроров—99% коммунистов, а среди следователей—25% коммунистов и 30% комсомольцев. Остальные прокуроры и следователи в массе своей непартийные большевики. Среди прокуроров—50% с высшим специальным образованием, а 23% прослушали курс в правовых школах; среди следователей—62% с высшим юридическим образованием, а 16% окончили курс в правовых школах.

По УССР 93% городских и районных прокуроров—члены партии и 4%—кандидаты. 63% из них—это коммунисты с более чем 10-летним партстажем. Только 8% работают менее года и 30%—от 1 до 3 лет. Остальные же работают в органах прокуратуры свыше 3 лет. 61,5% имеют высшее и среднее юридическое образование.

Среди следователей—45% коммунистов и комсомольцев. Только 13% работают в органах прокуратуры менее года. 93% из них имеют высшее и среднее юридическое образование. Таково, примерно, положение с кадрами и в большинстве республик, областей и краев.

Задача заключается в том, чтобы правильно расставить людей, обучать и воспитывать их. Руководствуясь указаниями товарища Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) о том, что «Людей способных, людей талантливых у нас десятки тысяч, надо только их знать и во-время выдвигать, чтобы они не переставали на старом месте и не начинали гнить...»¹, Прокуратура Союза и органы прокуратуры на местах за последнее время выдвинули и продвинули на более ответственную руководящую самостоятельную работу около 400 прокурорско-следственных работников.

Практика показала, что эти люди, вчерашние рядовые работники, проявили себя выдержанными руководителями, обеспечившими порученный им участок работы.

Прокурор Смольнинского района г. Ленинграда т. Баранов, член ВКП(б) с 1926 г., рождения 1905 г. выдвинут и назначен прокурором Свердловской области.

Прокурор Воронежской области назначен бывший прокурор г. Тулы—тов. Никиточкин, член партии с 1923 г., сын рабочего, имеющий большой опыт руководящей, комсомольской, партийной и прокурорской работы.

Прокурор Ростокинского района г. Москвы, тов. Трубоченко, член ВКП(б) с 1919 г., назначен прокурором Мордовской АССР.

¹ Сталин, О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников, стр. 26.

Прокурор отдела по надзору за местами заключения Прокуратуры СССР т. Терентьев назначен прокурором Смоленской области. Тов. Терентьев—член партии с 1919 г., окончил Московский государственный университет. На прокурорской работе с 1924 г.

Заместителем прокурора РСФСР назначен прокурор Красногвардейского района г. Ленинграда тов. Волин, член ВКП(б), в органах суда и прокуратуры работает с 1933 г.

Прокурором БССР назначен прокурор Советского района г. Москвы тов. Новик, рождения 1906 г., член партии с 1926 г., в прокуратуре работает с 1931 г.

Ряд участковых прокуроров железнодорожного транспорта выдвинут прокурорами дорог.

Не секрет, что среди определенной части ответственных работников прокуратуры существовала, а кое-где существует и поныне, с позволения сказать, «теория» о каких-то особых свойствах, присущих крайоблпрокурорам, о существовании какой-то плеяды незаменимых прокуроров.

Излишне говорить об антипартийности и вредности подобного рода взглядов, находящихся в полном противоречии с линией партии, на смелое и решительное выдвижение политически проверенных и практически подготовленных рядовых работников на более ответственную работу.

Положительная и успешная работа этих товарищей на руководящих постах разбивает эту гниющую антипартийную «теорию».

В Свердловской области т. Баранов сумел за сравнительно короткий срок развернуть большую работу по ликвидации последствий вредительства врага народа Леймана, по очистке органов прокуратуры области и по укреплению их. При помощи местных парторганизаций им направлено новых 40 работников и для них организованы специальные подготовительные курсы.

Тов. Баранов добивается и, надеемся, безусловно добьется превращения Свердловской облпрокуратуры в передовую.

В центральном аппарате Прокуратуры Союза были выдвинуты на более ответственную работу прокуроры отделов тт. Глузман, Ульянова, Шейнин и Шарлот.

Тов. Шарлот, бывший помощник главного военного прокурора, назначен и. о. главного прокурора железнодорожного транспорта.

Тов. Глузман—член партии с 1918 года, в органах суда и прокуратуры работает с 1920 г., награждена знаком почетного чекиста; правительством она также награждена орденом Трудового Красного знамени. Тов. Глузман назначена заместителем начальника отдела по спецделам Прокуратуры СССР.

Тов. Ульянова член ВКП(б) с 1917 года, в органах суда и прокуратуры работает с 1920 г. Награждена орденом Красной звезды, назначена начальником 2-го отдела Главной военной прокуратуры РККА.

Тов. Шейнин, член партии с 1927 г., талантливый следователь, награжденный орденом Трудового Красного знамени, назначен начальником следственного отдела Прокуратуры Союза.

За 1937 г. по всему Союзу в органы прокуратуры принято вновь на работу около 2 тысяч человек, причем необходимо отметить, что

из этого числа более половины работников ранее не работало в органах прокуратуры.

Пополнение шло, в первую очередь, за счет приема на работу лиц, окончивших юридические высшие учебные заведения, правовые школы, а также за счет отправки местными партийными организациями, при содействии партийно-административного отдела ЦК ВКП(б), новых работников в систему прокуратуры.

Надо признать, что число выдвинутых на более ответственную и руководящую работу людей далеко недостаточно, причем далеко не все возможности исчерпаны. Прокуратурой Союза принимаются дальнейшие решительные меры по выдвижению работников Прокуратуры Союза на руководящую прокурорскую работу.

Этому примеру должна последовать и периферия, которая, кстати сказать, в этом вопросе еще весьма неповоротлива, а порой и консервативна.

Недавно на совещании в отделе кадров Прокуратуры Союза был заслушан доклад начальника отдела кадров Саратовской облпрокуратуры т. Холодова. В его докладе, а также в выступлении и. о. облпрокурора, т. Калачева, красной нитью проходило требование о присылке в Саратовскую область работников «из центра». При этом они делали ссылки на особые специфические условия, в которых работает Саратовская областная прокуратура. Не ясно ли, что такая тенденция проистекает из незнания людей и непонимания задач, поставленных партией в области кадров? Не случайно поэтому, что ни тов. Холодов, ни тов. Калачев не сумели назвать ни одной фамилии лучшего прокурора и следователя в области.

Не мало в Саратовской области людей, способных и достойных выдвижения на ту или иную ответственную прокурорско-следственную работу. Требуется только умение и желание находить этих людей.

Необходимо, к сожалению, констатировать, что прокурор Саратовской области и начальник отдела кадров являются не единственными прокурорами, проявляющими такое беспечное отношение к кадрам, что руководящие работники большинства краевых и областных прокуратур до сего времени по-настоящему, по-партийному не взялись за решение вопроса о кадрах.

Доказательством этого является тот факт, что ряд прокуроров краев и областей перевернул вопрос о кадрах второстепенным работникам. Это прямо противоречит указанию партии о том, что кадрами должны заниматься руководители учреждений непосредственно. Эти руководители не понимают или не хотят понять, что лозунг партии «кадры решают все» целиком и полностью относится и к органам прокуратуры.

Передоверив дело подбора людей второстепенным работникам и отделам кадров, руководители этих прокуратур укомплектовали к тому же отделы кадров людьми, по своим качествам не могущим обеспечить этой работы, а в ряде случаев отделы кадров вовсе не укомплектованы.

Даже в прокуратуре РСФСР в течение полтора лет нет начальника отдела кадров. В прокуратуре УССР также нет начальника отдела кадров уже более года. В Московской

городской прокуратуре вообще отдела кадров не существует.

Результатом безответственного отношения руководителей ряда краевых и областных прокуратур к вопросу о кадрах является также случайность подбора людей, неправильная их расстановка и незнание людей. Именно это обстоятельство приводит к тому, что в органы прокуратуры проникают чуждые, разложившиеся люди. Этим в известной мере и следует объяснить, что за 1937 г. из органов прокуратуры было изгнано более 500 прокуроров и следователей, разоблаченных как служивших в прошлом у белых и скрывших это обстоятельство или имевших в прошлом судимость, а также за пьянство, бытовое разложение, растраты, злоупотребление служебным положением.

Как пример исключительно безответственного отношения к вопросу о подборе людей, необходимо указать хотя бы на следующие факты.

Народным следователем Медновского района Калининской области был назначен некий Пушкиков. В производстве у него было дело комсомолки Комаровой. Вызвав ее на допрос, он предложил ей скрыться за «известную компенсацию». Комарова об этом заявила в обком ВЛКСМ. Первая же проверка показала, что Пушкиков авантюрист и мошенник. Установлено, что в октябре 1934 г. он был за совершенные им преступления исключен из партии. Постановление об исключении было опубликовано в печати. Не сдав партбилета и учетной карточки, Пушкиков скрылся и, выдавая себя за члена партии, поступил на работу в качестве следователя Челябинской прокуратуры. Там он проворовался, присвоил вещественные доказательства и скрылся. Еще ранее, в 1923 г., Пушкиков судился за взяточничество и был приговорен к 3 годам лишения свободы. В 1933 г. он, работая в органах прокуратуры Куйбышевского края и получив несколько взяток, скрылся. Разве не ясно, что если бы бывший Калининский прокурор Назаров прежде, чем Пушкикова зачислить на работу, справился хотя бы по месту прежней работы его в Челябинске, он вместо зачисления этого жулика следователем арестовал бы его? В данном случае, не было проявлено элементарной бдительности, так необходимой каждому руководителю при подборе людей.

На должность ст. следователя Западной областной прокуратуры был назначен некто Ершов.

Как теперь установлено, Ершов женат на дочери атамана Григорьева—изменника и бандита. Вместе с ним проживает также и жена этого атамана. Работая ранее в Западносибирской области, Ершов пьянствовал, учинял дебоши и дискредитировал прокуратуру. Работники Западной областной прокуратуры только недавно разоблачили Ершова, оказавшегося врагом народа. Не ясно ли, что при более бдительном подходе к приему людей Ершов не был бы допущен на работу в Прокуратуру.

Подобных фактов можно, к сожалению, привести немало.

На этих примерах нетрудно видеть, как безответственное отношение к вопросу подбора кадров образует щель, через которую в наши органы просачиваются чуждые и враждебные нам люди.

Наоборот, там, где прокуроры по-большевистски занимаются кадрами и осознали, что без разрешения вопроса о кадрах не может быть сколько-нибудь удовлетворительной работы прокуратуры, там дело обстоит значительно лучше.

Особо следует остановиться и заострить внимание на вопросах грамотности и культурного уровня прокурорско-следственных работников.

Имеется известная часть работников, которая в политическом отношении не вызывает никаких сомнений. Это люди, преданные делу партии, честно желающие работать на порученном им участке, но которые не могут со своей работой успешно справиться и двигаться вперед вследствие недостаточности своего культурного и политического развития.

В условиях небывалого культурного подъема нашей страны, прокуроры и следователи, не обладающие необходимыми общеобразовательными знаниями, необходимым кругозором, не могут успешно работать и обеспечить хорошее качество работы. Необходимо, чтобы в политическом развитии прокуроры и следователи не отставали. Прокурорская работа сугубо политична. Прокурор и следователь, разоблачая врагов народа, борясь с преступностью и нарушением социалистической законности, должны овладеть ленинизмом, знать диалектику, усвоить большевистские методы работы. Работники прокуратуры должны овладеть большевистской теорией права и техникой своей работы.

Враги народа Пашуканис, Берман и другие, орудовавшие на правовом фронте, насаждали в теории права троцкистско-бухаринские контрреволюционные взгляды. Враги народа разоблачены также в некоторых высших правовых учебных заведениях. Чтобы успешно выкорчевать последствия контрреволюционных теорий в области права, необходима систематическая и упорная работа каждого прокурора и следователя над собой по повышению своего идейно-теоретического уровня, по овладению большевизмом, по поднятию своей юридической квалификации, по общему повышению своего культурного уровня.

Между тем, действительность говорит о больших недостатках в этой области. Можно для примера привести следующие факты.

При проверке знаний стажеров при Прокуратуре Союза было установлено:

В городе Н. Донецкой области прокурором работает тов. Д., имеющий 15-летний стаж прокурорской работы. Тов. Д.—старый заслуженный работник, активный участник гражданской войны, а общая грамотность и политическое развитие тов. Д. весьма низки. Тов. Д. не знает элементарных положений из Конституции, плохо разбирается в «Положении о выборах в Верховный Совет», литературы никакой не читает, пишет безграмотно.

Военный прокурор Н-ской части тов. Г. не сумел показать на географической карте, где север, где юг.

Военный прокурор Н-ской части тов. В. не мог назвать ни одного произведения, написанного Пушкиным, за год не прочитал ни одной книги. Тов. Н., прокурор одного из кантонов республики Немцев Поволжья, не имеет представления об антикоминтерновском пакте,

заключенном между Германией, Италией, Японией.

Рекорд политического невежества и низкого культурного развития показал один народный следователь, приславший на имя Прокурора Союза 20 октября 1937 г. письмо следующего содержания (приводим дословно с сохранением орфографии):—«Направляя в 1 экземпляре меню... Горпо, напечатанное типографией райгазеты, заказ № 413, из коего мною заподозрено слова «щи ленивые». Не является ли оно особой формой антисоветской агитацией, что оно возможно дает пищу классовым врагам—дезорганизаторам производства, против стачковского движения и ударничества. Прошу так-ковое проверить через главлита, дабы узнать имеются ли в кулinaryи название обедов «щи ленивые». Так как работники столовой редакции ссылаются, что такое название имеется в книге под названием «поваренная книга» автора А. И. Никишова, издание 1929 года, Тверского гублита, страница 27—28».

Комментарии излишни. Приходится только с горечью констатировать, что на 21-м году Великой социалистической революции в наших органах прокуратуры работают такие люди под носом своего «начальства», которое, очевидно, людей своих не знает и ими не интересуется.

Прокуроры республик, краев и областей должны сделать для себя все необходимые выводы, вытекающие из постановлений февральско-мартовской пленума ЦК ВКП(б) и речи товарища Сталина на этом пленуме.

Прокуратура Союза в этой области предприняла и уже осуществила целый ряд мероприятий. В течение 1937 г. работает Институт стажеров, который в 1938 г. будет значительно расширен. Этот институт ставит перед собой цель практически обучить и в течение определенного периода времени теоретически подготовить значительный контингент работников периферии для выдвижения их на более ответственную работу.

Помимо Института стажеров в Прокуратуре Союза работает ФОН, ставящий перед собой ту же цель теоретической и практической подготовки работников периферии.

В 1938 г. при Прокуратуре Союза будут организованы 3-месячные курсы-конференции для республиканских, краевых, областных прокуроров и их заместителей в целях повышения их политического уровня, теоретической подготовки в области советского права, а также для ознакомления их с практикой работы центральной прокуратуры.

Прокуратура Союза организовала Институт штатных заместителей областных прокуроров, что служит средством для воспитания и выдвижения рядовых работников на более ответственную прокурорскую работу.

Организован также учет и изучение прокуроров и следователей, достойных выдвижения на руководящую работу.

Перед отделом кадров Прокуратуры Союза поставлена задача практической увязки с вузами и правовыми школами в целях изучения студентов, что поможет правильно их использовать после учебы на практической работе.

Необходимо дать решительный отпор имеющим место нездоровым деляцким тенденциям срыва учебы путем досрочных выпусков и мобилизаций. Такие люди забывают одно из ука-

заний товарища Ленина в его статье «Лучше меньше, да лучше».

«Надо взять за правило: лучше числом меньше, да качеством повыше. Надо взять за правило: лучше через два года или даже через три года, чем второпях, без всякой надежды получить солидный человеческий материал»¹.

Все эти мероприятия должны послужить средством для дальнейшего укрепления и большевизации прокурорских кадров.

Особо необходимо подчеркнуть задачи работы с группами содействия Прокуратуре.

На февральско-мартовском пленуме ЦК товарищ Сталин еще раз со всей решительностью подчеркнул, что сила большевистской партии — в связи с массами. Между тем, за последнее время группы содействия прокуратуре замерли, прокуроры относятся к этой работе чрезвычайно халатно, и кое-где возникло мнение, что этот институт устарел. Именно в настоящее время, в свете указаний февральско-мартовского пленума ЦК партии, необходимо оживить это дело, развернуть работу с прокурорским активом, представляющим собой мощное средство для сигнализации снизу о происках классово враждебных и преступных элементов и о нарушениях социалистической законности. Необходимо учесть, что группы содействия являются источником, откуда можно черпать новые свежие силы для укрепления органов прокуратуры. Вот почему к этой работе необходимо отнестись со всей серьезностью.

Группы содействия должны организовываться на предприятиях, в колхозах и учреждениях. В состав групп должны быть привлечены люди политически и морально устойчивые, оправдавшие себя на работе, на своем посту. При этом необходимо помнить, что классовый враг пытается проникнуть и на этот участок работы, чтобы вредить и срывать дело укрепления социалистической законности.

Б. БОРИСОВ

Суд и прокуратура на страже гарантированного Сталинской Конституцией права на труд²

Товарищи! Вчера докладчик т. Кареев уже отметил тот удельный вес, который приобретают в общей работе суда трудовые гражданские дела. Из сопоставления соответствующих данных видно, что дела эти растут из полугодия в полугодие. Так, в первом полугодии 1937 года поступившие в народные суды одной лишь РСФСР дела составляют 12,6% всех гражданских дел. Если сравнить с первым полугодием 1936 г., то мы получим увеличение дел на 36,4%. По некоторым другим республикам удельный вес трудовых дел оказывается еще выше. Так например, по сообщению председателя Верховного суда Грузинской ССР количество трудовых дел составляет у них 20% всего количества гражданских дел. По содержанию своему дела эти сводятся, главным об-

разом, к искам о взыскании заработной платы, о взыскании различного рода денежных компенсаций (за сверхурочные, за неиспользованный отпуск, об оплате командировочных) и к просьбам о восстановлении на работе.

Необходимо однако отметить, что значение этой категории дел определяется не только их количеством; удельный вес трудовых дел определяется и характером и содержанием, а равно тем резонансом в нашем обществе, который приобретает работа суда и прокуратуры; авторитет суда в значительной степени зависит от того, насколько он политически верно разрешает трудовые конфликты, вызываемые неправильным пониманием, а иногда и прямым нарушением и искажением советского законодательства о труде со стороны отдельных представителей учреждений и предприятий; особое значение приобретает этот участок судебной работы в связи с Сталинской Конституцией, провозгласившей гарантированное право советского гражданина на

Для примера можно привести хотя бы следующий факт.

В с. Фрезенталь Мариентальского кантона АССР Немцев Поволжья состоял в группе содействия прокуратуре Кранк Т. И. Этот Кранк, как сейчас установлено, пользуясь своим положением, проводил антисоветскую работу, угрожал арестом тем, кто его критиковал, агитировал против мероприятий советской власти. Отсюда вывод о необходимости максимального бдительного подхода при организации групп содействия прокуратуре.

Придавая большое политическое значение работе групп содействия, Прокурор Союза возложил обязанности по руководству группами содействия на прокуроров областей и на отделы кадров. Отсюда задача, стоящая перед прокурорами, — вместе с начальниками отделов кадров повседневно руководить работой групп содействия, изучать опыт их работы и всемерно улучшать ее, укрепляя тем самым связь с массами.

Таково в основном положение с кадрами в нашей системе, таковы задачи, которые стоят перед органами прокуратуры в деле очищения наших рядов от троцкистско-бухаринских предателей, агентов фашизма и вообще чуждых нам, политически неустойчивых, разложившихся элементов и замены их политически проверенными кадрами, преданными партии Ленина — Сталина.

Большевистская работа по укреплению кадров обеспечит выполнение органами прокуратуры, под испытанным руководством нашей славной, непобедимой большевистской партии, почетной задачи, поставленной перед нами великой Сталинской Конституцией.

¹ Ленин, т. XXVII, стр. 408.

² Обработанная стенограмма речи на 59 Пленуме Верховного суда Союза (26—29 декабря 1937 г.).

труд и на отдых. Суд и прокуратура, разбирая трудовые дела, призваны всемерно ограждать и защищать право труженика социалистического общества на труд и его оплату. Особого внимания с нашей стороны заслуживает этот участок судебно-прокурорской работы также и потому, что к нему приложили руку враги народа и вредители из шkolки Пашуканиса. Надо признать, что до недавнего времени трудовые дела были исключительно в запущенном состоянии и оказывались на последнем месте в суде. Это был наиболее заброшенный и забытый участок работы. Этому не мало содействовала «теория» об отмирании и «выветривании» советского трудового права в связи с успехами социалистического строительства, развитием социалистического соревнования и т. д. Поскольку же «теоретикам» и приходилось говорить о трудовом праве, они в сферу его влияния включали лишь труд рабочих и служащих, выбрасывая из сферы действия трудового права весь остальной советский народ, занятый в условиях бесклассового социалистического общества на различных участках социалистического строительства (колхозники, члены промартели и др.). В этой «теории» несомненно отражена буржуазно-вредительская концепция, объявлявшая предметом трудового права «правовую организацию несамостоятельного труда» и объявлявшая «несамостоятельным» также труд советского рабочего и служащего.

Не мало вреда принесла и левацкая «установка» на то, что поскольку в СССР ликвидирована безработица, отпадает проблема борьбы с неправомерными увольнениями, переводом и т. д. Особенно прочно засела эта «идея» в головах некоторых работников гражданской коллегии Верховсуда Украины, пытавшихся провоздвигать и соответствующую политику при разрешении отдельных трудовых споров. Их представители даже публично отстаивали эту точку зрения на Всесоюзном совещании юристов в декабре 1936 г.

Я привожу все эти факты для того, чтобы показать, в результате каких явлений, гражданско-трудовой участок судебной работы оказался загнивающим в тупик. Ставя вопрос о повышении бдительности к этим делам, я хочу обратить ваше внимание, товарищи, и на следующие обстоятельства. Трудовые дела по внешности своей представляют собой «мирные» будничные дела, в которых речь идет о зарплате или о восстановлении на работе. А между тем нельзя забывать ни на одну минуту, что одним из методов контрреволюционной работы врагов народа из троцкистско-бухаринского лагеря является искажение, опознание трудового законодательства с целью дискредитации Сталинской Конституции и гарантированного ею права на труд, с целью создания раздражения и недовольства среди трудящихся, с целью противопоставления последних государству в целом. Область трудового права оказалась, таким образом, одной из арен, на которой пытались подвизаться враги народа. Это они практикуют выдачу «волчьих» билетов честным труженикам, это они применяют безответственные, немотивированные увольнения трудящихся, пытающихся их критиковать и разоблачать, это они создают многомесячную волокиту с выплатой за-

работной платы и различного рода компенсационных сумм.

Необходимо в резолюции Пленума подчеркнуть всю актуальность и политическое значение этой категории дел, дабы положить конец недооценке вопросов, связанных с регулированием трудовых правоотношений.

Судя по докладной записке, представленной Верховсудом РСФСР, положение с трудовыми делами в суде надо признать явно неудовлетворительным. Для этого достаточно привести вам хотя бы следующие иллюстрации. По этим делам, вопреки требованиям гражданского процесса, не ведется никакой досудебной подготовки. Это обстоятельство приводит к тому, что огромные количества дел не может быть рассмотрено в первом судебном заседании. Почти половина дел откладывается на другие заседания вследствие их неподготовленности; дальше заслуживает внимания процент обжалованных решений, отменяемых и изменяемых кассационными инстанциями; процент этот согласно той же докладной записке составляет в среднем 43—45 в отношении всех обжалованных решений. Таким образом из двух рассмотренных дел одно, как правило, возвращается в суд на новое рассмотрение. Такой большой процент отмен обжалованных решений вызывается как плохой работой суда с точки зрения расследования фактических взаимоотношений сторон, так и подчас неправильной политикой суда первой инстанции по этим делам. Интересно также отметить, что процент удовлетворяемых судом исков по этим делам ниже как среднего процента удовлетворяемых исков по гражданским делам вообще, так и среднего процента по отдельным категориям гражданских дел. Так, процент удовлетворенных исков по трудовым делам составляет 61,7; процент же удовлетворенных вообще гражданских исков составляет 76,7; по алиментным делам процент этот достигает 89,2. Для полноты картины необходимо еще отметить, что судам приходится по этим делам разбираться чрезвычайно разбросанно, а подчас в сложном и запутанном законодательстве, не говоря уже о том, что большая часть законодательства явно устарела на сегодняшний день. Необходимо выразить пожелание, чтобы созданная при ВЦСПС комиссия по разработке предусмотренных Конституцией основ трудового законодательства скорее завершила свои работы и представила проект кодекса Верховному Совету на утверждение.

Прежде чем перейти к анализу отдельных вопросов, связанных с нашей политикой по трудовым делам, разрешите вкратце вас информировать о работе прокуратуры по этой категории дел. Работой этой занимаются созданные по инициативе тов. Вышинского полтора года тому назад гражданские отделы Союзной, республиканских и областных прокуратур. На базе этих гражданских отделов прокуратура успела реально включиться в работу по гражданским делам. Надо однако признать, что не все стадии процесса оказались предметом одинаково активного прокурорского надзора. При слабом участии в первой и второй инстанциях прокуратура развернула относительно большую работу в стадии надзора за решениями, вступившими в законную силу. Это конечно перегиб, который еще в прошлом году был подвергнут критике на съезде civili-

листов. Необходимо по отдельным категориям дел, когда этого требуют интересы государства и трудящихся, принимать участие, как это предусмотрено ст.ст. 2 и 244 ГПК, в судах первой и второй инстанций. Это, в частности, сократило бы случаи истребования дел в порядке надзора. Однако надо констатировать, что в тех пределах, в коих прокуратура реально занимается гражданскими делами, она значительное свое внимание уделяет вопросам трудового права. Разрешите, в подтверждение этого положения, привести некоторые статистические данные. Так, по материалам прокуратуры РСФСР 32% всех самостоятельных исков, предъявленных прокурорами в первом квартале 1937 г. в порядке ст. 2 ГПК, относятся к трудовым делам (из 6642 исков — 2128 трудовых). Такое же положение мы имеем и по другим союзным республикам (в АзССР за 1-й квартал 1937 г. — 30,6%, в БССР за тот же период — 37,5%, в УССР за тот же период — 27,3%, в Киргизской ССР — 37,2% и т. д.). Я не закрываю глаза на то, что в своем абсолютном выражении цифры эти явно недостаточны. Нельзя, например, удовлетворяться тем, что вся Белорусская прокуратура за 3 первых месяца 1937 г. всего предъявила 312 исков, из коих 117 относятся к трудовым делам. Необходимо бороться за более активную работу прокуратуры в суде первой инстанции. Однако приводимые мной проценты характерны в том отношении, что они показывают целеустремленность прокурорских исков, что, в тех пределах, в коих прокуратура участвует в суде первой инстанции, она главное свое внимание уделяет трудовым делам.

Возьмем участие прокуратуры во второй инстанции, где ей приходится давать заключения по гражданским делам; картина в общем все та же: за первый квартал 1937 г. по РСФСР было всего 5299 прокурорских выступлений в гражданской кассационной инстанции, из них 1675 (или 31,6%) по трудовым делам; процент этот с небольшими колебаниями повторяется и в статистике прокуратур других союзных республик. Так, по УССР — 18,4%, по АзССР — 37,9%, по Казахстану — 38%, и т. д.; приведенные выше соображения по поводу неудовлетворительности абсолютных цифр имеют свое значение и в отношении участия прокуратуры во второй инстанции; в самом деле, нельзя же успокоиться на том, что Азербайджанская прокуратура за первые три месяца 1937 г. дала всего 169 заключений в гражданской кассационной инстанции, из коих 64 относились к трудовым делам; в процентном отношении та же картина, свидетельствующая, что прокуратура в своей работе уделяет большое внимание трудовым делам, наблюдается и в отношении надзорной стадии процесса; по прокуратуре РСФСР (если брать все тот же квартал 1937 г.) процент истребованных трудовых дел в порядке надзора составляет 21,7% в отношении всех истребованных гражданских дел; это же повторяется и по другим союзным республикам; так по УССР за тот же срок процент этот равен 22,2, по БССР — 25,1, по ГрузССР — 24,9 и т. п. Однако в этой стадии мы замечаем большую активность прокуратуры и в отношении абсолютного количества истребованных дел. Так, всего истребовано по прокуратуре РСФСР за пер-

вый квартал 1937 г. в порядке надзора 5209 трудовых дел, по УССР — 2389 трудовых дел и т. д. Несомненно, что перед прокуратурой стоит задача переключения части энергии на работу в судах первой и второй инстанций; надо отметить, что с точки зрения удельного веса в работе прокуратуры по гражданским делам трудовые дела занимают большее место, чем в работе суда (в суде — 12—14% всех гражданских дел, в работе прокуратуры — 20—30—40% всех гражданских дел).

Разрешите остановиться на некоторых вопросах трудового права процессуального и материального порядка. В первую очередь я хочу обратить ваше внимание на ненормальности, существующие в области процесса по трудовым делам. Получилась какая-то ирония. Мы боролись за то, чтобы процесс по трудовому делу у нас был самым скорым, а получилась наоборот, он оказался самым долготным. Чем объяснить такое явление? Почему прохождение трудового дела, вопреки нашим ожиданиям, отнимает в конечном результате больше времени, чем прохождение любого гражданского дела? Я думаю, что это происходит, главным образом, потому, что для трудового дела существует двойная процедура его рассмотрения, что оно последовательно проходит два процесса, один по линии РКК и профсоюзов, а другой по линии суда. Этот дуализм процесса не может не осложнять и не удлинять окончательное разрешение трудового конфликта. Решения РКК в огромном проценте отменяются инспекторами труда и вышестоящими профсоюзными органами. После аннулирования решения РКК начинается обычный процесс судебного рассмотрения. Путь трудового дела удлиняется таким образом в два раза. Необходимо сейчас же поставить вопрос о целесообразности дальнейшего существования такого порядка рассмотрения дел. Нужно ли и впредь сохранять органы примирительно-третейского рассмотрения конфликтов? Я полагаю, что в отношении некоторых категорий трудовых конфликтов целесообразно сохранить институт РКК. Однако компетенция ее должна быть значительно сужена и ограничена теми вопросами, которые по самому характеру своему могут быть лучше разрешены в местных РКК, поскольку «разрешение их требует учета ближайшей обстановки и условий конфликта, а также особенностей работы предприятий, учреждений или организаций» (ст. 13 «Правил о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов»). Так например, целесообразно сохранить в компетенции РКК такие вопросы, как увольнение по непригодности и за неисполнение обязанностей, как перевод на другую работу или определение размера премии или оплаты за время испытания и т. п. Однако вызывает большие сомнения вопрос о том, нужно ли сохранять в компетенции РКК споры, связанные с требованием оплаты всякого рода конкретных сумм (за время отстранения от работы, оплата простоя, выдача компенсации за непредоставленный отпуск и т. д.). Эти последние, как и всякие споры о взыскании денег, могут направляться непосредственно в суд. Если вопрос о дальнейшем существовании РКК как паритетного органа при значительно суженной компетенции должен

быть разрешен в положительном смысле, то надо одновременно высказаться об абсолютной ненужности того порядка проверки решений РКК, который сегодня существует. РКК представляет собой паритетный орган, в котором участвуют на равных началах трудящиеся и представители соответствующих учреждений или предприятий. Между тем органами надзора за РКК являются инспектора труда и профсоюзы, т. е. представители одной из сторон, участвующих в РКК. Хозяйственники в этих надзорных инстанциях никакого участия не принимают. Кроме того, практика показала, что никакого фактически руководства деятельностью РКК со стороны надзорных органов не бывает, что нет выдержанной политики по вопросу об отношении к единогласным решениям РКК. Инспектора труда, как правило, под давлением жалобщиков очень легко идут на отмену решений РКК, с возложением дальнейшей ответственности за судьбу трудового конфликта на суд. Необходимо создать такой порядок, при котором сторона, недовольная решением РКК, могла бы, минуя профсоюзные надзорные инстанции, непосредственно обратиться в суд. Этот порядок значительно сократил бы путь прохождения конфликта и обеспечил бы процессуальную экономию по трудовым делам.

Что касается судебного процесса по трудовым делам, то и в этой области мы имеем ряд ненормальностей, в конечном счете ущемляющих процессуальные права трудящихся. В погоне за ускорением процесса по трудовому делу в ГПК включен был в 1929—1930 гг. ряд норм, которые объективно привели к тому, что права сторон в трудовом конфликте оказались менее гарантированными, чем в любом другом гражданском деле, что в отношении участников этих дел оказался нарушенным принцип судебной демократии. Это тем более бросается в глаза сегодня, когда в свете Сталинской Конституции мы обязаны бороться за дальнейшую демократизацию гражданского процесса в целях всемерной охраны материально-правовых и личных интересов живого человека — участника социалистического строительства.

Для иллюстрации разрешите остановиться на имеющих сюда отношение трех статьях ГПК: 246-а, 248-а и примечание к 254-г.

Ст. 246-а определяет компетенцию кассационной инстанции в отношении трудовых дел. Обычный порядок проверки гражданских дел (ст. 246 ГПК) сводится к тому, что кассационная инстанция вправе, в случае неправильности решения, не только отменить последнее, но и вносить в него отдельные изменения, если для этого не требуется собрание и дополнительная проверка доказательств. В отношении же трудовых дел закон идет дальше. Согласно ст. 246-а кассационная инстанция вправе не только вносить определенные изменения в решения суда первой инстанции, но и вынести самостоятельно новое решение по существу без передачи дела на новое рассмотрение. Смысл запрещения кассационной инстанции выносить новые решения сводится к тому, что она, не расследуя дела по существу, не может обеспечить правильность решения. Вынесение нового решения, в условиях принципиального отрицания института апелляции, должно поручаться тому суду, который рас-

сматривает дело по существу. Этот порядок несомненно более демократичен и лучше обеспечивает права сторон от всякого рода случайностей; между тем в угоду «скорости» процесса это правило отменено для трудовых дел, в отношении коих кассационной инстанцией разрешено выносить новые решения по существу.

Возьмем для иллюстрации и статью 248-а ГПК. Она говорит о том, что «решения, вынесенные по трудовым делам судами высшей (кассационной) инстанции, а равно вторичные решения особых сессий народного суда по трудовым делам, вынесенные в соответствии с указаниями кассационной инстанции, никакому обжалованию, опротестованию и пересмотру ни в каких случаях не подлежат». Статья эта, как видите, еще усугубляет невыгодное положение стороны, созданное ст. 246-а; мало того, что кассационной инстанции предоставлено право без проверки дела по существу вынести новое решение, это последнее в силу ст. 248-а «ни в каких случаях» не подлежит обжалованию или пересмотру. Со второй частью этой статьи дело обстоит не лучше. По любому гражданскому делу можно отменить решение суда, которым оно бы ни было по счету, если только оно вынесено неправильно и противоречит закону. При этом не играет обычно роли и то, вынесено ли это второе или третье решение (но все-таки неправильно) в соответствии или нет с указаниями кассационной инстанции. В отношении же трудовых дел допускается заранее такое положение, что второе решение независимо от его правильности и законности не подлежит обжалованию, если только оно соответствует указаниям кассационной инстанции (пусть и неправильным). Таким образом обычный критерий «законности» или «правильности» судебного решения подменен здесь случайным критерием «соответствия указаниям кассационной инстанции». И эта норма в угоду «скорости» ущемляет обычные процессуальные права стороны в гражданском процессе.

Возьмем, наконец, примечание к ст. 254-г. Она говорит о том, что «опротестование прокуратурой решений особых сессий народных судов по трудовым делам в порядке надзора допускается не позднее трехмесячного срока со дня вынесения соответствующего решения и притом лишь в совершенно исключительных случаях»; и в этой стадии процесса допущено значительное ущемление стороны, считающей судебное решение неправильным. По гражданским делам, например, прокуратура республики не ограничена никаким сроком для истребования дел в порядке надзора; в данном же случае трехмесячный срок распространяется на все звенья республиканской прокуратуры.

По любому гражданскому делу истребование в порядке надзора ограничено случаями «особенно существенного нарушения действующих законов или явного нарушения интересов рабоче-крестьянского государства или трудящихся масс». По отношению же трудовых дел этот ограничительный критерий оказался почему-то недостаточным. Вместо него дан иной критерий, по существу чисто количественного порядка — «лишь в совершенно исключительных случаях». А что подводить под этот «совершенно исключительный случай» — неизвестно; значит, опять-таки, для того чтобы избе-

жать «надзорной» волокиты, можно оставить решение по трудовому делу нетронутым, хотя оно неправильно и противоречит закону. В связи с этим ограниченным сроком для истребования трудовых дел в порядке надзора имел место следующий курьез. Начальник гражданского отдела Казахской прокуратуры, пропустив трехмесячный срок и полагая, что он установлен только для прокуратуры, обратился к председателю Верховсуда КазССР с просьбой об опротестовании решения по истребованному прокуратурой трудовому делу.

Таким образом можно считать установленным, что существующее правило, регламентирующее исключительный порядок прохождения в суде трудового дела, явно противоречит требованиям Сталинской Конституции о демократизации судебного процесса и о всемерном ограждении интересов живого человека и, в первую очередь, его права на труд.

В этой связи я считаю необходимым остановиться на вопросе о давностных сроках, установленных для трудовых претензий; согласно ст. 50 «Правил о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов» для подачи в суд заявлений о рассмотрении конфликтов установлены сроки: по делам об увольнении 14 дней, во всех остальных случаях — 3 месяца. Таким образом, для трудовых претензий, в отличие от общегражданских, существует сокращенная исковая давность. Так по общегражданским претензиям предусмотрена трехлетняя давность, по спору с колхозами о трудовых установлена годичная давность. Если сокращенный срок имеет свое оправдание в отношении такой специфической категории дел, как восстановление на работе (по истечении времени трудно проверить обстоятельства, вызвавшие увольнение, привыкает к работе уже новый человек, трудящийся не может долго находиться в неопределенном положении по поводу своей работы), то совершенно непонятно, почему надо так ограничивать исковой срок по делам, например, о выплате заработной платы. Почему, например, по какому-нибудь менее важному гражданскому спору (о мебели, о бытовом займе и т. д.) можно иметь трехлетнюю давность, а по такому, казалось бы, важнейшему вопросу трудящегося, как заработная плата, нужно сохранять такой укороченный давностный срок? Между тем факты говорят, что суды часто отказывают трудящимся в их трудовых претензиях исключительно вследствие истечения давности срока. Вот что констатирует по этому поводу докладная записка Верховсуда РСФСР к настоящему пленуму: «Меньший процент удовлетворенных исков по трудовым делам объясняется, с одной стороны, жесткими сроками исковых давностей, вследствие чего значительное количество истцов обращается в суд после того, как давность ими пропущена и суды отказывают в иске за пропуском давности... Таким образом и сокращенные давностные сроки, созданные для «скорой» ликвидации трудовых конфликтов, оказываются на поверку фактором, вызывающим значительный процент неправильно отклоняемых трудовых претензий; я не говорю сейчас о том, что нужно полностью приравнять исковую давность по трудовым делам к общегражданской давности. Но

принципиальный вопрос об удлинении этих давностных сроков необходимо срочно поставить. Считаю необходимым довести до вашего сведения, что вопрос этот уже был предметом обсуждения на оперативном совещании при Прокуратуре Союза. Тов. Вышинский совершенно справедливо подверг критике существующее правило в отношении трудовых дел, как в области процесса, так и по вопросу о давностных сроках. Соответствующая докладная записка с проектом постановления за подписью тов. Вышинского представлена правительству. Было бы очень хорошо, если бы и пленум Верховного суда Союза присоединился к инициативе Прокуратуры и поддержал перед правительством нашу точку зрения по изложенным вопросам процессуального и материального порядка.

Теперь разрешите коснуться еще двух отдельных вопросов, связанных с судебной практикой по трудовым делам. Первый вопрос касается исков о восстановлении на работе. Я хочу внести одну поправку в докладную записку Верховного суда РСФСР. Когда они распределяют трудовые дела по категориям, у них выходит, что в первую очередь идут дела о зарплате, во вторую очередь о разного рода денежных компенсациях и в третью очередь о восстановлении на работе. Я хочу обратить ваше внимание на то, что случаев требований о восстановлении на работе «в чистом виде» мы имеем очень мало; как правило, эти споры связаны с оплатой вынужденного прогула. Оплата же вынужденного прогула статистически заносится в рубрику о заработной плате; поэтому надо считать, что в действительности дел о восстановлении на работе гораздо больше, чем в формальной статистической таблице.

Практика показывает, что имеют место возмутительные случаи необоснованных увольнений, с опубликованием дискредитирующих мотивов в приказах и трудовых списках, вопреки требованиям Кодекса законов о труде. Эти незаконные записи, естественно, покада они не отменены, препятствуют трудящемуся поступить на другую работу. Приведу для иллюстрации несколько примеров.

Дело Бабаева. Трудовой суд Краснопресненского района. При увольнении учреждением дана такая формулировка: «Уволить за срыв и саботаж стахановского движения». Ведь если Бабаев действительно в этом виноват, то это же уголовное преступление. В таком случае в дело должны вмешаться соответствующие органы власти. Но кто дал право учреждению отметить в трудовом списке такой порочащий мотив увольнения без следствия и суда? Записи об увольнении должны быть сформулированы в соответствии с Кодексом законов о труде, в частности, с его 47 статьей.

Возьмем следующий пример: дело Ушковского, Харьковский трудовой суд. Сначала администрация вовсе не выдавала справку, а потом выдала со следующей формулировкой: «Уволен за нежелание работать и симуляцию».

Приведу вам третий случай: дело Бородина, в трудовом суде г. Новороссийска; в деле фигурирует справка об увольнении со следующей формулировкой: «Уволен за подрыв авторите-

та отделения Винсбита в Новороссийске, путем ложных и склочных поступков.

Или, например, некий гражданин Вайнберг увольняется с работы «Союзтиля»; ему выдана справка, что он уволен «как неблагонадежный элемент». А вот у меня на руках имеется и другая справка о том, что трудящийся уволен «за клевету на жену нашего лучшего стахановца».

Товарищи, я привел вам только несколько иллюстраций. Количество этих справок можно было бы умножить во много раз.

Если специально изучить ту категорию трудовых дел, которая связана с просьбами о восстановлении на работе, то можно было бы увидеть, как классовый враг прибегает к увольнению работника в целях зажима самокритики, в целях устранения со своего пути честных советских людей, как честно выступающих против ошибок и преступлений отдельных руководителей снимают под любыми флагами с работы. У нас, в стране социализма, нет кризисов и нет безработицы. Каждый честный труженик может найти применение своим силам и знаниям. Однако справки об увольнении подобные приведенным создают для человека искусственную безработицу. Ведь ясно, что человека, срывающего стахановское движение или политически неблагонадежного, не примешь на работу. Вот почему я полагаю, что если эта справка ложная, если мотивы не соответствуют действительности, если мотивы об увольнении приведены для дискредитации честного труженика и лишения его работы, то надо бить по тем конкретным должностным лицам учреждений и предприятий, которые приговорают честного гражданина к позорному столбу, кто создает для него искусственную безработицу, кто тем самым дискредитирует великую Сталинскую Конституцию и провозглашенное ею гарантированное право на труд. Та практика, которую мы сейчас проводим в отношении этих дел, — половинчатая и не доведена до конца. В случае если человек не может поступить на работу в связи с его дискредитацией и созданием для него искусственных преград (секретные характеристики, телефонные звонки и т. д.), он должен при восстановлении на работе получить компенсацию за все время вынужденного прогула. Между тем суды в этих случаях часто присуждают не больше, чем за один-два месяца. Это, конечно, неправильно. За все время, до момента снятия преграды, искусственно мешающей поступить на работу, трудящийся должен получить причитающуюся ему зарплату. Однако этим вопрос не исчерпывается. Мы не можем спокойно мириться с тем, что учреждениями и предприятиями будут выплачиваться сотни, тысячи рублей в форме оплаты вынужденного прогула людям, неправильно снятым с работы.

Это совершенно бесспорно. Поэтому мы не должны оганавливаться на полпути. На каком основании государство должно расплачиваться за деятельность этих «администраторов»? Между тем, закон дает нам возможность возлагать на людей, ответственных за неправильные увольнения, возмещение убытков предприятия в пределах их трехмесячной зарплаты; в особо злостных случаях необходимо идти дальше и возбуждать против виновных

должностных лиц уголовное преследование за нарушение Кодекса законов о труде. Вот что говорит по этому поводу ст. 72 «Правил о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов»: «Трудовая сессия может по своей инициативе возложить на должностных лиц государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений, произведших неправильное увольнение, обязанность возместить предприятию или учреждению убытки, причиненные последнему выплатой вознаграждения неправильно уволенному рабочему. Указанное возмещение не может превышать трехмесячного заработка соответствующего должностного лица». Надо добиться такого положения, чтобы суд в каждом случае вынесения решения об оплате за вынужденный прогул ставил одновременно перед собой вопрос, нет ли здесь оснований для привлечения к гражданской или уголовной ответственности должностного лица, произведшего неправильное увольнение. Мы, к сожалению, такой практики в работе суда не знаем. Между тем несомненно, что подобная судебная практика и в частности рассмотрение ряда таких дел в показательном порядке сыграли бы большую воспитательную роль и значительно сократили бы случаи незаконных увольнений. При этом, естественно, надо помнить, что эти должностные лица обязательно должны вызываться в суд в качестве третьих лиц, непосредственно заинтересованных в исходе дела. Нельзя никоим образом допускать заочное присуждение с них убытков в пользу предприятия или учреждения. Необходимо включить в постановление пленума Верховного суда Союза специальный пункт по этому поводу. Надо положить конец незаконным и неправильным увольнениям трудящихся, равно как и случаям выдачи им ни на чем не основанных, дискредитирующих их и издевательских справок, порочащих честь и имя честного труженика. Одновременно мы сэкономим сотни и тысячи рублей, коими сейчас расплачивается государство за преступные действия, бюрократизм и головотяпство некоторых «администраторов».

Разрешите поставить перед вами вопрос о трудовых конфликтах так называемых ответственных работников и лиц, работа коих сопряжена с необходимостью особого доверия к ним; в силу существующих законоположений, некоторые группы указанных работников, согласно специальному указанию, не пользуются правом на судебную защиту и в требовании о восстановлении на работе; их конфликты подлежат рассмотрению исключительно в административном порядке. Надо отметить, что суды в своей практике часто расширительно толкуют указанные ограничения, причисляя к перечню так называемых ответственных работников и лиц, работа коих не нормирована во времени, и отказывая принимать к своему рассмотрению любые претензии, связанные с трудом ответственных работников (например, об оплате вынужденного прогула, о внесении исправлений в их трудовые списки и т. д.).

Постановление пленума должно в первую очередь покончить с этим произвольным пространительным толкованием правил о неподсудности трудовых конфликтов указанной группы работников; но это одно еще не исчер-

пывает вопроса. Надо поставить перед ВЦСПС вопрос о необходимости пересмотра перечня ответственных работников в сторону значительного сокращения категорий лиц, трудовые споры коих не должны приниматься судами к своему рассмотрению. Это тем более своевременно, что в свете Сталинской Конституции идет значительное расширение компетенции суда за счет административных органов. Вспомните, товарищи, постановление от 11 апреля 1937 г. о судебном порядке изъятия налогов и сборов; вспомните также ст. 19 избирательного закона, возлагающего на суд рассмотрение ходатайств граждан о внесении исправлений в избирательные списки; все эти новеллы несомненно вызваны тем, что суд по своей структуре и по принципам своей работы больше всего приспособлен для рассмотрения споров, затрагивающих личные и материальные права граждан. Кроме того, необходимо помнить, что для работников, вынужденных добиваться по административной линии восстановления на работе, создается часто очень тяжелое положение; дело в том, что администратор, восстанавливая на работе того или другого сотрудника, вынужден выплачивать также зарплату за время вынужденного прогула; с другой стороны администрация имеет право с этого должностного лица требовать в порядке регресса возмещения этих убытков; таким образом получается, что администратор, удовлетворяя ходатайство ответственного сотрудника

о восстановлении на работе, тем самым расплачивается с ним за прогульное время из своих личных средств. Указанными обстоятельствами объясняется то исключительное упорство, с которым некоторые администраторы отказывают удовлетворять требования неправильно уволенных сотрудников в восстановлении их на работе. Я при этом не ставлю вопрос о полном аннулировании перечня ответственных работников, не имеющих права обращаться в суд по своим трудовым претензиям. Я лишь говорю о его значительном сокращении. Одновременно надо упорядочить положение с проверкой дел и по административной линии; необходимо установить точные сроки рассмотрения жалоб, определить круг должностных лиц, имеющих право разрешения этих вопросов, последствия, связанные с нарушением этих сроков, и т. д.

Товарищи, в заключение я хочу вам напомнить, что мы на этом пленуме обсуждали вопрос только о труде рабочих и служащих; между тем, как я уже сказал вначале, право на труд гораздо шире и охватывает труд всего нашего советского народа на всех участках социалистического строительства. Необходимо на ближайшем пленуме Верховного суда Союза поставить на обсуждение доклад о судебной практике по рассмотрению трудовых конфликтов, связанных с применением уставов сельхозартели и промартели.

Д. ШВЕЙЦЕР

Борьба за законность в области разрешения трудовых конфликтов¹

Огромное политическое значение постановки доклада о судебной практике по трудовым делам на данном пленуме уже отмечено выступавшими участниками пленума. Необходимо также указать, что при той сложности и частичной устарелости нашего трудового законодательства, которая имеется на сегодняшний день, принятие правильной резолюции по ряду конкретных вопросов судебной практики, поднятых на этом пленуме, сможет в значительной мере исправить чрезвычайно пеструю и нередко еще незаконную судебную практику по целому ряду принципиальных и политически важных вопросов нашего трудового законодательства.

Один из основных недостатков работы судов заключается в зачастую формальном применении ими законов, без учета той исторической эпохи, в которой они применяются.

Я остановлюсь на отдельных вопросах, поднятых в докладе Верховного Суда РСФСР и Верховного Суда СССР, вопросах, занимающих значительное место в надзорной практике прокуратуры. Показывая недостатки в нашей судебно-прокурорской практике по трудовым делам, необходимо не ограничиваться только этим, но одновременно наметить пути к исправлению недостатков. Только при этом условии постановления пленума окажут действительную помощь судам.

Возьмем такой наболевший вопрос, как иски об оплате вынужденного прогула.

Прежде всего, о самом понятии «вынужденный прогул». На наш взгляд оплата вынужденного прогула определяется в условиях Сталинской Конституции требованиями и гарантиями, вытекающими из ст. ст. 118 и 12 Конституции. Эти статьи говорят об обязанности каждого советского гражданина работать на благо социалистической родины и о праве каждого трудящегося на труд.

Это обязывает каждого трудящегося, в том числе и неправильно уволенного, и независимо от того, как и почему он уволен, искать себе работу, не сидеть без дела и не ждать того момента, когда его восстановят на работе, посвящая все свое время судебному делу.

И только в том случае, если из-за незаконных, порочащих формулировок причины увольнения, незаконных действий администрации, а равно и по другим причинам, которые установит суд, работник не смог осуществить права на труд, такой прогул должен считаться вынужденным и подлежащим оплате.

Нередко суды под видом так называемых «объективных» причин, которые мешают трудящемуся поступить на работу, выдвигают такие, которые выдвинуты были неправильно некоторыми из выступавших на пленуме.

Разве можно признать объективной причиной, мешающей поступить на работу, запись в трудовом списке: «уволен по непригодно-

¹ Обработанная стенограмма речи на 59 Пленуме Верховного Суда СССР.

сти», если эта запись соответствует действительности? Эта запись вытекает из п. «в» ст. 47 КЗоТ. Напомним известный циркуляр Прокуратуры РСФСР от 9 июля 1932 г. по этому поводу, тогда еще подписанный А. Я. Вышинским, инструкцию Наркомтруда РСФСР от 23 ноября 1930 г., и, наконец, правила ведения трудовых списков.

Запись в трудовых списках вовсе не должна смазать фактического положения вещей, т. е. причины расторжения трудового договора. Поэтому такая Straussовая формулировка, как «уволен по прекращении договора», которая предложена в резолюции для так называемых сомнительных случаев увольнения, никакой ясности не вносит. Непригодность к данной работе по п. «в» ст. 47 КЗоТ нельзя понимать как исключительно техническую непригодность. Непригодность может вытекать также из потери политического и морального доверия к работнику на данной работе.

Поэтому в таких случаях имеет место увольнение по п. «в» ст. 47 КЗоТ. И нет никаких оснований для иных искусственных и неправильных формулировок.

Уволенного по непригодности к данной работе могут принять на любую иную работу, для которой предъявляются иные требования. И если такому работнику незаконно вообще отказывают в работе, органы прокуратуры принимают меры, чтобы защитить его право на труд, гарантированное ст. 118 Сталинской Конституции.

Не касаясь пока той группы работников, которая в силу специальных законов свое неправильное увольнение может обжаловать не в суд, а лишь по административной линии, необходимо указать, что основная масса рабочих и служащих не лишена права обращения в РКК и суд при увольнении по п. «в» ст. 47 КЗоТ.

Сначала этот вопрос решается в РКК, и если стороны не приходят к соглашению либо в случае отмены решения РКК, этот спор переходит в суд.

Этого права не лишены и такие группы интеллектуальных работников, как журналисты, научные работники и т. п. В практике Московского городского суда и Верховного суда было дело журналиста, уволенного из одной центральной газеты. Суд проверил и нашел неправильным такое увольнение. Газета заявила, что журналист не вправе идти в суд, что суд не компетентен решать такой вопрос. Но суд неплохо разобрался в этом деле и нашел увольнение неправильным.

При разрешении судами дел об оплате за вынужденные длительные сроки прогула мы встречаемся как с излишним либерализмом при удовлетворении исков, так и с незаконными отказами в оплате за вынужденный прогул.

Например, по делу Котовского. Котовский предъявил иск о восстановлении его на работе и оплате за вынужденный прогул. Уволен он был как прогульщик из Московского объединения столовых, где служил в качестве экспедитора. Два дня он не являлся на работу. Администрация его уволила. РКК это увольнение подтвердила. Котовский, не добываясь отмены решения РКК через инспекцию труда, идет в суд, а суд не только принимает к

своему рассмотрению дело, по которому имеется неотмененное постановление РКК, но и выносит либеральное решение и явно незаконное. Суд восстанавливает Котовского на работе и присуждает ему за «вынужденный» прогул Гражданская коллегия Московского городского суда исправляет эту ошибку. К нашему стыду, по протесту Прокуратуры РСФСР, через 8 месяцев после того, когда уже гражданская коллегия Московского городского суда правильно отказала в этом иске, всплывает протест Прокуратуры РСФСР в пользу Котовского. Президиум Мосгорсуда охотно идет навстречу, отменяет определение гражданской коллегии Мосгорсуда, восстанавливает Котовского на работе с выплатой зарплаты за 10 месяцев, не обсудив даже вопроса о том, что же сделал Котовский для того, чтобы подыскать себе работу в течение такого длительного срока.

Но дело Котовского не единично.

Я могу указать на дело Раснера, который был уволен с формулировкой «по сокращению штата». Такая справка не могла помешать поступлению на работу квалифицированному рабочему в нашей стране. Но Раснер, вместо того чтобы с этой справкой устраиваться на работу, начал сутяжничать и посвятил себя целиком судебному делу и борьбе за получение оплаты за 18-месячный «вынужденный» прогул. Неправильное решение президиума Мосгорсуда по этому делу об оплате Раснеру за прогул вселяло в него веру в то, что он может ничего не делать и что он своего добьется. И по этому делу никто не задал даже Раснеру вопроса, почему он, по профессии медник, не искал себе работу, хотя в пределах Москвы при малейшем желании с его стороны он легко мог устроиться на работе.

Такой же излишний и вредный либерализм допущен судом по делу Смирнова, уволенного с завода после 4 дисциплинарных взысканий. Народный суд Ленинского р-на г. Москвы отказал Смирнову в иске, а ГКК Мосгорсуда «исправила» это решение и восстановила нарушителя трудовой дисциплины на работе с оплатой за «вынужденный прогул». Подобные решения не способствуют укреплению социалистической трудовой дисциплины на предприятиях, не обеспечивают проведение в жизнь ст. 12 Конституции, не помогают борьбе за социалистическое отношение к труду.

Но наряду с указанными встречается немало еще и таких дел, когда суды неосновательно отказывают или значительно уменьшают размер оплаты за вынужденный прогул.

Возьмем дело Белевской. Она работала уборщицей в райпрофсовете в БССР и была уволена явно неправильно. Суд Оршанского р-на восстановил ее на работе, но без оплаты за вынужденный прогул, а гражданская коллегия Верховного суда БССР решила уплатить всего за две недели. Почему за две недели, а не за месяц, подлежащий оплате во всяком случае (ст. 68 «Правил») ?¹ Очевидно суд, решая это дело, исходил из защиты интересов райпрофсовета, упуская из виду живого человека — уборщицу Белевскую, имевшую перерыв в ра-

¹ Правила примирительно-третейского и судебного рассмотрения трудовых конфликтов — пост. ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1928 г.

боте по вине райпрофсовета. Суд этого не учел и присудил уплатить этой уборщице за две недели.

Или же по делу Парамонова (народный суд 3 участка Советского р-на г. Москвы) суд, восстанавливая неправильно уволенного с работы Парамонова, вовсе отказывает ему в уплате за вынужденный прогул, так как, по мнению суда, Парамонов поздно обратился в РКК. Это утверждение суда не соответствовало действительности, так как Парамонов в установленный срок обратился в РКК, но оказалось, что по месту его работы не было РКК и он потратил некоторое время на хождение по инстанциям, которые отсылали его друг к другу «по подсудности», не разбирая дела по существу. Суд невнимательно подошел к этому делу и возложил на Парамонова материальную ответственность за волокиту, в которой он вовсе неповинен.

На Украине был целый ряд судебных дел, где отказ от оплаты вынужденного прогула мотивировался тем, «что в СССР безработица ликвидирована».

Суды забывают, при этом, что бюрократические, незаконные, а иногда и явно вредительские действия отдельных администраторов и у нас, в условиях полной ликвидации безработицы, могут заставить отдельного работника оставаться некоторое время без работы. Ст. 68 «Правил», где во второй части записано, что оплата прогула свыше 1 месяца может иметь место только в том случае, если работник во время записался на биржу труда и не отказывался ни от какой работы, отжила свой век. Бирж труда у нас нет. Но каждый уволенный с работы должен, одновременно со своим судебным делом, искать работу. Однако в целом ряде случаев уволенный не в состоянии найти работу, так как ему вдогонку посылают неправильные порочащие характеристики, раздаются таинственные телефонные звонки и т. п. Все это запрещено нашим законодательством. В таких случаях суды должны присудить за вынужденный прогул и за более длительный срок, чем месяц. Точно так же, по конкретным обстоятельствам дела, в отдельных случаях суды могут присуждать уплату за вынужденный прогул свыше месяца и тогда, когда установлено будет, что в силу целого ряда объективных причин неправильно уволенный вынужден был оставаться без работы, хотя он и принимал необходимые меры к получению работы. Во всех этих случаях суды должны применять так же и ст. 72 «Правил», возлагая материальную ответственность (перед предприятием, а не уволенным) за оплату прогула на лиц, допустивших неправильное увольнение, а в случаях особо злостных привлекать виновных к уголовной ответственности за нарушение КЗоТ (ст. 133 УК РСФСР).

Второй вопрос — о применении пункта «д» ст. 47 КЗоТ, т. е. об увольнении в связи с совершением преступления, связанного с работой. По нашим законам можно уволить либо в случае пребывания под стражей или отстранения по распоряжению следственных органов свыше 2 месяцев, либо в случае вступления в законную силу обвинительного приговора.

В порядке применения пункта «д» ст. 47

КЗоТ существует разъяснение Наркомтруда РСФСР от 21 мая 1925 г. Почти по всем союзным республикам изданы были аналогичные разъяснения НКТ союзных республик.

Остановимся на одном случае применения пункта «д» ст. 47 КЗоТ, на случае прекращения уголовного дела по незначительности.

На примере одного конкретного дела мы увидим, как не следует применять п. «д» ст. 47 КЗоТ в этом случае.

В Баку отстранен был от работы вагоновожатый Винокуров, имеющий многолетний стаж работы на бакинском трамвае, в связи с привлечением его к уголовной ответственности. Его обвинили в том, что по его вине произошло столкновение двух трамваев, в результате чего было выбито стекло и погнута буферная скоба. Винокуров вел трамвай, на который наскочил оторвавшийся от идущего впереди вагона прицепной вагон, и Винокуров не смог предотвратить аварии.

Вряд ли следовало против Винокурова вообще возбуждать уголовное дело. Но дело было возбуждено и прекращено «за малозначительностью». После того, как стороны в РКК не пришли к соглашению по поводу восстановления Винокурова на работе, дело поступило в суд, который решил восстановить его на работе. Но Верховный суд АзССР «исправил» решение и вынес определение, в котором указал, что прекращение уголовного дела «по малозначительности» все же означает, что данное лицо является преступником. Винокурова как преступника суд решил не восстанавливать и увольнение его по п. «д» ст. 47 КЗоТ признал правильным. Можно ли оставить в силе такое решение? Естественно, нет. По РСФСР уже с февраля 1928 г. существует постановление пленума Верховного суда, которое правильно говорит о том, что в подобных случаях, когда уголовное дело прекращается «за малозначительностью» или «по нецелесообразности», нет оснований для увольнения по п. «д» ст. 47 КЗоТ. Суды обязаны в этих случаях проверять те фактические обстоятельства, которые повлекли увольнение работника, и решить, есть ли данные для увольнения по пунктам «в» или «г» ст. 47 КЗоТ, либо, если и этих данных нет, признать увольнение неправильным. Прокуратура поэтому выступила в защиту кадрового рабочего Винокурова и опротестовала неправильное определение ГК Верховного суда АзССР.

Неправильной является также практика увольнения по пункту «д» ст. 47 КЗоТ одновременно с привлечением работника к уголовной ответственности.

Один лишь факт передачи материалов следственным органам и даже возбуждение уголовного дела, если это не сопровождается арестом или постановлением об отстранении, недостаточны для того, чтобы администрация отстранила работника, а не только уволила. Если в отношении торговых служащих администрация вправе сама отстранять от работы одновременно с возбуждением уголовного преследования, то и в этом случае для увольнения работника до вступления приговора в законную силу нет никаких оснований. Только по вступлении приговора в законную силу, либо после пребывания под стражей свыше 2 месяцев, или после отстранения работника

по распоряжению следственных органов через 2 месяца работник может быть уволен.

Оплата за вынужденный прогул вследствие неправильного отстранения или увольнения лиц, привлеченных к уголовной ответственности в связи с совершенными ими служебными преступлениями, производится в порядке, указанном в постановлениях НКТ союзных республик «О порядке применения п. «д» ст. 47 КЗоТ».

Необходимо остановиться также на исках об изменении неправильных записей причин увольнения в документах, выдаваемых на руки увольняемому (трудовые списки, справки). Здесь было высказано положение, ставящее под сомнение подсудность исков об изменении записей причин увольнения суду, в тех случаях, когда иски предъявляются лицами, не имеющими права судебного обжалования своего увольнения. Речь идет о группе так называемых ответственных работников, а также работников, попадающих под действие уставов о дисциплине. Однако эти сомнения совершенно неосновательны. Ст. 65 «Правил» ограничивает лишь право судебной защиты для указанных работников по делам о восстановлении на работе, но не лишает их права обращаться в суд с исками об изменении незаконных записей причин увольнения, произведенных с нарушением ст.ст. 36, 37, 46, 47 и 48 КЗоТ.

Возьмем дело Товкуна. Ему выдали «безобидный» документ об увольнении: «уволен по приказу № 150». Должность Товкуна — заведующий отделом завода. Просьбы Товкуна к администрации об изменении формулировки не увенчались успехом, администрация ответила ему, что такая запись не содержит в себе ничего для него порочащего.

Но куда Товкун ни приходил на работу, его просили показать приказ № 150.

А в приказе № 150 были записаны жуткие вещи. К уголовной ответственности его не привлекали. Когда же Товкун обратился с иском в суд, то там признали это дело неподсудным. И хотя Товкун в суде не спорил с администрацией по поводу факта увольнения и просил лишь суд обязать администрацию произвести запись причин увольнения в соответствии со ст. 47 КЗоТ, Орловский областной суд вынес определение, в котором написал, что ответственный работник не вправе обращаться в суд с подобным иском.

Суды не вправе отказывать в приеме этих исковых заявлений. Они должны заставлять администрацию приводить записи правильно, по закону: за непригодностью, по сокращению, за нарушение трудовой дисциплины и т. п. Нечего выдумывать, нечего кустарничать и дополнять закон. Суд не только имеет право обязывать администрацию изменить запись, но и удовлетворять иски об оплате вынужденного прогула вследствие подобных незаконных записей.

Недостатки в судебно-прокурорской практике по трудовым делам протекают не только

из сложности и некоторой отсталости нашего трудового законодательства, но в значительной мере они вызваны также незнанием элементарных основ трудового законодательства многими судьями и прокурорами. Подчас поражает неграмотность в решениях судов и в кассационных определениях. Последние чаще всего лаконичны и сводятся к следующему: отменить решение как неправильное — вместо того чтобы разъяснить, в чем неправильность, научить народный суд. Такой трафарет: «решение отменить и передать на новое рассмотрение» часто вызван тем, что пишущие его, ввиду незнания трудовых законов, боятся, как бы не получилось ляпсуса в их определении и народный судья, получив это определение, не сказал бы им: «Вы просто кодекс не читали и не знаете».

Поэтому нечего отделяться разговорами о том, что мы имеем устарелое законодательство, а нужно его хорошо знать и правильно применять.

Вместе с тем, несомненно, правильным является предложение о том, чтобы до окончания работ по разработке «Основ трудового законодательства» внести целый ряд изменений в действующие законы. Сюда можно отнести и вопрос о слишком широком круге лиц, подпадающих под действие дисциплинарных уставов, и вопрос о перечнях НКТ СССР от 18 октября 1929 г.

В перечне № 1 НКТ СССР от 18 октября 1929 г. включены, начиная от руководителей и зам. руководителей целых ведомств (явная нелепость, чего и писать не нужно), вплоть до руководителя любого отделения или самостоятельной части учреждения или предприятия. На этом основании начинается толкование того, что такое часть, и в результате даже отдельные профсоюзные работники растягивают до крайностей пределы этого гуттаперчевого списка.

В нашей практике был случай, когда заведующий планово-распределительным бюро цеха, а по сути дела — старший плановик цеха, был уволен «за срыв планирования на заводе». Этот молодой человек, который недавно окончил учебное заведение, пытался опровергнуть свое незаконное увольнение, да еще с такой позорной формулировкой. Он искал поддержки у районной прокуратуры и не нашел ее, так как райпрокурор считал, что вообще ИТР не вправе обращаться в суд по делам об увольнении. Но от райпрокурора не далеко ушел и ЦК союза, куда обратился этот работник. И хотя в перечне № 1 и нет такой должности, но ЦК союза по аналогии подвел и этого работника под действие перечня № 1.

Несомненно, что и не только в области вопросов увольнения, но и по другим разделам нашего трудового законодательства уже сейчас необходимо внести известные уточнения. Четкие указания настоящего пленума несомненно облегчат работу судов и дадут им надлежащее руководство для повседневной практической работы.

Об основных принципах частной методики расследования преступлений

За последнее время в СССР особенно возрос интерес к разработке проблем частной методики расследования преступлений. Работы, трактующие о методике расследования отдельных видов преступлений, обобщающие опыт расследования отдельных категорий дел, появляются все чаще и чаще.

За последние два года только по РСФСР практическими работниками следственно-прокурорского аппарата написано и издано на местах свыше 200 работ по частной методике расследования преступлений.

В советской литературе сейчас является общепризнанным выделение частной методики расследования преступлений в самостоятельный раздел криминалистики, представляющей особую ее часть.

Изучение частной методики входит составным элементом в программу криминалистики высших учебных заведений.

Организованный в 1936 году Методический совет при Прокуратуре Союза ССР в основном занят подготовкой и изданием руководства по частной методике расследования преступлений.

Такой рост интереса к разработке проблем частной методики расследования преступлений в СССР не случаен, как не случайно и то обстоятельство, что именно за последнее время особенно активизируется разработка этих проблем.

Возрастающий интерес к проблемам частной методики расследования преступлений, рост работ, обобщающих опыт и определяющих специфические особенности расследования категорий дел, выражают общую линию усиления борьбы за социалистический порядок, последовательное и строжайшее соблюдение которого является одним из неперемных условий, обеспечивающих осуществление принципов великой Сталинской Конституции.

Усиление борьбы с преступностью, организованность этой борьбы, приведение ее в систему выражают стремление найти более совершенные формы и методы борьбы с преступностью.

Вместе с тем овладение частной методикой расследования отдельных видов преступлений выражает определенный уровень подготовки следственного аппарата и людей, руководящих этим аппаратом.

Требование пользоваться обобщенным опытом расследования отдельных видов преступлений можно предъявить к следственному аппарату, который не только организационно устойчив, но и имеет определенный уровень подготовки, позволяющий ему овладеть основными принципами частной методики расследования преступлений.

Поэтому совершенно понятно, что активизация разработки проблем частной методики расследования преступлений идет параллельно проведению ряда серьезных организационно-учебных мероприятий, повышающих уровень

подготовки нашего следственного аппарата. Только за 1936—1937 гг. по СССР проведено свыше 200 учебно-методических конференций со следователями.

Действительное овладение частной методикой расследования преступлений предполагает не только накопление большого практического опыта по расследованию отдельных видов преступлений, глубокого изучения и анализа конкретных материалов, отражающих опыт борьбы с определенным видом преступлений, но оно немисливо без овладения марксистской методологией.

Полное овладение методикой расследования отдельного вида преступлений возможно только тогда и только там, где возможно раскрытие социально-классовой сущности анализируемой категории дел, где классовые интересы не требуют затемнения действительности, а это возможно только в условиях диктатуры пролетариата, там, где интересы, защищаемые государственной властью, совпадают с интересами самых широких слоев трудящихся.

В теоретических работах, публикуемых буржуазными криминалистами, они не могли и не могут идти по пути раскрытия действительных социальных корней и действительной механики преступлений. Классовая природа буржуазного государства, как равно и классовая природа всех социальных явлений, порождаемых капиталистическим укладом, усиленно замаскируются, поэтому понятно, что раскрытие действительных причин, порождающих преступление, показ источников, являющихся питательной средой для преступников, противоречат интересам буржуазии, а следовательно и интересам буржуазной криминалистики, которая эти вопросы усиленно замалчивает. Это побуждает буржуазных криминалистов уходить в их работах от глубоких обобщений по отдельным категориям дел, так как это неизбежно приводило бы их к выводам, опубликование которых неудобно буржуазии.

Это является одной из причин того, что развитие буржуазной криминалистики идет в основном по пути разработки вопросов техники, по пути изыскания способов регистрации, идентификации преступников и по пути отыскания общих тактических приемов расследования.

Буржуазным криминалистам не чуждо стремление найти обобщения, больше того, они пытаются вывести общие закономерности, позволяющие раскрыть всякое преступление, но эти закономерности выводятся не на основе изучения конкретных видов преступлений, не на основе изучения преступности как социального явления, не путем раскрытия причин, порождающих это преступление. Буржуазная криминалистика никогда не пыталась и не может пытаться глубоко исследовать отдельные виды преступлений.

Делая обобщение, пытаясь найти общие закономерности, посредством которых можно было бы раскрыть тайну преступления, буржуазные криминалисты исходят из отвлеченных —

природных или логических понятий, пытаюсь возвести в универсальный закон раскрытие преступления.

Ища закономерности раскрытия тайн преступлений, они пытаются отыскать какие-то естественные признаки, отличающие преступника¹, или же дать какие-то отвлеченные законы мышления, пользуясь которыми можно раскрыть тайну преступления². Стремление к обобщению в буржуазной криминалистике всегда было стремлением найти универсальную отмычку, пользуясь которой можно раскрыть тайну любого дела.

Крупнейшие буржуазные криминалисты пытались заниматься и вопросами разработки частной методики расследования преступлений. Ганс Гросс, а позже его преемники Вайнгарт, Шнейкерт, Гельвиг, разрабатывая криминалистику, пытались охватить не только вопросы уголовной техники и уголовной тактики, но и вопросы частной методики.

Но, не будучи в состоянии итти дальше идеологии своего класса, они ограничивали разработку частной методики расследования преступлений изложением отдельных технических приемов, применяемых преступниками, изложением некоторых технических знаний, необходимых для расследования отдельных видов преступлений.

Однако все эти обобщения, не вскрывающие сущности того вида преступлений, частную методику которого пытались дать эти криминалисты, являлись чрезвычайно слабыми, отвлеченными и не нашли себе ни достаточного практического применения, ни широкого распространения и подражания в литературе.

Так, например, известный в буржуазной литературе криминалист Ганс Гросс³, давший классическое руководство по тактике и технике расследования преступлений, оказался не только слабым, но и, пожалуй, беспомощным при разработке вопросов частной методики расследования преступлений.

Если при разработке отдельных проблем расследования преступлений наши советские криминалисты до сих пор в значительной степени используют обобщения, сделанные Гансом Гроссом, то его работами по частной методике расследования преступлений таким образом никто не пользуется и пользоваться ими в такой мере невозможно.

Ганс Гросс оказался не в состоянии дать в своих работах обоснованные выводы по частной методике расследования преступлений. И это понятно, ибо разработка проблем частной методики расследования преступлений требует раскрытия классовой природы, раскрытия самого существа преступления, обнажения этого преступления, полного раскрытия причин, его вызывающих.

¹ Ломброзо, «Графология»; его же, «Новейшие успехи науки о преступнике».

² С. Оттоленги, «Экспертиза почерка и графическая идентификация» и др.

³ Ничефоро, «Научное следствие и полиция».

Эрих Анушат, «Искусство расследования преступлений и законы логики».

⁴ Ганс Гросс, «Руководство для судебных следователей».

Нельзя правильно наметить пути расследования преступлений, не зная причин, порождающих эти преступления, мотивов, которыми мог руководствоваться преступник, целей, которые он себе ставил. Не имея этих данных, нельзя составить себе правильное представление о том, кто мог быть преступником, где его можно искать, какие методы маскировки он мог применить.

Так, например, разрабатывая методику расследования дел о поджогах, совершаемых в условиях капиталистического общества, криминалист обязан указать на то, что значительное количество этого рода преступлений совершается владельцами недвижимого имущества для получения ими страховых премий. Он должен указать методы раскрытия этих преступлений. Не сделав этого, он неправильно ориентирует следователя, который может оказаться в силу этого не способным раскрыть подобные преступления, с другой стороны, характеристика поджогов, совершаемых капиталистами для получения наживы, уничтожение ими ценностей, на производство которых затрачен колоссальный труд рабочих, свидетельствует о порочности, гнилости капиталистического уклада, поэтому эти вопросы обходятся или затрагиваются вскользь. Хотя, как мы увидим ниже, при разработке проблемы методики расследования поджогов буржуазные криминалисты были значительно более «откровенными», чем при разработке других проблем частной методики, и это понятно, так как здесь сталкивались интересы двух групп собственников — владельцев страховых обществ и владельцев застрахованного имущества; защищая интересы первых, криминалисты шли на некоторые «саморазоблачения».

Именно поэтому Ганс Гросс, естественно, не мог в своих работах по частной методике расследования преступлений вскрыть истинные причины, их порождающие, и наметить те источники, те участки, где хранятся доказательства, при помощи которых можно раскрывать этого рода преступления.

Если Ганс Гросс оказался не в состоянии дать глубокое исследование по частной методике расследования убийств, то он тем более был не в состоянии дать методику расследования таких, например, преступлений, как преступления, связанные со взрывами котлов, исследование которых имеется в его работе. Ганс Гросс, естественно, не мог вскрыть подлинной сущности этих зверских преступлений, порождаемых эксплуатацией, являющихся материальным спутником капиталистического строя.

Методику расследования этих политических преступлений Ганс Гросс ограничил изложением некоторых технических сведений, касающихся взрывов котлов.

Ни для кого не секрет, что капиталист-предприниматель нередко идет на умышленный взрыв оборудования и делает это для того, чтобы избежать уплаты неустойки за невыполнение заказа, иметь основание расторгнуть невыгодно заключенный договор, получить страховую премию и проч. При этом капиталист меньше всего думает о здоровье работающих у него рабочих, могущих пострадать от взрыва.

Но может ли буржуазный криминалист, в частности, мог ли Ганс Гросс дать методику

расследования подобного рода преступлений? Конечно, нет, а между тем при надлежащем действительно научном подходе к разработке методики расследования дел о взрыве котлов, которую пытался дать Ганс Гросс, он не мог обойти этого вопроса.

Не менее характерна в этом отношении разработанная Гансом Гроссом частная методика расследования поджогов. Здесь мы опять-таки сталкиваемся только с изложением материалов, показывающих отдельные способы поджогов и дающих некоторые технические сведения для их распознавания, для определения причин поджогов. Хотя нужно сказать, что именно эта глава у Ганса Гросса разработана наиболее подробно и, пожалуй, наиболее удачно, и это опять-таки не случайно.

Здесь сказалось влияние того капиталистического уклада, тех настроений и чаяний, в плену которых находился Ганс Гросс.

Среди всех проблем частной методики расследования преступлений, исследованием которых занимались буржуазные криминалисты, наиболее разработанным является раздел о поджогах.

Наиболее полно основные принципы частной методики расследования преступлений, применяемые в буржуазной криминалистике, отражены именно в работах, посвященных вопросам расследования поджогов. В этом отношении наиболее показательной является работа Альберта Вайнгарта о расследовании поджогов, которая разработана значительно более тщательно и удачно, чем другие его работы по частной методике, составляющие основную часть его «Уголовной тактики»¹.

Почему именно эта отрасль криминалистики оказалась наиболее развитой, почему именно частная методика этого вида преступлений оказалась наиболее разработанной? Это произошло потому, что в данном случае, как мы уже указали об этом выше, криминалисты действовали по заказу страховых обществ, которые, терпя колоссальные убытки от поджогов, совершаемых собственниками имущества для получения страховой премии, обратились за помощью к криминалистам. Работа Вайнгарта, опубликованная в 1906 году, написана для агентов страховых обществ по заказу обществ. И только там, где капиталистам это было необходимо и где это было им выгодно, только там принципы частной методики расследования преступлений нашли более или менее широкое распространение.

Но и в работах о поджогах мы не встречаем полного глубокого исследования этого рода преступлений. Это исследование ограничивается только поджогами, совершаемыми в корыстных целях.

Это не случайно; частная методика — это, прежде всего, практическое инструктирование следственного аппарата в борьбе с преступностью, и если можно морочить голову, выдвигая «общие» принципы для раскрытия тайны преступлений, если можно при разработке этих принципов исходить из различного рода отвлеченных категорий, то для того, чтобы дать конкретные указания, чтобы проинструктировать, как расследовать отдельные категории дел, нужно совершенно иное. Нужен кон-

кретный анализ следственных материалов по отдельным видам преступлений.

Можно сколько угодно говорить о тайнах раскрытия преступлений, как это делают Шнейкерт, Анушат, Гельвиг и другие буржуазные криминалисты, но для того, чтобы открыть действительно тайну преступления, раскрыть тайну убийств, хищений, поджогов, совершаемых в капиталистическом обществе, нужно раскрыть тайну общественного и политического устройства, тайну экономического уклада этого общества.

Вот почему, охотно освещая отдельные дела, создавая целую литературу по анализу их, буржуазные криминалисты не идут на опубликование работ, представляющих обобщение опыта по расследованию отдельных видов преступлений.

Особое падение интереса к разработке частной методики расследования преступлений в капиталистических странах наблюдается за последнее время.

В обширной, опубликованной за последние годы буржуазной криминалистической литературе мы не встречаемся со сколько-нибудь серьезными исследованиями по частной методике расследования преступлений. Если буржуазные криминалисты и занимаются исследованием отдельных видов преступлений, то делается это только на основе одного какого-нибудь конкретного дела.

Так, например, по делу о хищении и убийстве ребенка летчика Линдберга в Америке создана многотомная, состоящая из десятков тысяч страниц литература², но там нет ни одного серьезного исследования по частной методике расследования преступлений, основанного на изучении целой категории дел.

Девяносто восемь томов наиболее объемистого буржуазного фашистского журнала «Архив фиор криминалистик» не содержат ни одного серьезного исследования по частной методике расследования преступлений.

В этом отношении интересен и тот разрыв, который существует в буржуазных странах между практическими формами организации борьбы с преступностью и теоретической разработкой вопросов методики расследования преступлений.

Резкая специализация и централизация буржуазного полицейского розыскного аппарата, начавшиеся со второй половины XIX века (в 1876 г. были проведены централизация и разделение на специальные отряды берлинской полиции), все время продолжают. В настоящий момент розыскной полицейский аппарат всех наиболее крупных капиталистических стран построен по принципу резкого разделения его на многочисленные специализированные отряды (от 30 до 40 отрядов). Казалось бы, при такой системе особенно должно было развиваться изучение отдельных видов преступлений. Между тем, разработка вопросов частной методики расследования преступлений на основе обобщения целой категории дел и

¹ В 1935 г. только в Сомервиле, Нью-Джерси, в издательстве Сомерсей-пресс вышло 10 томов документов по делу Гауптмана — убийцы ребенка Линдберга. Издание содержит 4 856 страниц.

освещение этих проблем в литературе не имеют места.

Это, на первый взгляд, кажется тем более странным, что в целом ряде стран существуют специальные криминалистические институты, занятые разработкой проблем, связанных с расследованием преступлений и подготовкой специалистов по расследованию.

Но это кажется странным только на первый взгляд. Эта «необъяснимая» странность становится совершенно понятной, если учесть: а) возврат к средневековым методам расследования, который характерен для стран фашистской диктатуры, б) процесс сращивания розыскной полиции с преступным миром, который характеризует состояние розыскной работы во всех капиталистических странах.

Если раньше виднейшие криминалисты так называемого романского направления, как, например, Бертильон, Локар, Рейс, Бальтозар, Годфруа и др., не шли дальше разработки вопросов уголовной техники, считая, что этим ограничиваются задачи криминалистики, и лишь попутно затрагивали отдельные вопросы уголовной тактики и частной методики расследования преступлений, то сейчас и представители так называемого германского направления, которые ранее разрабатывали и вопросы тактики и вопросы частной методики, идут по пути исключения проблем частной методики из криминалистики, — частная методика изгоняется из буржуазной криминалистической литературы. Сейчас, больше чем когда-либо, фашизирующейся буржуазии невыгодно вскрывать сущность того или иного вида преступлений и методов, которыми пользуются для их раскрытия.

Если ко всему этому еще прибавить, что буржуазная криминалистика за последнее время сделала резкий крен в сторону приспособления «научно»-технических приемов расследования к расследованию политических преступлений, то полное молчание буржуазных криминалистов по вопросам частной методики расследования преступлений становится более чем понятным.

Буржуазные криминалисты открыто заявляют о том, что криминалистика идет на службу политики, против революционного движения, и усиленно призывают к соблюдению тайн полиции.

В этом отношении очень характерно следующее место из книги Штибера и Шнейкerta «Практическое руководство для работников уголовного розыска».

«В интересах самосохранения, правительства всех стран обращают свое внимание на наблюдение за политическими движениями, и для подавления их с этой целью привлекаются самые надежные и дельные служащие. Чины политической полиции пользуются с этой точки зрения привилегированным положением, и зачастую зависть со стороны их же сослуживцев еще более усиливает тягость их положения. Поэтому полицейский чин должен, по возможности, мало проявлять и выносить наружу из того, что составляет круг его деятельности в политических расследованиях...»

К этому еще нужно прибавить, что ученые криминалисты буржуазных стран, как правило, лишены возможности пользоваться конкрет-

ными материалами, необходимыми для разработки проблем частной методики.

И вот на фоне всего этого становится особенно ярким то направление в советской криминалистике, которое мы наблюдаем сейчас.

Развитие советской криминалистики идет в направлении совершенно противоположного буржуазной криминалистике, и именно поэтому вопросы частной методики расследования преступлений занимают у нас солидное и почетное место, наряду с вопросами техники и тактики.

В социалистическом государстве, где «государственное руководство обществом (диктатура) принадлежит рабочему классу, как передовому классу общества»¹, где закреплены «общественные порядки, угодные и выгодные трудящимся»², возможен совершенно иной подход к разработке отдельных проблем частной методики расследования преступлений, чем тот, который существует в капиталистических государствах.

Только в нашей стране, где государственный «строй становится тем крепче, чем активнее и всестороннее трудящиеся участвуют в государственном управлении»³, где раскрытие тайны преступлений означает, прежде всего, мобилизацию бдительности общественности и одновременно вооружение следственного аппарата для борьбы с преступниками, — только у нас возможно полное и действительное раскрытие тайны социально-классовой природы преступлений.

Когда разрабатываются проблемы частной методики расследования преступлений, освещением которых неизбежно связано с изложением приемов и методов совершения преступлений, обычно ставится вопрос, не являются ли подобного рода работы «наукой для воров?» Допустимо ли опубликование приемов, которыми пользуется преступник, и не способствует ли это распространению преступлений?

Это вопрос не новый, он возник одновременно с появлением первых работ по криминалистике.

История развития криминалистики знает такого рода периоды, когда господствовал взгляд, согласно которому публикация работ, трактующих о методах совершения преступления, считалась совершенно недопустимым. В этом отношении характерен следующий факт.

Некто Равено в 1669 г. во Франции написал брошюру, посвященную вопросам исследования документов для обнаружения подлогов. Эта работа была признана французским правительством того времени опасной для общества и по королевскому ордеру в 1670 г. была сожжена палачом перед дворцом юстиции.

Однако по мере накопления опыта борьбы с преступностью такого рода отношение к возможности освещения отдельных методов совершения преступлений изменилось. Сейчас общепризнанным является положение о том, что

¹ И. В. Сталин, «О проекте Конституции», Партиздат ЦК ВКП(б), изд. 1936, стр. 19.

² Там же.

³ В. М. Молотов, «К 20-летию Октябрьской революции», Партиздат ЦК ВКП(б), 1936 г., стр. 11.

опубликование наиболее распространенных методов совершения преступлений способствует борьбе с этого рода преступлениями, наоборот, замалчивание этих методов, оставление их в тайне, способствует тому, что ряд преступлений оказывается нераскрытым. И это понятно: в первом случае вооруженным оказывается только тот, кто совершает преступление, во втором — и тот, кто ведет борьбу с преступлением.

Следствие этого — непрерывная борьба с преступлением и с преступником; понятно, что если в этой борьбе методы, которыми пользуется преступник, остаются секретом для следователя и для всех тех, кто заинтересован в борьбе с преступлением, в его раскрытии, то это выгодно только преступнику.

Опасность, что преступник воспользуется литературными источниками для того, чтобы заимствовать тот или иной метод преступления, значительно меньше опасности, могущей наступить в результате неосведомленности следственного аппарата в методах, которыми пользуется преступник.

Методы совершения преступлений обычно распространяются в преступной среде помимо всякой литературы, и было бы наивным думать, что неопубликование тех или иных уже распространенных методов совершения преступлений может пресечь их распространение, тогда как ясно, что отсутствие достаточного знакомства с этими методами ослабляет борьбу с преступлениями. Однако было бы ошибочным полагать, что опубликование применяемых преступником приемов совершения преступлений не должно быть ничем ограничено, напротив, совершенно бесспорным является тот факт, что ряд методов, применяемых преступником, не подлежит никакой огласке, о них только в особом секретном порядке может узнать следователь. Так, например, было бы вредно предавать огласке какой-нибудь совершенно новый, пока только известный одному или нескольким преступникам, впервые им примененный способ вскрытия несгораемых шкафов. Опубликование такого рода факта, естественно, только способствовало бы распространению этого рода преступлений.

По целому ряду политических преступлений опубликование методов совершения их связано с раскрытием государственной тайны, и естественно, что такого рода факты не подлежат огласке. Однако такого рода положение может иметь место в исключительных случаях. Мы разрабатываем и целиком вскрываем сущность не только бытовых преступлений таких дел, как бытовые убийства, дела об изнасилованиях, дела о преступных абортках и проч., но мы разрабатываем и публикуем работы по методике расследований террористических актов, вредительских и диверсионных актов, методике расследования преступлений, связанных с контрреволюционной агитацией, и проч.

Только в нашей стране возможно освещение этих вопросов, так как только у нас мыслимо действительное и полное раскрытие причин, вызывающих этого рода преступления.

В свете специальных указаний товарища Сталина о том, чтобы ознакомить наших партийных товарищей с методами и техникой вредительства и шпионажа, задача ос-

вещения и разработки проблем частной методики расследования преступлений становится важнейшей политической задачей, причем при выполнении этой задачи нужно, прежде всего, разработать методику расследования наиболее опасных, наиболее серьезных государственных преступлений.

Однако несмотря на исключительный интерес, проявляемый к вопросам частной методики расследования преступлений, и то исключительное практическое значение, которое имеет правильная разработка этих вопросов, у нас до сих пор не определены основные принципы, из которых нужно исходить при разработке этих проблем.

Разработка методики расследования отдельных видов преступлений у нас зачастую идет произвольно и не всегда по правильному пути.

Между тем продуктивность работы в этой области требует, чтобы была определенная направленность, определенная целеустремленность, определенные устойчивые принципы, исходя из которых разрабатывались бы проблемы частной методики.

Эти принципы должны исходить из основных научных данных, которыми мы располагаем, из основных политических требований, которые к нам предъявляются, которые должны быть положены в основу разработки методики расследования отдельных видов преступлений.

При разработке этих принципов необходимо обеспечить максимальную политическую остроту, максимальную бдительность работников, которые должны будут разрабатывать работами по частной методике. Разработка таких общих принципов вовсе не предполагает шаблонизацию методов исследования, установления каких-то стандартных приемов разработки частной методики расследования преступлений.

Никаких единых методов и способов, которые можно было бы применять при расследовании различных дел, нет. Не только методика расследования отдельной категории дел, но и методика расследования каждого конкретного дела индивидуальна.

Однако это вовсе не исключает возможности разработки некоторых общих принципов, из которых нужно исходить, которыми нужно руководствоваться при разработке проблем частной методики расследования преступлений.

Определяя эти принципы, нужно прежде всего иметь в виду следующее: методика расследования отдельных видов преступлений всегда определяется методами совершения преступлений. При разработке вопросов частной методики всегда приходится идти от метода совершения преступления к методу его раскрытия.

Поэтому в основу разработки частной методики расследования всегда должно быть положено обобщение опыта работы по расследованию анализируемой категории дел.

К разработке методики расследования того или иного вида преступлений можно приступить только после того, когда будет обобщен

значительный опыт расследований этой категории дел.

Однако, исходя из этого общего принципа, нужно иметь в виду, что есть такого рода преступления, где отыскание методов совершения их представляет большие трудности. Эти преступления характеризуются тем, что в каждом из них применяются совершенно своеобразные новые методы и приемы, с которыми можно и не встретиться в других, ранее расследуемых преступлениях.

При расследовании убийства следователь всегда сталкивается с трупом, с местом совершения преступления. Если следователь имеет дело о расследовании убийства без трупа, или дело, в котором место совершения преступления в первый момент расследования не установлено, то следователь стремится найти труп и установить место совершения преступления, ибо именно это является исходным, отправным моментом расследования дел этой категории.

Участок, где остаются следы, где эти следы нужно искать, при расследовании этих видов преступлений всегда более или менее определен. Способ совершения преступления здесь, как правило, всегда очевиден. То же самое мы имеем при расследовании целого ряда других дел.

Но есть такого рода дела, где прежде всего нужно установить самый способ совершения преступления и, больше того, зачастую нужно установить наличие преступления. В качестве примера такого рода преступлений можно привести дела, связанные с нарушением правил техники безопасности.

Здесь мы не имеем определенной «методологии» совершения преступлений; нарушение правил техники безопасности в горно-рудной промышленности, причем на различных видах горно-рудных работ совершается иначе, чем то же преступление в химической промышленности.

Еще более трудно уловить общую «методологию» совершения преступлений в тех случаях, когда преступления подобного рода совершаются умышленно, когда нарушение правил техники безопасности используется как средство для прикрытия более серьезных — контрреволюционных преступлений.

То же самое можно сказать о расследовании вредительских диверсионных актов.

Методика расследования вредительских и диверсионных актов, совершаемых в промышленности, на транспорте, на строительстве, должна разрабатываться в несколько ином плане, в ином направлении, чем методика расследования убийств, хищений со взломом и т. д.

Здесь, прежде всего, необходимо установить приемы и способы расследования, при помощи которых можно было бы установить способы совершения данного преступления, ибо основной трудностью при расследовании дел этой категории как раз является установление методов и способов совершения преступлений.

После того как эти способы и методы будут установлены, разработка вопросов методики расследования этих преступлений идет по обычному пути от способов совершения преступлений к способу их раскрытия.

При разработке методики расследования этого рода преступлений необходимо, прежде всего, определить метод исследования, метод сопоставления отдельных фактов, доказательств, метод выявления совпадений, противоречий между отдельными фактами и обстоятельствами, посредством которых можно было бы раскрыть метод совершения этого рода преступлений и обнаружить преступника.

Идя от методов совершения преступлений к методам раскрытия их, методику расследования преступлений вместе с тем нельзя ограничивать использованием только известных методов совершения преступлений.

На основе изучения конкретных данных о расследовании отдельных категорий преступлений можно определить еще не раскрытые, но возможные способы и приемы совершения преступлений.

Так, например, разрабатывая методику расследования дел о хищениях подотчетных сумм, можно не только указать способы раскрытия уже известных по своим методам преступлений, но и наметить те слабые места в системе учета, которые могут быть использованы преступником, и тем самым указать на те способы, при помощи и посредством которых может быть совершено данное преступление.

Таким образом первое требование, которое должно обязательно соблюдаться при разработке проблем частной методики расследования преступлений, сводится к тому, что при осуществлении этой задачи необходимо освоение всего имеющегося опыта по расследованию анализируемой категории дел.

Разрабатывая и классифицируя уже известные способы и приемы совершения преступлений и на основе этого определяя способы совершения преступлений, мы устанавливаем способы раскрытия их и этим самым обеспечиваем выполнение первого требования, обязательного при разработке частной методики расследования преступлений.

Здесь, однако, нужно иметь в виду, что в условиях советской действительности значительно реже приходится иметь дело с преступниками-профессионалами, пользующимися всегда одинаковыми, усвоенными только ими способами и приемами совершения преступлений. Если буржуазные криминалисты острее своей работы направляют на раскрытие приемов, которыми пользуется профессиональный преступник, и считают, что установление признаков, характеризующих деятельность и личность профессионального преступника, является одной из основных гарантий раскрытия преступления, то на это не могут рассчитывать советские криминалисты, которым реже всего приходится иметь дело с преступниками-профессионалами, наличие большого количества которых присуще капиталистическому государству.

Советскому криминалисту меньше всего приходится рассчитывать на повторяемость стандартных способов совершения преступления. Для того чтобы обобщить методы совершения преступлений, организуемых непрофессиональными преступниками, нужно значительно более глубокое изучение тех условий, в которых совершаются эти преступления, обобщение значительно большего материала.

Второе условие, которое должно соблюдаться при разработке вопросов частной методики расследования преступлений, заключается в необходимости разработки тех конкретных научных данных, которые могут быть использованы при расследовании анализируемой категории дел. Так, например, разрабатывая вопрос о методике расследования преступных abortов, лицо, производящее эту работу, обязано определить круг тех научных знаний, которые необходимо иметь лицу, занимающемуся расследованием этой категории преступлений.

При этом должны быть определены наиболее целесообразное применение этих научных данных и познаний, формы и способы их применения.

Нужно сказать, что у нас это правило не соблюдается. Даже учебное пособие по криминалистике (второй том «Криминалистики», изданный в 1936 году Научно-исследовательским институтом уголовной политики) не содержит необходимых данных о применении тех или иных научных технических сведений при расследовании отдельных видов преступлений.

Если в первом томе «Криминалистики» широко пропагандируется необходимость применения научно-технических приемов расследования, то при разработке второго тома совершенно не показаны необходимость и формы их применения.

При разработке отдельных видов частной методики расследования преступлений необходимо определять, в какой степени общие принципы тактики и техники расследований преступлений применимы при расследовании данной категории дел.

Должно быть с наибольшей полнотой установлено, каковы специфические особенности применения тех или иных тактических и технических приемов при расследовании этой категории дел.

Так, например, разрабатывая методику хищений, растрат в органах госторговли и кооперации, необходимо определить, каковы тактические и технические особенности расследования данной категории дел. В чем, например, заключается особенность осмотра места взлома при расследовании дел этой категории; в чем заключается особенность допроса и проч. При расследовании дел о ж.-д. крушениях необходимо определить специфические особенности тактики и техники, которые необходимо учитывать при расследовании этой категории дел, и т. д.

При разработке проблем частной методики расследования преступлений всегда необходимо с наибольшей точностью устанавливать, на каком участке, на каком предмете обычно остаются следы при совершении преступлений данной категории.

Так, например, при расследовании дел о хищениях и растратах в органах связи нужно всегда точно определить, на каких документах, при совершении каких именно операций могут оставаться следы совершаемого преступления.

Одновременно должно быть указано, каким способом могут быть обнаружены эти следы, как искать эти следы, причем задачей частной методики является определить наиболее точно тот участок и те объекты, на которых нужно искать эти следы. Чем уже участок, чем точ-

нее и правильнее определены объекты, на которых нужно искать следы, тем легче расследовать преступление.

Так, например, расследуя дело о хищении, совершенном посредством подложного перевода, деньги по которому получены в гор. Москве, следователь не знает, подделан ли этот перевод в Москве, в пункте получения похищенной суммы или в пункте отправления перевода. Чтобы преодолеть возможный в данном случае разрыв между местом совершения преступления и местом его реализации и знать, где ему искать преступника, следователь должен уметь пользоваться такими приемами, посредством которых он с наибольшей точностью путем осмотра определенных документов, изучения определенных операций мог бы определить, где, в какой точке сосредоточены основные доказательства, с какого пункта началось движение подложного перевода.

Задачей частной методики является отыскание таких способов и приемов, посредством которых можно было бы с наибольшей точностью определить те объекты, на которых нужно искать улики, следы преступления.

Точно так же в результате разработки методики расследования отдельных категорий дел должны быть определены способы и приемы отыскания людей, которые могут представить следователю важные по делу данные.

В результате разработки частной методики расследования преступлений должен быть определен с наибольшей точностью тот круг лиц, среди которых прежде всего нужно искать преступника. Чем уже и чем точнее определена категория этих лиц, тем меньше людей, которых можно подозревать в преступлении, в отношении которых необходимо вести расследование, тем легче расследовать преступление.

Одной из основных задач частной методики расследования преступлений является определение признаков, характеризующих круг тех лиц, которые в данном случае могут оказаться преступниками, и лиц, которые могут сообщить следователю важные по делу данные.

Так, например, по способу, каким произведено крушение на железнодорожном транспорте, можно определить круг тех лиц, которые могут быть причастны к этому преступлению.

Зная признаки, характеризующие преступника, следователь с большим успехом и экономией времени может обнаружить преступника. Однако, отыскивая эти признаки, нужно исходить из обстоятельств каждого конкретного дела, так как никаких обобщающих, заранее выработанных рецептов, пользуясь которыми можно было бы определить круг лиц, могущих совершить преступление, дать нельзя.

В нашей криминалистике до сих пор наблюдается неправильный, вредно отражающийся на практической работе уклон, заключающийся в том, что у нас учат искать только вещные следы, т. е. иначе, учат следователя отыскивать такие предметы, такие вещи, документы, на которых можно обнаружить те или иные следы.

И к этому, как постоянный источник получения доказательств, прибавляется свидетель, обвиняемый, которые могут указать на те или иные доказательства и представить их.

Между тем развитие следственного поиска должно включать не только умение отыскивать материальные, вещественные улики, пользоваться показаниями, но и уметь анализировать материал, сопоставлять факты, уметь видеть эти факты в движении с тем, чтобы получить доказательства, которые нельзя обнаружить путем обыска, осмотра и даже допроса, но которые можно и нужно получать в результате анализа фактов, в результате сопоставления их. Есть доказательства, которые добываются не в результате осмотра, обыска и допроса, а являются результатом анализа, сопоставления фактов, в результате осмысливания этих фактов.

Здесь идет вопрос вовсе не о применении каких-то отвлеченных законов, формальной логики, каких-то отвлеченных законов мышления. Отыскание каких-то особых законов логического мышления, посредством которых можно было бы раскрывать преступления, является полнейшим абсурдом, хотя такого рода теории развивались как за границей, так и у нас.

Образцом такого рода стремлений найти законы логики, посредством которых можно было бы раскрыть тайны преступления, в буржуазной криминалистике может служить работа немецкого криминалиста Анушата «Искусство расследования преступлений и законы логики». У нас такого рода направление нашло свое выражение в работе Владимира Громова.

В своей книге «Методика расследования преступлений» Громов дает специальную главу о «методике построения умозаключений при расследовании уголовных дел».

Исходя из правильных позиций необходимости научить следователя сопоставлять и анализировать доказательства, Громов, однако, скатился к попытке дать рациональные способы мышления, дать законы мышления, посредством которых следователь мог бы правильно оценивать факты, раскрывать преступления.

Никаких отвлеченных логических понятий, никаких отвлеченных логических законов, посредством которых можно было бы раскрывать тайны преступлений, не существует. Наряду с этим законы диалектической логики, применяемые во всех областях науки, могут и должны применяться и при расследовании преступлений, ибо следствие, по самой природе своей, процесс диалектический. Показать применение законов диалектической логики, показать, как важно умение обобщать и анализировать факты в их логической и диалектической последовательности, является основным, непременным условием при действительно правильной разработке вопросов частной методики расследования преступлений.

«Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о «законах развития» всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод, история познания мира»¹.

Исходя из такого определения логики, мы обязаны научить работников расследования познавать конкретное содержание дела в его

логической диалектической последовательности таким образом, чтобы он мог с наибольшим успехом и наибольшей вероятностью отыскать истину.

Процесс мышления, посредством которого познается истина, всегда должен исходить из содержания и движения анализируемых фактов.

Применение логики при расследовании преступлений иначе предполагает умение привлекать к «мысленному рассмотрению» все факты и все обстоятельства для правильного сопоставления, для правильного изучения и правильного анализа их.

Учить следователя анализировать конкретный материал дела, учить его мыслить диалектически, а не только слепо искать конкретные факты и обстоятельства, является одной из основных задач методики расследования преступлений.

Выполнение этой задачи может быть осуществлено путем показа того, как правильное использование фактического материала приводит к разработке отдельных методических принципов, которые могут быть применены при расследовании конкретных категорий дел.

Успех расследования решает не только способность отыскать факты, но и способность анализировать их, способность рассмотреть эти факты в движении, в противоречии.

В качестве примера такого рода дела, где анализ фактов, умение проследить их в движении приводит к отысканию истины, можно привести следующее.

В день празднования годовщины Великой Октябрьской революции в 1934 г. колхозники колхоза с. Малета вынесли постановление о том, чтобы к следующему празднованию Великой Октябрьской революции построить колхозный клуб.

Вскоре же они приступили к реализации этого постановления, и вот, когда клуб был уже совершенно готов, 2 октября 1935 г. клуб сгорел. Было совершенно точно установлено, что клуб подожжен, ибо клуб, расположенный вдалеке от других строений, загорелся сразу в трех местах с крыши. Клуб не отапливался и никаких причин его воспламенения, кроме искусственного поджога, быть не могло.

При тщательном осмотре места пожарища никаких следов преступления, позволяющих обнаружить преступника, найдено не было.

Тогда следователь пошел по совершенно иному пути. Не найдя каких-либо вещественных следов, позволяющих ему раскрыть преступление и обнаружить преступника, следователь приступил к тщательному изучению обстановки и условий строительства клуба, условий его охраны.

Следователь установил, что клуб охранялся сторожем — стариком Ваулиным. В день поджога клуба сторож Ваулин был командирован в колхоз соседнего села, чтобы отобрать купленных там овец; благодаря этому в этот день клуб оставался без охраны.

Таким образом следователь установил первое отступление от нормальной обстановки, от нормального положения, в котором находилась охрана клуба.

Исследуя, чем вызвано то обстоятельство, что клуб остался без охраны, следователь установил, что никакой надобности направлять для отбора овец именно сторожа Ваулина не бы-

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, Конспект книги Гегеля «Наука логики», стр. 94, Москва, Партиздат, 1933 г.

ло, что ряд колхозников, непосредственно занимающихся овцеводством, в это время были свободны. Следователь также установил, что сторож был снят с работы и направлен в соседнее село заместителем председателя колхоза Сурковым.

Следователь путем опроса этого лица пытался установить, чем вызвано направление для отбора овец сторожа. Получив объяснение, что сторож лучше других колхозников понимает в качестве овец, следователь проверил это обстоятельство и установил, что сторож Ваулин по профессии плотник и меньше всего понимает в качестве овец.

Это второе противоречие, которое установил следователь. Это обстоятельство заставило его заняться изучением личности заместителя председателя колхоза Суркова и его отношения к строительству клуба.

В результате дальнейшего анализа различного рода обстоятельств следователь установил, что поджог клуба совершил именно Сурков, скрывшийся от раскулачивания кулак, обманным путем пробравшийся в колхоз и занявший там положение зам. председателя колхоза.

В данном случае следователь не только стремился обнаружить факты, но и проводил глубокий анализ, изучение и сопоставление их. Изучая противоречия и совпадения между отдельными фактами, следователь добрался до установления истины.

Другой пример: в Бековском районе, в с. Беково была убита учительница. Труп ее был обнаружен метрах в 80 от школы, где она проживала. Учительница была найдена раздетой, дверь от ее квартиры была открыта, верхняя одежда ее находилась в комнате.

Имея в виду, что труп учительницы был найден в 6 час. утра, было очевидно, что она была убита ночью, причем то обстоятельство, что она оказалась вне своей квартиры, объяснялось тем, что она, скрываясь от преследователей, выскочила на улицу, где была наступлена ими.

Обыск, допросы, проведенные следователем, ни к каким результатам не привели. Тогда следователь стал тщательно изучать обстановку жизни учительницы, ее знакомых и в результате этого он установил следующее.

Раньше вместе с учительницей на ее квартире проживала сторожиха К. и сын ее 17 лет. Благодаря тому, что сын сторожихи проявил себя как хулиган и неоднократно воровал вещи учительницы, последняя настояла на том, чтобы он был выселен из помещения школы, и он переселился к своему отцу.

Учительница продолжала жить в школьном помещении, и у нее постоянно ночевала сторожиха К.

По рассказам лиц, близко знавших учительницу, она очень боялась ночевать одна и поэтому им не было известно ни одного случая, когда бы она оставалась ночевать одна, без проживающей с ней сторожихи К. В ночь, когда произошло убийство, как это установил следователь, сторожиха К. с учительницей не ночевала.

Это первое отступление от обычной обстановки жизни учительницы, которое установил следователь.

Следователь стал тщательно изучать причины этого факта, нарушающего нормальное течение событий, обычных для жизни учительницы.

По показаниям сторожихи К. последняя не ночевала с учительницей потому, что к ней приехали родственники, поселившиеся у мужа, и она решила провести вечер вместе с ними.

Следователь проверил это обстоятельство. В результате проверки было установлено, что действительно к мужу сторожихи К. приехал его брат с женой, но, как установил следователь, они приехали за 4 дня до убийства. Кроме того следователь установил, что отношения между сторожихой К. и приехавшими к ее мужу родственниками — скверные, что с женой брата мужа она даже не разговаривает в течение двух лет.

Эти обстоятельства противоречили утверждению сторожихи К. о том, что она была вынуждена оставить учительницу для того, чтобы повидаться со своими родственниками.

Следователь пошел дальше по пути исследования всех обстоятельств, связанных с жизнью сторожихи К. и учительницы.

Зная, что учительница очень боялась ночевать одна, и установив, что в школе существовали исключительно хорошие запоры, следователь пришел к заключению, что убийцы учительницы могли войти в ее комнату только при помощи человека хорошо известного убитой, которому она доверяла и на стук которого она могла открыть двери. Таким человеком могла быть сторожиха.

Путем допроса одного из свидетелей — другой учительницы, следователь установил, что, уходя от убитой, сторожиха К. заявила учительнице, что она уходит часов до 11—12, после этого вернется. Это дало основание следователю полагать, что, дожидаясь сторожиху К., учительница на стук последней могла открыть двери.

Тщательно изучив времяпровождение семейства сторожихи К. в день убийства, следователь установил, что между 12 и 1 ночи сторожиха К., ее сын и муж уходили из дому, причем они заявили вышедшим вместе с ними соседям, что они идут на станцию Беково встречать приезжающего к ним родственника.

Проверив расписание поездов, следователь установил, что между 12 и 2 часами ночи никаких поездов в Беково не прибывает; кроме того следователь установил, что никакой родственник к сторожихе К. на самом деле в эту ночь не приезжал.

Это послужило дополнительным основанием предполагать, что в убийстве учительницы могло принимать участие семейство сторожихи К.

Следователь произвел тщательный обыск в ее доме, осмотрев одежду заподозренных, — результаты оказались отрицательными. Следователь проверил, в этой ли одежде ранее ходили заподозренные, и установил, что брюк сына сторожихи и пиджака ее мужа, в которых они ранее постоянно ходили, в наличии не оказалось.

По заявлению сторожихи К., ее мужа и сына эта одежда была подарена ими приезжавшему к ним брату мужа сторожихи. Следователь проверил этот факт и установил, что и

у последнего этой одежды нет, что он ее никогда не получал.

Это привело следователя к убеждению, что для сокрытия следов, оставшихся на этой одежде, она спрятана или уничтожена. Позже, произведенным тщательным обыском на крыше дома заподозренных были найдены часы учительницы.

После этого у следователя не оставалось никаких сомнений в том, что его предположения правильны, однако при допросах сторожика К. и ее муж категорически отрицали свое участие в убийстве; сын же их признал, что он действительно совершил убийство учительницы, пользуясь тем, что матери его в то время с учительницей не было.

Теперь задача следователя сводилась к проверке правильности заявления признающего свою вину сына сторожика К. Следователь пошел по такому пути.

Заявление признающего в убийстве сына К. о том, что он вошел в квартиру учительницы, так как та открыла на его стук, было сразу же отвергнуто, так как следователь установил, что учительница боялась сына К. и никогда на его стук не открыла бы двери.

После того как сыну К. было высказано это положение, он отказался от своей первой версии и заявил, что он вошел в небольшое окно, находящееся в сенях квартиры учительницы, и, воспользовавшись тем, что одна из дверей квартиры не была закрыта, зашел в нее.

Следователь произвел следственный эксперимент и потребовал, чтобы и при нем сын К. вошел в то окно, через которое, по его заявлению, он вошел ранее в квартиру убитой.

Сын К. смог влезть в это окно, однако каждый раз оказывался сильно поцарапанным, с порванными пиджаком, в то время как эта часть одежды, которую ранее пользовался К., не была повреждена и на сыне К. не было никаких царапин.

Это опровергло заявление сына К. о том, что он вошел в помещение именно таким образом. После этого сын К. сознался, что в убийстве принимал участие его родители, что дверь была открыта после того, как постучалась в квартиру учительницы его мать.

Это дело служит ярким примером того, что только благодаря правильному анализу, сопоставлению фактов, умению проследить их в движении, умению найти противоречия и совпадения между отдельными фактами и событиями следователь смог притти к раскрытию истины.

Нужно иметь в виду, что при расследовании дел громадную роль играют так называемые косвенные улики, получение которых возможно только тогда, когда следователь будет знать, каким образом отыскивать взаимозависимость между отдельными фактами, устанавливать их диалектическую, а это значит — логическую связь, уметь сопоставлять эти факты, рассматривать их в движении, в сцеплении с другими фактами, уметь определять истинные причины их происхождения; именно в этом заключается искусство применения диалектической логики при расследовании преступлений.

Умение вскрывать противоречия, совпадения между фактами, зависимость между причиной и следствием особенно важно при рас-

следовании контрреволюционных дел и особенно дел о вредительских диверсионных актах, когда установление акта вредительства, акта диверсии зачастую в значительной степени зависит от того, в какой мере следователю удастся установить связь и причинную зависимость между отдельными фактами, между отдельными событиями.

В качестве примера такого рода дел можно привести дело о взрыве на одесском заводе «Большевик», произведенном фашистскими агентами, троцкистами.

В 1935 году на одном из заводов произошел взрыв жерновой мельницы. В результате этого взрыва погибло 19 рабочих, тяжело ранено 9 человек.

Первый следователь, производивший расследование по этому делу, установил, что взрыв произошел потому, что мельничные жернова в момент взрыва работали без продукта, вхолостую, вследствие чего выделяли искры, которые, попав в пылевзрывчатую смесь (пробковая пыль), вызвали воспламенение и взрыв.

Следователь привлек к уголовной ответственности мастера, допустившего работу жерновов без продукта, считая его основным виновником взрыва. Кроме того следователь привлек к уголовной ответственности главного инженера, инженера по технике безопасности и директора завода за то, что они не наблюдали надлежащим образом за работой цеха мельничных жерновов. Все они были осуждены к принудительным работам за нарушение правил техники безопасности.

Позже, когда было установлено, что все эти лица являлись троцкистами, членами контрреволюционной организации, это дело расследовалось дополнительно, и расследование его было проведено в совершенно ином направлении.

Факты и события взрыва были подвергнуты более тщательному исследованию, и в результате этого было установлено: с момента назначения на завод директором К. он, прежде всего, произвел смену технического руководства завода, поставив на работу в качестве технического директора, начальника капитального строительства и инженера по технике безопасности своих людей, оказавшихся членами контрреволюционной троцкистской организации.

Вскоре после прихода на завод этих лиц они начали переоборудование цеха мельничных жерновов. Прежде всего подверглась переоборудованию вентиляционная система. Было установлено, что в результате этого переоборудования емкость вентиляции значительно уменьшилась, концентрация взрывчатой смеси в цехе значительно увеличилась.

Это объясняется тем, что выхлопная труба была поставлена диаметром в два раза меньше входной трубы, что привело к тому, что часть загрязненного воздуха не выбрасывалась и пробковая смесь оставалась в помещении цеха.

Вертикальные жернова были переконструированы в горизонтальные, что по заключению экспертизы привело к увеличению выделения искр при работе этих жерновов на холостом ходу.

Следствием же было установлено, что у жерновов были сняты магниты, что привело к то-

му, что при попадании металлических частей в жернова образовывались искры.

Следствием также было установлено, что за последнее время в цех для охлаждения жерновов не подавалась вода. Одновременно выяснилось, что в ответ на протест рабочих и части технического персонала о невозможности работать в таких условиях директор К. и его заместитель М. согласились остановить цех для ремонта, но с условием, что в течение ближайшего времени цех будет работать в 4 смены без перерыва с тем, чтобы заготовить сырье. 1 октября цех был переведен на четырехсменную работу.

Непрерывная работа цеха, с одной стороны, увеличила концентрацию пылевзрывчатой смеси, с другой стороны, привела к такому наряду жерновов, что они являлись постоянным источником тепловой энергии, при наличии которой взрыв был неизбежен, и он произошел.

Сопоставляя все эти факты и деятельность заподозренных, следователь установил определенную закономерность, заключающуюся в том, что действия этих лиц постоянно были направлены на то, чтобы, с одной стороны, создать наибольшую концентрацию пылевзрывчатой смеси, а с другой, — обеспечить появление другого фактора — тепловой энергии.

Между всеми действиями заподозренных существовала определенная логическая связь, все они были направлены на создание этих двух факторов, обязательных для того, чтобы произвести взрыв. Следователь пришел к заключению, что взрыв произведен умышленно.

Позже, при предъявлении обвинения, обвиняемые, видя, что все их действия разоблачены, сознались, что они произвели взрыв умышленно.

Если бы первый следователь точно так же умел анализировать факты, события, сопоставить их и увидел бы определенную связь между отдельными событиями и действиями, сумел бы найти связь между причинами и следствием, он также пришел бы к заключению, что взрыв был организован умышленно.

Расследование таких дел, как дела о диверсиях на железнодорожном транспорте, показывает, что основными ошибками следственного аппарата, благодаря которым ряд вредных и диверсионных актов на железных дорогах своевременно не был разоблачен, заключается именно в том, что факты, события и действия брались оторванно, изолированно, без сопоставления, без анализа, без умения найти причинную зависимость между отдельными обстоятельствами дела.

Вот почему при разработке проблем частной методики расследования преступлений нужно всегда стремиться показать следователю, каким образом нужно анализировать, сопоставлять факты, обстоятельства.

Следователь, владеющий марксистской методологией, умеющий пользоваться диалектической логикой, всегда должен помнить, что «причина и следствие, следовательно, лишь моменты всемирной взаимозависимости, связи (универсальной), взаимосцепления событий, лишь звенья в цепи развития материи»¹.

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, Конспект книги Гегеля «Наука логики», стр. 155, Москва, Партиздат, 1933 г.

Это значит, что для того, чтобы установить, что является причиной, что следствием, каковы причины того или иного события, нужно всегда установить взаимозависимость, взаимосцепленность отдельных событий. Нужно помнить, что в действии всегда отражается то, что имело в причине, «действие не содержит вообще ничего, что не содержалось бы в причине»¹.

Если следователь сумеет рассмотреть анализируемый им факт в движении и сумеет найти причины, его породившие, он с большей вероятностью сможет установить истину.

Почти общепризнанным у нас является учение о том, что анализ фактов, их сопоставление являются лишь средством оценки достоверности уже известных доказательств.

Это совершенно неверно. Сопоставление одних фактов с другими дает не только возможность оценить эти факты, но и является средством для получения новых фактов и доказательств. Анализ фактов — это не только способ оценки их, но и способ отыскания новых фактов.

Сопоставляя одни факты с другими, отыскивая совпадения и противоречия между ними, следователь не только оценивает уже известные ему доказательства, но и наталкивается на новые обстоятельства, которые ему необходимы для отыскания истины.

Так, например, расследуя дело о крушении, следователь установил, что причиной его явилось то обстоятельство, что во время движения поезда отвинтилась гайка тормозной колодки, вследствие чего тормозная колодка вывалилась и попала под ходовые части поезда.

Гайка отвинтилась потому, что не была закреплена шплинтом.

Работники вагоноремонтного пункта заявили, что они выпустили вагон в полной исправности и что, очевидно, по каким-то не зависящим от них причинам шплинт вылетел или был кем-то вынут и в результате этого гайка отвинтилась.

Не удовлетворившись такого рода объяснением, следователь занялся выяснением того, не имели ли места ранее факты выпадания тормозной колодки в вагонах, отремонтированных в данном ремонтном пункте, и установил, что такие случаи повторялись неоднократно, что причиной этого всегда было незакрепление гаек шплинтами.

Сопоставляя все факты аварий, следователь пришел к заключению, что они тождественны и являются следствием одних и тех же причин.

Установив номера вагонов, с которыми имела место авария, следователь попытался установить лиц, которыми они ремонтировались.

Следователь установил, что незакрепление шплинтами гаек тормозной коробки допускалось всегда одной и той же сменой и одним и тем же лицом.

Дальнейший анализ и сопоставление фактов привели следователя к заключению, что в данном случае крушения организовывались умышленно.

Следователю удалось вскрыть диверсионную группу, занимавшуюся организацией крушений.

На этом примере совершенно ясно видно, что сопоставление и анализ фактов не только дают возможность дать им действительную

¹ Гегель, «Наука логики», стр. 142.

оценку, но и приводят к отысканию новых фактов и доказательств.

Овладение искусством расследовать преступление немислимо без овладения способностью анализировать, сопоставлять, проследить каждый факт в движении.

Прибегая к удачному сравнению доктора Рида, доказательства «можно сравнить с веревкою, свитою из множества тонких волокон. Веревка имеет достаточно крепости для того, чтобы сдерживать известную тяжесть, хотя ни одно из составных волокон ее неспособно к этому»¹.

Это значит, что отдельное, оторванное от других доказательств, подобно тонкому волокну, не выдержит никакой тяжести опровержения; будучи сплетено, сопоставлено с другими, это доказательство приобретает совершенно новое качественное значение.

Искусство отыскания доказательств немислимо без искусства находить связь между отдельными событиями и фактами, умения увязывать их.

Вот почему разрабатывая методику расследования отдельных видов преступлений, нужно прежде всего показать те способы, те приемы, те факты, освоение которых воспитывало бы в следователе способность обнаруживать на первый взгляд незаметную связь между фактами.

Познать истину — раскрыть преступление, обнаружить преступника, нельзя, не овладев способностью «рассуждать диалектически».

Вот почему неверно задачи криминалистики и, в частности, методики расследования отдельных категорий дел сводить к отысканию следов, отысканию отдельных улик, доказательств. Эта задача значительно шире, она дополняется необходимостью овладения методом рассматривания этих фактов в движении, в сопоставлении, во взаимозависимости с другими фактами.

При этом было бы грубейшей ошибкой отыскивать какие-то особые «криминалистические» законы познания фактов, их изучения и анализа; таких законов нет и быть не может.

В данном случае вопрос идет не об отыскании каких-то особых законов познания, а о применении диалектической логики в конкретной области — следствии.

Следственный процесс — это процесс познания, а познать можно только рассуждая диалектически.

Учить следователя рассуждать диалектически, показывать на конкретном материале, как это делать, — одна из важнейших задач частной методики расследования преступлений.

Подобно тому, как мы учим следователя использовать данные математических, естественных, технических и других наук при расследовании преступлений, подобно этому мы должны учить его пользоваться марксистской методологией, пользоваться диалектическим методом познания истины.

К сожалению, при разработке проблем частной методики расследования преступлений у нас чрезвычайно мало уделяют внимания вопросам показа того, каким образом следователь при расследовании преступлений может поль-

зоваться марксистской методологией, в какой степени овладение ею облегчает следователю установление истины.

Очень часто задача частной методики расследования преступлений определяется как задача отыскать формы и методы расследования, которые позволили бы в кратчайший срок с наименьшей затратой сил добиться раскрытия истины.

Такое определение вообще является несомненно правильным, но на практике его часто сводят к тому, что проблемы частной методики расследования преступлений ограничиваются только задачей рационализации расследования. Это неверно.

Нужно сказать, что узость, ограниченность вопросов, которые ставились в процессе разработки методики расследования отдельных видов преступлений, в значительной степени обуславливались неверным подходом к проблеме доказательств, к оценке доказательств, который существовал у ряда наших процессуалистов.

Теория «объективизации» доказательств, требование найти какие-то доказательства или какое-то определенное сочетание их делало как бы бесполезным труд криминалистов, работающих над проблемами частной методики, так как они оказывались неспособными найти такого рода «объективные» доказательства.

Развитие такого рода взглядов на доказательства культивировало формализм при разработке проблем частной методики, задерживало стремление дать марксистскую методологию поиска доказательств.

Разработанная А. Я. Вышинским марксистская методология оценки доказательств¹ позволяет совершенно иначе поставить вопрос и о методах извлечения и оценки доказательств при расследовании отдельных видов преступлений, т. е. иначе поставить вопрос о самом подходе к разработке проблем частной методики расследования преступлений.

Сейчас этот вопрос стоит не узко, не казенно, как это имело место раньше, а совершенно иначе. Сейчас, при разработке проблем частной методики расследования преступлений, нужно решить вопрос о том, как пользоваться марксистской методологией для того, чтобы с наибольшим успехом извлекать, анализировать, оценивать доказательства каждого отдельного вида преступлений.

Следственный процесс, как мы уже сказали выше, процесс диалектический. Когда мы приступаем к расследованию того или иного преступления, мы всегда знаем, что существует какая-то объективная истина, которую мы должны найти, которую мы должны установить.

Однако нужно иметь в виду, что акт расследования производится в таких условиях, при которых бесконечное повторение опытов невозможно. В этих условиях приходится ограничиваться установлением наиболее важных, наиболее существенных обстоятельств, приближающих нас к отысканию объективной истины.

¹ См. работу А. Я. Вышинского, «Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе», Соц. зак. № 7, 1937 г.

В результате расследования мы стремимся к максимальной вероятностью установить истину, но эта истина не абсолютна. Однако чем больше мы анализируем, чем тщательнее и глубже наш опыт, тем мы ближе к истине.

Задачи частной методики расследования преступления сводятся вовсе не только к тому, чтобы найти какие-то рационализаторские приемы расследования преступлений, а к разработке наиболее научных, наиболее апробированных методов исследования, которые максимально приближали бы к отысканию истины. «Самая простая истина, самым простым индуктивным путем полученная, всегда неполна, ибо опыт всегда незакончен»¹.

Это указание Ленина нужно помнить каждому следователю, ибо каждый из них должен знать, что пока опыт исследования не закончен, нельзя быть уверенным в получении правильных выводов. В результате освоения принципов частной методики расследования преступлений мы должны стремиться научить следователя вести расследование таким образом, чтобы добиться окончания и полного использования всех возможных методов исследования, необходимых для раскрытия истины при расследовании каждого конкретного дела.

«Человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин»².

Чем глубже исследование, чем больше относительных истин, тем мы ближе к абсолютной истине.

В погоне за «рационализацией» следствия нередко забывается это основное положение, а в результате этого преступление остается нераскрытым. Когда следователь, имея в своем распоряжении факты, не умеет воспользоваться ими, не умеет довести опыт до конца и делает преждевременные выводы — эти выводы зачастую ошибочны. Это можно продемонстрировать на целом ряде фактов. Даже в тех случаях, когда истина кажется полностью установленной, но есть еще возможность провести ряд опытов для подтверждения правильности сделанных выводов, эти опыты должны быть проведены.

На станцию Ртищево прибыл товарный поезд. На одной из площадок вагона поезда привязанным к ручным тормозам был обнаружен труп человека. Осмотр трупа, произведенный следователем вместе с судебно-медицинским экспертом, привел их к заключению, что труп находится в таком состоянии уже несколько часов. Это дало основание полагать, что человек был убит и привязан к тормозу вагона в пути.

Осмотр документов, находившихся в карманах убитого, позволил установить, что убитый является техником коммунального отдела г. Ртищева — Е.

Из опроса лиц, знавших Е., удалось установить, что в день убийства, за несколько часов перед убийством, Е. отправился к себе на работу и оттуда больше не возвращался.

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, Конспект книги Гегеля «Наука логики», стр. 174, Партиздат, 1933 г.

² В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, стр. 98, Партиздат, 1936 г.

Опросом кондукторской бригады, сопровождавшей поезд, на котором был обнаружен труп Е., было установлено, что на перегоне между Ртищево и Аркадаком двое из кондукторов видели, как на подъеме, где поезд шел особенно медленно, из вагона, на котором нашли труп Е., спрыгнули два человека. По заявлению кондукторов они не обратили на этот факт внимания, так как очень часто рабочие, работающие на строительстве, расположенном на территории, прилегающей к железной дороге, проезжают без билетов на товарных поездах и соскакивают на пути на участках, где поезда идут наиболее тихо. Следовательно удалось установить личность соскочивших с поезда людей. При осмотре у одного из них на рукаве была обнаружена кровь.

По заявлению этого лица кровяные пятна на тужурке, в которую он был одет, являлись результатом того, что у него два дня тому назад шла из носа кровь. Следователь арестовал обоих заподозренных и установил, что они, работая на строительстве, должны были там работать в дневной смене, вместо этого отправились на вечернюю смену, в которой они не работали. Следователь пришел к заключению, что именно эти лица являются убийцами Е.

У Е. исчезла сберегательная книжка и часы. Следователь предполагал, что убийство произведено в целях ограбления.

После месяца содержания под стражей один из обвиняемых Н. сознался в том, что он убил Е. В своих показаниях он заявил, что нанес Е. удар ножом (Е. был действительно убит ножом), что сделано это было в целях грабежа.

Одновременно с этим он всячески старался выгородить арестованного вместе с ним К., заявляя, что последний был только свидетелем убийства и никакого участия в нем не принимал.

Следователь счел свою мысль законченной и уже приступил к составлению обвинительного заключения. И вот, когда следователь составлял обвинительное заключение, в это время в его камеру явилась женщина, которая заявила, что она является матерью убитого Е. и просит выдать ей принадлежащие ему вещи.

Узнав, что мать Е. проживала в г. Тамбове, следователь заинтересовался, каким образом ей стало известно, что сын ее убит. Мать убитого предъявила следователю письмо от сослуживца Е. — М., в котором он ставил ее в известность, что сын ее убит, и просил явиться за вещами.

Ознакомившись с этим письмом и обратив внимание на дату этого письма и дату штампа на конверте, следователь обнаружил, что письмо направлено за два дня до совершения убийства. Проверив, не было ли ошибки на почтамте со штампом, и установив, что этого не было, следователь приступил к проверке того обстоятельства, почему М. еще до убийства Е. сообщил о том, что он убит.

Следователь занялся проверкой личности М. Доподлинным следствием было установлено, что убийцей Е. является М., который совершил это убийство из мести и совершил его в момент, когда он вместе с Е. ехал со станции Аркадак, куда он зывал Е. М. направил письмо матери Е. за два дня до убийства, так как намеревался совершить это преступление

в день отправления письма и не сделал этого только потому, что Е. обещал поехать в этот день в Аркадак, затем неожиданно от этого отказался.

Было также установлено, что сознавшийся в убийстве Н. сделал это по договоренности с К., так как после ознакомления с материалами дела они решили, что один из них должен принять на себя вину и тем самым добиться снижения наказания в отношении другого.

В чем заключалась ошибка следователя? Эта ошибка заключалась в том, что он не довел исследования до конца, что он, не закончив опыта, решил, что истина установлена. Если бы следователь подошел к делу иначе, проделал бы опыт, проанализировал бы, правильно ли и обоснованно признание Н., он мог бы установить действительные обстоятельства убийства.

(Так например, он установил бы, что Н. не знает, чем был привязан к тормозу Е., так как Е. был привязан ремнем, принадлежащим М., о существовании которого Н., естественно, не знал, так как трупа убитого он не видел. Наконец, Н. не смог бы описать личности убитого.)

Если бы следователь более тщательно проверил ряд обстоятельств исчезновения Е., его взаимоотношения с М., он с самого начала наткнулся бы на действительные следы преступления.

Показать следователю, каким образом до конца доводить опыт, каким образом проверять кажущиеся на первый взгляд бесспорными факты, является обязательным требованием при разработке проблем частной методики расследования преступлений.

Нередко следственному работнику кажется, что он установил истину, что он это сделал наиболее простым путем, и он прекращает расследование. Это неверно, ибо это не обеспечивает раскрытия действительной истины. Кажущаяся истина не есть еще подлинная истина.

Степень приближения к объективной, абсолютной истине определяется правильностью методов исследования и глубиной исследования.

Поэтому необходимо всегда учить следователя, каким образом он должен исчерпать все возможные способы исследования, все возможные способы анализа, сопоставления и получения отдельных доказательств для того, чтобы закончить исследование.

Задачи частной методики расследования преступлений ни в коем случае не могут быть сведены только к рационализации отыскания истины, как об этом думают многие. Они сводятся к другому — к нахождению наиболее научных, наиболее совершенных способов изучения, отыскания, сопоставления и анализа фактов, позволяющих с наибольшей вероятностью установить истину.

Естественно, что отыскание таких подлинно научных приемов расследования, применение марксистской методологии при расследовании немедленно сказывается и на сроках и быстроте расследования и сокращает трату сил следователя.

Рационализация процесса расследования не является самоцелью, она вытекает из правильной организации расследования; вместе с тем, устраняя ненужные действия, мы правильно определяем целеустремленность расследования. Благодаря тому, что следователь все время идет по правильному пути, идет по прямой линии, являющейся кратчайшим расстоянием между двумя точками, из которых одна является отправным пунктом исследования, другая — отыскиваемой следователем истиной, он быстрее отыскивает ее.

Следующий вопрос, непосредственно связанный уже с разработанным нами выше положением, является вопрос о версиях расследования.

При разработке отдельных проблем частной методики расследования преступлений всегда нужно показывать, каким образом отыскивать наиболее вероятные, наиболее серьезные, подлежащие исследованию версии и вместе с тем не пропустить ни одной версии, исследование которой может привести к раскрытию преступления. Естественно, что каждая из выдвигаемых следователем версий должна вытекать из конкретных обстоятельств дела, должна быть обоснована фактическими данными дела.

Целый ряд криминалистов стоит на той точке зрения, что всегда можно заранее определить наиболее вероятные версии, на которых только и нужно останавливаться, что в тех случаях, когда требуется исследовать несколько версий, это нужно делать постепенно, переходя от одной версии к другой.

Это положение является неверным, ибо по мере того, как следователь исследует одну из версий, от него зачастую ускользают доказательства, которые он должен получить при расследовании другой версии. Упустив одну из версий или приступив к ней с запозданием, следователь зачастую лишается возможности установить истину.

Вероятность установления истины тем выше, чем правильнее определены возможности версии исследования, чем глубже каждая из них исследуется и чем своевременнее это исследование производится.

Поэтому задача частной методики расследования преступлений, с одной стороны, заключается в том, чтобы научить следователя, каким образом определять всю совокупность возможных версий, с другой стороны, научить его, каким образом нужно вести исследование так, чтобы ни одна из действительно обоснованных версий не была упущена и вместе с тем обеспечивалась бы такая последовательность исследования этих версий, при которой экономилась бы затрата сил следователя и гарантировалось первоначальное исследование наиболее вероятных, наиболее опасных и исключение необоснованных версий.

Очень крупная серьезная политическая ошибка, которая до сих пор допускалась при разработке проблем частной методики расследования преступлений, заключалась в том, что весь вопрос методики расследования преступлений сводился к проблеме установления факта преступления и лица, его совершившего; считалось, что после того, как установлен объективный состав преступления (убийство, кража и проч.), и установлено, кто совершил

Это преступление, дело криминалистики исчерпано, что дальше этого криминалистика идти не может.

Считалось, что установление субъективной стороны преступления, т. е. установление целей и мотивов, с которыми совершено это преступление, является вопросом, находящимся вне компетенции частной методики, и что отыскать приемы и способы раскрытия субъективной стороны преступления криминалистика не может.

Это совершенно неверное положение на практике приводило к выхолащиванию политического содержания из криминалистики. Установление возможных целей и мотивов преступления является одной из серьезнейших и важнейших задач частной методики расследования преступлений.

Разрабатывая ту или иную проблему частной методики расследования преступлений, всегда необходимо показать те мотивы, побуждения, которыми может руководствоваться преступник, совершая то или иное преступление.

Кража может совершаться в самых различных целях, и, обучая следователя, развивая в нем следственный поиск, нельзя ограничиваться только установлением факта кражи, нужно научить следователя установить цели и мотивы этой кражи.

Если у кого-нибудь из кармана похитили бумажник с документами, то установление этого факта и установление лица, которое произвело хищение, еще не свидетельствует о том, что следствие закончено. Это хищение может быть произведено вовсе не только в корыстных целях — оно может быть организовано шпионом для того, чтобы овладеть документами ему сведениями или нужными ему документами. В данном случае похититель может быть не обычным вором-карманником, а шпионом-диверсантом.

У следователя всегда нужно развивать стремление исследовать субъективную сторону преступления, стремление установить, не скрывается ли за кажущимся «обычным» преступлением какое-либо политическое преступление. Если произошел поджог, то обязательно нужно исследовать, каковы субъективные моменты этого преступления. Если нарушены правила техники безопасности, нужно обязательно исследовать, не нарушены ли они умышленно в контрреволюционных целях и т. д.

Развитие следственного поиска в направлении раскрытия наиболее серьезного с государственной точки зрения преступления является обязательным при разработке частной методики расследования преступлений.

Не только в отдельных работах по частной методике расследования преступлений, но даже в нашей учебной литературе по этим вопросам мы до сих пор не встречались со стремлением развить следственный поиск в этом направлении.

Между тем существуют совершенно конкретные приемы расследования, которые можно и нужно применять для того, чтобы установить цели и мотивы преступления.

При расследовании каждой отдельной кате-

гории дел встречаются те или иные процессуальные особенности, которые имеют большое значение для качества расследования. При разработке вопросов частной методики расследования преступлений всегда необходимо определять те процессуальные особенности, с которыми нужно считаться, которые нужно учитывать при расследовании данной категории дел.

Так например, оформление осмотра места происшествия, аварии, ж.-д. крушения имеет целый ряд специфических процессуальных особенностей, без учета которых нельзя обеспечить надлежащее проведение осмотра. Поэтому следователь должен знать эти специфические особенности.

Процессуальная проверка документов при растрате подотчетных сумм имеет ряд особенностей, которые нужно знать следователю, и т. д.

Вот те основные положения, из которых нужно исходить при разработке проблем частной методики расследования преступлений.

Если при определении понятия криминалистики как науки идет спор, должна ли быть включена в нее уголовная тактика или тактика — это часть уголовного процесса, то совершенно бесспорным и общепризнанным является то положение, что частная методика, т. е. методика расследования отдельных видов преступлений, включает в себя как тактику, так и технику — является особенной частью и тактики, и техники, отражая конкретное применение ее к расследованию отдельных видов преступлений.

Таким образом, в процессе разработки методики расследования отдельной категории дел необходимо:

1. Установить все известные методы совершения преступления, определить возможные методы совершения преступления и показать способы их раскрытия.

2. Определить с наибольшей точностью те участки, объекты, на которых должны оставаться следы преступлений, узнать способы отыскания этих следов.

3. По возможности точно определить круг тех лиц, среди которых в первую очередь нужно искать преступника и свидетелей.

4. Дать необходимые научные, специальные знания, нужные при расследовании данной категории дел, указать способы их применения.

5. Определить специфические — тактические и технические приемы расследования, которые необходимо применять при расследовании дел данной категории.

6. Указать способы анализа, сопоставления и изучения фактов и событий, пользуясь которыми можно было бы ближе всего подойти к раскрытию истины.

7. Определить политическую направленность следственного поиска с таким расчетом, чтобы это всегда обеспечивало раскрытие наиболее опасных, наиболее серьезных для государства преступлений, обеспечивало бы раскрытие целей и мотивов преступлений.

8. Определить процессуальные особенности, которые нужно учитывать при расследовании данной категории дел.

Химические исследования в криминалистике

Область применения химических методов исследования вещественных доказательств все более и более расширяется. Первоначально судебная химия сводилась почти исключительно к исследованиям на присутствие ядовитых и сильнодействующих веществ в частях трупов, в выделениях человеческого тела, в остатках кушаний, напитков и т. п. В дальнейшем, по мере усовершенствования химических методов и внедрения научно-технических приемов в криминалистику, значение судебно-химической экспертизы сильно возросло.

Судебно-химическое исследование может производиться в следующих случаях:

1) для установления присутствия ядовитых и сильнодействующих веществ в случаях предполагаемых отравлений;

2) для определения качества различных продуктов и материалов при подозрении в их фальсификации, по делам о выпуске недоброкачественной продукции, при нарушениях санитарного законодательства и др.;

3) при экспертизе документов — для идентификации чернил, карандашей, бумаги, клея, сургуча, штемпельных красок, для определения сравнительной давности чернильных записей, для обнаружения следов подчистки текста, для выявления плохо видимого и замазанного письма, для прочтения текстов, исполненных так называемыми симпатическими или тайными чернилами, для восстановления текста обуглившихся документов;

4) при расследовании пожаров для обнаружения следов легковоспламеняющихся веществ, для идентификации горючих веществ и зажигательных приспособлений, для исследования явлений самовозгорания;

5) при экспертизе огнестрельного оружия — для идентификации огнестрельных патронов по их химическому составу, для определения расстояния выстрела и для установления, было ли данное оружие в употреблении;

6) для анализа пыли и грязи на одежде, обуви и т. п., для установления происхождения пятен, для идентификации различных материалов и веществ, могущих служить вещественными доказательствами.

Этот перечень не является исчерпывающим. Потребности следственной практики постоянно выдвигают все новые и новые объекты химического исследования.

Судебно-химическое исследование ядов и качества пищевых продуктов, напитков и лекарственных веществ составляет задачу специальных органов судебно-химической экспертизы, находящихся в системе Народного комиссариата здравоохранения. Исследование пятен, подозрительных на кровь, и выделений человеческого тела производится в судебно-медицинских лабораториях. Остальные из указанных выше видов исследования вещественных доказательств выполняются преимущественно в учреждениях, занимающихся научно-технической экспертизой, в частности — в институтах судебной экспертизы и криминалистических лабораториях.

Необходимо отметить, что нередко один и тот же вопрос может быть разрешен различными методами, например, химическим исследованием и оптическими методами; иногда эти методы дополняют друг друга, иногда один из них является основным, а другой — вспомогательным. Возьмем такой случай: необходимо прочесть карандашный текст, замазанный чернилами. Эта задача может быть разрешена различным образом: посредством цветоделительной фотографии, путем химического обесцвечивания наслоев или при помощи совместного применения обоих этих способов. Выбор наилучшего метода исследования лежит в каждом конкретном случае на обязанности научно-технического учреждения, производящего это исследование.

Сделаем еще одно общее замечание. Нередко вещественные доказательства направляются на химическое исследование без всяких указаний на обстоятельства дела. Такого рода умолчание, если только оно не вызывается какими-либо специальными соображениями, неправильно. Зная обстоятельства дела, гораздо легче выбрать наиболее целесообразные способы исследования.

Нередко химическое исследование присланных вещественных доказательств затрудняется их неправильной упаковкой. При химическом исследовании постоянно приходится иметь дело с минимальными количествами отдельных веществ. Отсыкание их требует применения микрохимического анализа. Загрязнение вещественных доказательств посторонними веществами, улетучивание и химические изменения содержащихся в них веществ иногда служат причиной неуспеха исследования. Наиболее частые ошибки при пересылке вещественных доказательств заключаются в упаковке их в грязную посуду, в грязные коробки, в пыльные ткани, в закрывании посуды грязными пробками, в плохой укупорке бутылок с жидкостями и непрочной заделке пакетиков с порошкообразными веществами, в применении грязной оберточной бумаги, в недостаточной защите стеклянных предметов от механических повреждений в пути и т. д. Необходимо уделить особое внимание правильной упаковке вещественных доказательств, направляемых для химического исследования, советуясь в случае надобности на месте с компетентными специалистами.

Перейдем теперь к описанию отдельных объектов химического исследования.

Чернила

Исследование чернил производится для определения:

1) исполнены ли несколько записей в одном документе или несколько разных документов чернилами одного и того же вида,

2) исполнен ли текст документа чернилами такого же вида, как данные.

Чаще всего ставится первый вопрос. Разрешение его является необходимым для установления:

а) исполнены ли текст и подпись чернилами одного вида,

б) исполнены ли разные части текста одинаковыми чернилами,

в) сделаны ли те или иные приписки, вставки, исправления такими же чернилами, как и основной текст,

г) написаны ли разные документы чернилами одного происхождения.

Потребность в таком исследовании возникает при подозрении, что некоторые части текста являются поддельными либо добавлены, хотя и той же рукой, что и сравниваемый текст, но приписаны позднее, и, наконец, когда однородность и разнородность чернил на нескольких документах должны служить косвенным указанием на обстоятельства их происхождения. Во всех этих случаях исследование состава чернил является по большей части вспомогательным приемом, так как поддельность отдельных записей, приписок и исправлений устанавливается нередко по графическим признакам, а сравнительная давность чернильных штрихов определяется другими способами, о которых будет сказано ниже. Тем не менее, исследование чернил может оказаться здесь необходимым и как самостоятельный метод, например, при недостаточности материала для графической экспертизы, при небольшой разнице в датах выполнения сравниваемых текстов и др.

Второй из вопросов, перечисленных в начале настоящего раздела, ставится, если в распоряжении следственных органов имеется образец чернил, которыми, предположительно, мог быть выполнен исследуемый документ. При массовом распространении однородных фабричных чернил это исследование может дать успешные результаты, если у подозреваемого имелась чернила, отличающиеся от принятых в данной местности, или если в них будут обнаружены какие-либо специфические случайные примеси и загрязнения.

При исследовании чернил принимается во внимание их цвет и состав. По цвету различаются черные, фиолетовые, красные, зеленые, синие чернила. Различия в насыщенности (интенсивности) цвета не всегда могут быть использованы, так как здесь многое зависит от бумаги, давности штрихов, условий хранения и др. Фабрики изготовляют чернила по разным рецептам. Употребляя реактивы, различно влияющие на отдельные составные части чернил, становится возможным распознавать чернила и дифференцировать их.

Необходимо иметь в виду, что, как бы острожно ни производилось микрохимическое исследование чернил, так или иначе несколько повреждается документ. Поэтому, прежде чем приступить к этой работе, надлежит выполнить все остальные виды исследования и сфотографировать документ.

Химическое исследование чернил производится следующим образом. Чтобы возможно более сохранить документ, выбирается ограниченное количество реакций и изучается минимальное количество штрихов. Для сравнения берутся штрихи, примерно, одинаковой ширины и толщины. Реактивы наносятся на штрихи при помощи пипеток и стеклянных палочек. Ход реакции наблюдается через увеличительное стекло. Если реакция происходит быстро,

пользуются сравнительным микроскопом и приспособлением, позволяющим одновременно опускать капли реактива на оба текста. При ограниченности материала для исследования эксперт соскабливает частицы чернил иглой или скальпелем и ведет реакцию под микроскопом. При наблюдении реакции руководствуются изменениями в цвете исследуемого материала под влиянием реактивов. Имеет значение не только появление известной окраски, но и время наступления реакции.

Разница в цвете чернил может определяться при помощи сравнительного микроскопа и набора цветных стекол. Это различие может быть также установлено фотографическим путем, с применением светофильтров и осмотром в ультрафиолетовых лучах.

Определение сравнительной давности текстов, написанных чернилами

При исследовании документов нередко возникает вопрос, какая из двух записей чернилами сделана раньше и насколько. Такой вопрос имеет значение при наличии в тексте вставок, относительно которых подозревается, что они выполнены позднее остального, при подозрении в мошенническом использовании бланковых подписей, при подозрении в удалении первоначального текста и подведении под оставшуюся подлинную подпись нового текста.

Определение возраста чернильных штрихов производится одним из следующих химических способов:

1) по степени окисления материала штрихов, 2) по картине распространения по бумаге хлористых и сернокислых солей, входящих в состав материала чернильных штрихов.

Первый способ применяется при исследовании давности штрихов, исполненных железогалловыми чернилами, и дает известные результаты в случаях, когда разница в возрасте сравнительных штрихов очень велика.

При направлении документа для исследования давности чернильных штрихов необходимо указывать условия хранения документов с момента их составления (отапливаемые, неотапливаемые, сухие, сырые помещения, хранение на открытом свету, в темном месте, в столе, шкафу и др.).

Штемпельная краска

Исследование штемпельных красок производится:

1) для установления, сделаны ли сравниваемые оттиски однородной краской,

2) для определения, сделан ли оттиск данной краской,

3) для идентификации вида краски при подозрении в подделке оттиска.

Штемпельные краски отличаются между собой по цвету и составу. Краски вырабатываются черного, синего и фиолетового цвета. По составу обращает на себя внимание применение того или иного красящего вещества и содержание жира-масел. Иногда, при отсутствии штемпельной краски, пользуются для получения оттиска чернилами. Это обстоятельство может быть установлено анализом материала оттиска.

Различия в оттисках, сделанных при помощи разных штемпельных красок, могут быть также установлены фотографированием и изучением оттисков в ультрафиолетовых лучах.

Карандаши

Исследование материала карандашных штрихов производится:

- 1) для определения, каким видом карандаша исполнен текст; например, графитным или графитно-копировальным,
- 2) для установления, выполнены ли сравниваемые тексты одинаковым карандашом,
- 3) для установления, выполнен ли текст таким же карандашом, как данный.

Различаются карандаши графитные, графитно-копировальные, цветные, меловые и карандаши специального назначения. Карандаши изготавливаются разных твердостей. Графитные карандаши дают при письме штрихи от серого до густого черного цвета. Графитно-копировальные карандаши дают при увлажнении бумаги или острия самого карандаша фиолетовую или синюю окраску. Химические цветные карандаши изготавливаются красного, синего, фиолетового, зеленого, малинового, желтого цветов и двухцветные — красно-синие.

Цветные меловые карандаши выпускаются двадцати четырех цветов. Из карандашей специального назначения выделим карандаши для ретуши, для письма по стеклу и плотничные карандаши.

Исследование состава карандашного штриха производится химическим и микрохимическим путем.

В зависимости от состава карандаша получается при нанесении определенных реактивов то или иное характерное окрашивание штриха, которое и служит для дифференциации употребленных карандашей.

Ответ на первый из приведенных вопросов может быть дан при помощи оптических методов, а в простейших случаях — даже по осмотру невооруженным глазом.

Ответ на второй вопрос нетруден, когда можно установить различия в цвете штрихов. Интенсивность окраски не может быть использована, так как она зависит от фона, нажима и других условий.

При одинаковой окраске штрихов исследование ввиду сходности состава карандашей и недостатка материала нередко оказывается практически неосуществимым.

Применяемые реакции рассчитаны на обнаружение присутствия в карандашном штрихе ничтожных количеств определенных веществ. Так как эти вещества могут находиться в виде следов и в бумаге, на которой расположены исследуемые штрихи, производятся контрольные пробы с чистыми, неисписанными местами той же бумаги.

Бумага

Потребность в экспертизе бумаги возникает в следственной практике:

- 1) для распознавания подделок ценных бумаг,
- 2) для определения, выполнены ли сравниваемые документы на одинаковой бумаге.
- 3) для установления, выполнен ли документ на такой же бумаге, как данная,

4) для проверки даты документа.

Экспертиза ценных бумаг производится у нас специальными учреждениями.

Второй и третий из упомянутых вопросов ставятся для установления происхождения документов и опознания автора документа.

При первоначальном осмотре учитываются цвет, поверхностный рисунок и водяные знаки, если таковые имеются.

Для более глубокого исследования принимается во внимание еще ряд признаков: состав массы, вес, толщина, проклейка, гладкость, лоск, прозрачность и т. п. Структура определяется рассматриванием в микроскоп. Состав массы и степень проклейки определяются химическим путем, толщина, лоск и прозрачность — специальными приборами. Гладкость бумаги и равномерность структуры оцениваются невооруженным глазом.

Четвертый вопрос возникает, когда сорт бумаги не соответствует дате документа, подлинность которого в целом или дата подвергаются сомнению. Для ответа на этот вопрос нужно выяснить время выпуска в обращение того или иного сорта бумаги.

Клей

Исследование клея может потребоваться:

- 1) для установления, не был ли конверт, в котором недостает каких-либо вложений, вскрыт и снова заделан клеем другого сорта,
- 2) для сравнения следов клея с данным клеем.

Клей различается по своему составу на гуммиарабик, крахмальный клей, декстриновый клей, силикатный клей и т. п.

Исследование клея производится химическим путем, а также наблюдением флуоресценции и в ультрафиолетовых лучах.

Сургуч

Исследование сургуча может потребоваться:

- 1) для установления целости наложенных печатей,
 - 2) для сравнения сургуча между собой.
- Экспертиза производится химическим и физическим путем. При химическом анализе исследуются красящие вещества и сам сургуч.

Выявление плохо видимого и замазанного письма

Такого рода задача может встать перед следственными органами:

- 1) при обнаружении следов стертого текста или вдавленных следов карандашного письма на подкладке,
- 2) при выявлении текста, замазанного какими-либо красящими веществами.

В последнем случае текст иногда бывает замазан теми же красителями или чернилами, которыми написан сам текст, либо замазан веществом иного рода.

Выявление следов, указанных в п. 1, может производиться окуриванием парами йода или смачиванием специальными жидкостями. Нередко, однако, наилучшим способом является фотографирование.

Сущность химических способов выявления текста состоит в том, что под влиянием реактивов следы текста окрашиваются иначе (обыч-

но — темнее), чем бумажный фон. Окуривание иодом не повреждает документа, так как иод быстро улетучивается. Что касается упомянутых выше жидкостей, после них иногда приходится обрабатывать затронутые места документа дополнительными реактивами, имеющими целью вернуть бумаге первоначальный вид.

При выявлении следов, указанных в п. 2, чаще всего применяется цветодетельная фотография. Иногда бывает целесообразно предварительно обесцветить наслоение, которым замазан текст. Это делается при помощи химических реактивов. Такого рода операции должны предприниматься с максимальной осторожностью и могут быть доверены только опытному эксперту.

В качестве реактивов, обесцвечивающих наслоения, которыми замазан текст, нельзя брать веществ, разлагающих красящее вещество, которым выполнен самый текст.

Выявление следов подчистки

Это исследование может производиться несколькими методами: пробой бензином, испытанием парами иода, фотографированием на просвет и при боковом освещении, измерением толщины бумаги и микроскопическим путем.

Испытание бензином основано на том, что, если бумага не подверглась подчистке, нанесенная на ее поверхность капля бензина расплывается в форме круглого пятна, если же волокна бумаги повреждены и проклейка нарушена, бензин распространяется неравномерно.

Испытание парами иода основано на том, что выскобленные участки документа окрашиваются при окуривании иодом сильнее, чем остальные места бумаги.

При обоих методах учитывается, что следы нарушения целостности поверхности бумаги могут обнаружиться не только в местах, где документ подвергался выскабливанию, но и в области складок и перегибов листа, надрывов, на краях листа и т. п.

Химическое вытравливание текста может быть открыто химическим же путем, посредством обнаружения следов веществ, применявшихся для уничтожения первоначального текста, а также посредством установления изменений, происшедших с бумагой (нарушение проклейки, изменение цвета, флуоресценция и т. д.).

Наконец, несомненным доказательством подчистки и исправления служат остатки штрихов ранее имевшегося текста, что открывается иногда при помощи тщательного осмотра невооруженным глазом и фотографирования.

Выявление написанного тайными чернилами

Скрытое письмо может быть прочтено оптически (боковое освещение, чтение в ультрафиолетовом свете), механическими (опыливание порошком) и химическими способами. В зависимости от предполагаемого состава тайных чернил выбираются определенные реактивы. Иногда тайное письмо становится видным при нагревании. Для выявления тайного письма часто применяется окуривание иодом. Последние два способа являются наиболее универсальными.

Химическая экспертиза при расследовании пожаров

Существует ошибочное мнение, якобы огонь уничтожает в процессе пожара все следы поджога. Между тем ряд признаков, сопровождающих возникновение и развитие пожара, остатки зажигательных средств, следы каната, налеты некоторых веществ и др. часто дают возможность раскрыть дело.

Химическая экспертиза может применяться при расследовании пожаров в следующих случаях:

1) для обнаружения следов горючих веществ и остатков зажигательных приспособлений, послуживших для поджога, и сравнения их с теми же веществами и предметами, найденными у подозреваемого,

2) для разъяснения обстоятельств возникновения пожара,

3) для выяснения вопроса, что именно представляет собой сгоревший предмет, от которого сохранились только обугленные остатки или пепел.

В отношении установления обстоятельств возникновения пожара химическое исследование может быть направлено на анализ содержимого очага пожара, на изучение материала копоти и налегов на стенах, потолке и т. п., на установление возможности самовозгорания и т. д. Кроме того помощь химии может понадобиться для истолкования наблюдавшихся при пожаре специфических явлений, могущих даже указать на причины пожара, как-то: своеобразного цвета пламени, особенностей дыма, характерных запахов и др.

При расследовании пожаров всегда необходимо разыскать очаг или очаги пожара, т. е. те места, где начался пожар. Эти места должны быть осмотрены особенно тщательно. При поджогах здесь можно рассчитывать найти следы горючих веществ и зажигательных приспособлений, как-то: впитавшиеся остатки жидкостей, полуобгоревшие тряпки, остатки фитилей и др. При расследовании пожаров нужно немедленно принять меры к сохранению и обеспечению таких вещественных доказательств. Известное значение может иметь анализ шлаков, а иногда также и пепла из очага пожара.

В некоторых случаях подозреваемые или свидетели указывают на самовозгорание как на причину пожара. При расследовании случаев, где предполагается самовозгорание, может возникнуть необходимость в передаче на исследование остатков пепла и обугленных частей самовозгоревших веществ; при этом исследованию должны одновременно подвергаться образцы того же вещества, не тронутые огнем. Образцы должны быть взяты как из хранилища, где произошел пожар, так и из других мест, где сложены аналогичные продукты того же происхождения. К заявлениям о самовозгорании как о причине пожара надлежит относиться с большой осторожностью, поскольку за этим может скрываться поджог или неосторожное обращение с огнем.

Поиски остатков легко воспламеняющихся веществ должны производиться не только в очаге пожара, но и в других местах пожара. К этим веществам относятся керосин, бензин, спирт и др. Исследованию могут подвергаться

пропитанные такими веществами предметы, как-то: куски дерева, остатки материи, хотя бы и в обугленном виде, осколки стекла, кирпичи, подсыпка под полом, небольшие участки земляного пола и т. п. При обнаружении подозрительных остатков предметов необходимо постараться на месте же установить, от какого целого они происходят и где находился соответствующий предмет до момента возникновения пожара. Это имеет значение в дальнейшем, например для проверки, не могло ли легко воспламеняющееся вещество случайно попасть на предмет. При нахождении подозрительных пятен на таких предметах, которые не могут быть изъяты и направлены в лабораторию для исследования, пятна соскабливаются, и соскоб помещается, во избежание удутчивания содержащихся в нем, возможно, веществ, в герметически закупоренные стеклянные пузырьки. Остатки горючих веществ надо искать по наклону поверхности предмета или пола и в щелях.

Из остатков зажигательных средств наиболее практическое значение имеют остатки спичек и свечей.

Спички идентифицируются по цвету, породе дерева, составу пропитки, цвету и составу зажигательной массы, остатки свечей — по их цвету, составу и фитилю.

Некоторые виды копоти и налетов на стенах и сохранившихся предметах могут дать указания на происхождение пожара. Если слегка соскоблить в местах скопления копоти штукатурку или меловой слой на стенах и исследовать порошок, в нем иногда можно найти следы определенных химических элементов, входивших в состав горючей жидкости, или воспламеняющихся веществ. Имеет значение также и цвет копоти и налетов (например, при подозрении в употреблении фосфора).

Химические методы исследования при экспертизе оружия

Предмет химического исследования в этой области криминалистики составляют:

- 1) химический состав боеприпасов — пуль, дроби, картечи, пороха,
- 2) давность выстрела из оружия,
- 3) расстояние выстрела.

Поскольку эти вопросы уже освещались в нашем журнале, мы не останавливаемся на них здесь вторично.

Исследование пыли и грязи

Исследование пыли и грязи может оказаться необходимым в следующих случаях:

- 1) для опознания неизвестных трупов путем установления профессии потерпевшего, последнего его местопребывания и др.,
- 2) для уличения подозреваемых в посещении определенных мест,
- 3) для поисков следов крови в грязи из-под ногтей и др., остатков пороха, частиц украденных предметов (грязь из карманов, пыль на одежде) и других веществ, могущих иметь значение по делу.

Пыль и грязь могут находиться на поверхности и в складках одежды, в карманах, на обуви, в часах, на теле и под ногтями у подозреваемых и потерпевших; в соответствующих случаях представляют интерес пыль и

грязь на повозках, автомобилях и на ногах животных. Особое значение имеет состояние предметов, относительно которых предполагается, что они могли служить орудием данного преступления.

Пыль образуется из множества мельчайших частиц неорганических и органических веществ. В грязи и пыли можно обнаружить вещества минерального происхождения, растительные и животные остатки, волокна материй, волосы, кровь и т. п. Тот или иной состав пыли и грязи может иметь существенное значение для расследования. В некоторых случаях важно найти определенное вещество, например, муку, следы известного грунта, в других представляет интерес распределение (например, в одежде) пыли для выяснения, шел или ехал данный человек.

Подлежащие объекту со следами пыли и грязи должны по возможности направляться в лабораторию целиком. Если это по каким-либо причинам неосуществимо, собирание пыли для криминалистического исследования производится следующим образом.

Сначала нужно обнаружить те места одежды и др., где пыль или грязь образует заметные скопления. Так как распределение пыли в одежде нередко имеет значение для расследования, необходимо зафиксировать результаты осмотра в протоколе, с указанием величины, формы, цвета и расположения найденных скоплений. Пыль из скоплений должна быть соскоблена в пакетики. Пользование щеткой не рекомендуется, так как при этом много пыли рассеивается и пропадает для исследования. Пыль из разных мест должна собираться в отдельные бумажные пакетики; каждый пакетик закрывается так, как заделываются порошки в аптеках; на нем ставится номер для указания, с какого предмета и с какого места этого предмета собрано содержимое пакетика.

Извлечение из одежды рассеянной в ней пыли производится различными способами. В случаях, когда предмет невелик, его можно поместить в плотный бумажный мешок и выбить из него пыль поколачиванием; при этом нужно остерегаться повредить мешок, чтобы пыль не высыпалась.

Для извлечения пыли из карманов лучше всего отпороть их, поместить в чистый мешочек из плотной бумаги и выбить, а затем соскоблить приставшие частицы в тот же мешочек.

Пыль на обуви обычно находится в виде грязи на подошвах. Нужно учесть, что грязь налипает на подошву слоями. Чередование слоев нередко имеет важное значение. Поэтому прежде чем приступить к собиранию этой грязи, нужно произвести вертикальный разрез всего слоя грязи и посмотреть в увеличительное стекло, а при отсутствии его и просто невооруженным глазом, не заметно ли слоев грязи разного внешнего вида. Если имеется несколько слоев, грязь должна очищаться осторожно, слой за слоем, в отдельные пакетики.

При наличии на одежде следов выстрелов извлечение пыли и грязи для исследования может производиться только в самих лабораториях.

При всех операциях с пылью надо следить, чтобы в помещении были закрыты окна и

двери и не действовали вентиляторы. Следует остерегаться, чтобы в пыль не попали какие-либо посторонние частицы с рук и одежды лиц, собирающих и упаковывающих ее.

Анализ собранной пыли производится в лабораториях следующим образом. Сначала пользуются лупой и извлекают из пыли частицы, происхождение которых может быть легко установлено, например, кусочки угля, мелкие камешки и др. Затем приступают к микроскопическому и микрохимическому исследованию. Первое применяется для изучения, главным образом, остатков животного и растительного происхождения, второе направлено, в основном, на минеральные остатки.

Для того чтобы изучение состава пыли и грязи могло дать ценный материал для следователя, последний должен поставить эксперта в известность об обстоятельствах дела и указать, на какие частицы нужно обратить при анализе особое внимание.

Прочие виды химического исследования вещественных доказательств

Из других видов химического исследования вещественных доказательств укажем особо на:

- 1) идентификацию волокнистых веществ и тканей,
- 2) идентификацию древесины,
- 3) идентификацию металлов,
- 4) идентификацию красок,
- 5) установление состава неизвестных жидкостей и порошков, обнаруженных на месте преступления или изъятых у подозреваемых.

С. МИТРИЧЕВ

К вопросу о советской криминалистике

Среди юридических дисциплин совершенно особое место занимает криминалистика. В дискуссии, которая развернулась в последнее время на правовом фронте, совершенно не упоминается криминалистика, как будто бы она и не существует. Многие решили, что криминалистика занимается чисто техническими вопросами и поэтому большие вопросы теоретического порядка, которые обсуждаются в области права, ее не касаются. Это совершенно неправильное представление. Криминалистика неразрывно связана с правовыми науками, и все, что касается последних, касается и криминалистики. Поэтому необходимо более подробно рассмотреть многие вопросы криминалистики в свете последних данных. Например, утверждение вредителей из школки Пашуканиса о буржуазной форме советского права нашло отражение в работах некоторых советских криминалистов, которые рабски следовали за буржуазными криминалистами и оправдывали это тем, что между советской и буржуазной криминалистикой большого различия не имеется.

После этого не удивительно, что до сего времени мы не имеем серьезной советской криминалистической литературы. Все, что у нас напечатано по криминалистике, является

Исследование волокнистых веществ и тканей может потребоваться, например, для сличения найденных на месте происшествия посторонних волокон или частиц тканей с одеждой подозреваемого, при сравнении материи, в которую был завернут труп, с обнаруженными тканями.

При исследовании волокнистых веществ и тканей пользуются микроскопическими и химическими методами. Рассматривается характер волокон (хлопок, лен, шерсть, шелк и др.), их окраска и способ выработки тканей.

Идентификация древесины производится, например, при хищении лесоматериалов, при установлении происхождения каких-либо кусков дерева или деревянных поделок и др. Иногда ставится вопрос, не является ли тот или иной материал частью определенной доски. Такие вопросы решаются при помощи различных данных, в частности породы дерева, его возраста, давности рубки, способа обработки материала, соответствия распилов, анализа пепла и др.

Идентификация металлов может оказаться необходимой, например, при расследовании подделок и при экспертизе боеприпасов и огнестрельных ранений.

Как видно из сказанного, область химических методов исследования вещественных доказательств очень велика. Трудно предусмотреть заранее все формы, в которых может выражаться судебно-химическая экспертиза. Многое зависит от инициативы наших следственных работников.

По мере того как практики будут выдвигать новые вопросы, наши научно-исследовательские учреждения будут совершенствовать методику и технику экспертизы.

или пересказом старых буржуазных криминалистических учебников Гросса, Вейнгарда и др. или переводом с иностранного. О характере этой переводной литературы будет сказано особо. Сейчас необходимо только отметить, что переводилась третьестепенная криминалистическая литература, произведения же, получившие мировую известность, не переведились. Например, шеститомник французского криминалиста Локкара до сего времени на русский язык не переведен. В наших правовых журналах статьи на криминалистические темы отсутствуют. За все время существования журнала «Советское государство» на его страницах не появилась ни одна статья по криминалистике. В «высоких сферах» теоретико-правовиков считалось, что заниматься криминалистикой унизительно для научного работника. Этим «ремеслом», по их мнению, должны заниматься люди, не способные к разработке «больших проблем» науки права. Пашуканис и его группа, выполняя свои вредительские планы, загоняли криминалистику на задворки, они старались обезоружить наш следственный аппарат в борьбе с опасными для советского государства преступлениями. Здесь сказалась работа законспирированных преступников, которые боялись быть раз-

облаченными. Но те, кто выполнял эту преступную волю вредителей, были просто заражены идиотской болезнью — беспечностью.

Всесоюзный институт юридических наук также почти не уделял внимания криминалистике. За все время существования института был подготовлен только один научный сотрудник, да и тот по существу используется институтом на административной работе. В этом институте только в 1937 г. была организована криминалистическая секция. Штатный состав этой секции ограничен одним научным сотрудником — зав. секцией. Ни одного младшего, ни одного старшего научного сотрудника секция не имеет. Естественно, что секция в таком составе много дать не может.

Последняя дискуссия на правовом теоретическом фронте вскрыла большую засоренность правовых дисциплин враждебными и явно вредительскими теориями. Правовые науки сплошь и рядом не вооружали практику передовой теорией, а распространяли заведомо вредные, антиленинские положения. Это не могло не отразиться на криминалистике, которая тесно связана с правовыми науками и свои основные положения черпает из них. Криминалистика оторвана от практики. Богатейший опыт следственной практики она не обобщает и не изучает. Многие числящиеся «в теоретиках» криминалисты не знают практики. Если мы говорим об отсталости и засоренности чуждыми нам понятиями криминалистики, то этого совершенно нельзя сказать о наших практиках-следователях. У нас есть прекрасные следователи, знающие и любящие свое дело. Наш следственный аппарат, несмотря на его недостатки, справляется с возложенной на него задачей. И было бы грубой политической ошибкой огульно охаивать наш расследовательский аппарат лишь только на том основании, что в нашей юридической литературе наименее разработанным участком является криминалистика, содержанием которой является важнейшая стадия борьбы с преступностью — расследование преступлений. Дело здесь не в наших практических работниках, которые много теряют, не имея хорошей криминалистической литературы, а в наших теоретиках, теория которых в результате отрыва от практики стала беспредметной.

Если с этой точки зрения посмотреть на нашу криминалистическую литературу, то прежде всего нас поразит разрыв между теорией и практикой. Большая часть работ по криминалистике, написанная советскими авторами, — это пересказ старых буржуазных учебников Ганса, Гросса, Вейнгарда, Гейсса и др. Как будто советской следственной практики не существовало, как будто наша практика не накопила достаточного количества фактов, которые надо изучить, обобщить и сделать соответствующие выводы.

Первая крупная работа по криминалистике после революции появилась в 1923 году. Это была книга Семеновского П. «Дактилоскопия как метод регистрации». Это начало для советской криминалистики было хорошее. Труд Семеновского представлял собой ценную и оригинальную монографию. Работа была результатом самостоятельного научно-исследовательского труда и стояла на высоком теоретическом уровне. К сожалению, это начало не по-

служило примером для наших криминалистических работ. Дальнейшие работы по криминалистике других советских авторов не отличались большой оригинальностью. В 1924 г. Н. Н. Якимов выпустил свою первую большую работу — «Практическое руководство к расследованию преступлений». В этой книге Якимов добросовестно пересказал ряд положений из старых буржуазных учебников по криминалистике. Это не отрицал и автор. В предисловии к своей книге т. Якимов писал, что его труд «отнюдь не претендует быть самостоятельным научным трудом». Первую часть этой книги Якимов начал такой тирадой: «Грандиозный успех всех видов техники в течение последнего столетия, обогатив человечество открытиями, изобретениями и усовершенствованиями, подняв его материальное благосостояние и сделав возможным его социальный прогресс, в то же время отражался на преступности, оказав вредное воздействие на внешние формы ее проявления». Якимов и многие другие представляли себе криминалистику как некий безликий инструментарий, о классовом содержании которого не могло быть и речи. В последующих своих работах этого периода т. Якимов не ушел от своей первой работы 1924 г., хотя в предисловиях к этим трудам уже не фигурировала оговорка, что это не самостоятельный научный труд.

В основной своей работе «Криминалистика» (изд. 1925 г. и 2-е издание этой же книги в 1929 г.) т. Якимов выступает в том же виде пересказчика старых буржуазных учебников, не пытаясь даже освободиться от чуждого нам антимарксистского хлама. Так, например, Якимов повторяет вслед за Ломброзо, что «женщины лживы и не искренни, способны к лжи в показаниях». Дальше Якимов пишет, что у нас профессионалы-преступники наиболее многочисленная группа, что по меньшей мере, если не сказать больше, не соответствует советской действительности. Если в капиталистических странах рецидив и профессиональная преступность растут и увеличиваются, то у нас эта группа едва занимает несколько процентов, что отлично должно быть известно и т. Якимову.

Якимов пишет в своей книге, что даже самые лучшие буржуазные труды по криминалистике не соответствуют советской действительности. Но несмотря на это, Якимов пытался втиснуть советскую действительность в рамки буржуазного криминалистического учебника. Отсюда и все те лягушечьи прыжки, которые имеют место в его учебнике. Только в последних своих работах (главы учебника по криминалистике, изданного Институтом уголовной политики, и монография «Осмотр») т. Якимов показывает, что им исправляются допущенные ранее ошибки.

Одновременно с учебником по криминалистике т. Якимова Украинским юридическим издательством в 1925 г. было издано практическое руководство для судебных работников «Техника расследования преступлений» Н. П. Макаренко. Это также несамостоятельный труд. В основу этой книги положен конспект лекций, прочитанных автором для работников юстиции в Одессе на краткосрочных юридических курсах. Характерно, что т. Макаренко начал свою книгу так же, как и т. Якимов,

...ия, что наш век является веком огромных технических и культурных достижений. Это начало обращает на себя внимание тем, что оно является излюбленным началом для многих буржуазных криминалистических работ. Так, автор одной немецкой работы Денштедт начинает свою работу с указания на этот пресловутый «век технического и культурного прогресса». Эту маленькую деталь мы приводим лишь для того, чтобы показать, как рабски следовали наши авторы за буржуазными криминалистами, видя в них непрекращаемый для себя авторитет. Несмотря на это, книга Макаренко все же выгодно отличается от учебника Якимова 1925 г. Книга написана хорошим литературным языком. Не претендуя на большую ученость, т. Макаренко в удачной популярной форме изложил некоторые вопросы научных методов раскрытия преступлений.

Кроме книг Якимова и Макаренко у нас до 1936 г. не было издано ни одной книги, которая могла бы быть рекомендована в качестве учебного пособия по криминалистике. Многочисленные труды Громова В. У., несмотря на их большую ценность (основной труд т. Громова «Предварительное расследование» вышел в пяти изданиях), скорее можно отнести к уголовному процессу, чем к криминалистике. Некоторые же специальные брошюры по уголовной технике, написанные т. Громовым, нельзя рассматривать как учебные пособия. Это скорее агитация за уголовную технику.

Несколько оригинальное место среди криминалистических работ занимает «Уголовная техника» Н. Д. Вороновского. Тов. Вороновский ставил своей целью дать работникам органов расследования небольшое руководство, в котором кратко были бы изложены основные вопросы уголовной техники. Эту очень трудную задачу т. Вороновский разрешил довольно простым способом. Первый раздел своей книги «Способы регистрации преступников» Вороновский попросту списал у Семеновского. На стр. 11 у Вороновского имеется раздел: «Классификация пальцевых узоров», на стр. 17 у Семеновского имеется тоже раздел «Классификация пальцевых узоров». В этом разделе Вороновский пишет: «Несмотря на громадное различие в строении пальцевых узоров, их все же можно разбить на несколько групп и подгрупп». У Семеновского в этом разделе написано: «Но, несмотря на разнообразие, кожные пальцевые узоры все-таки можно распределить на несколько основных групп». У Вороновского написано: «Дуга является наиболее простым видом пальцевых узоров и наименее распространенным, всего около 5%». У Семеновского: «Наиболее простым типом пальцевых узоров являются дуги; они встречаются в количестве 5%». Вороновский местами даже не пытался изменить слог Семеновского, переноса целые разделы в свою книгу. Кое-кто пытался защищать выход в свет книги Вороновского тем, что книга Семеновского вышла в 1923 г. и являлась редкостью, поэтому книга Вороновского являлась своеобразным переизданием ценного труда Семеновского. Трудно признать эту мотивировку удачной.

В 1926 г. появилась специальная работа С. М. Потапова «Судебная фотография». Не-

смотря на узко-технический характер ее, работа эта, как и работа Семеновского, явилась ценным вкладом в криминалистику. Недостатком книги было то, что она была рассчитана на читателя, который имеет уже знания в области фотографии. Наши же следователи, для которых в основном была предназначена книга, в большинстве знаний по общей фотографии не имеют. В силу этого не все следователи могли использовать работу Потапова во всем ее объеме. В 1937 г. вышло второе переработанное издание, но отмеченный недостаток не был ликвидирован.

На этом список книг по криминалистике, вышедших в свет, можно было бы и закончить. В нашей юридической литературе еще и в настоящее время наименее разработанным участком остается криминалистика, несмотря на то, что важнейшая стадия борьбы с преступностью — расследование преступлений — составляет содержание криминалистики. Вот почему особенно нужно приветствовать вышедшие под маркой научно-исследовательского Института уголовной политики два тома учебника по криминалистике. Этот учебник является серьезным вкладом в нашу небогатую криминалистическую литературу. Учебник избежал влияния буржуазных криминалистов и дал систему советской криминалистики. Наряду с этим в учебнике имеется много недостатков, которые подлежат устранению при его переиздании.

Основной дефект учебника относится к 1-й его части первой книги, именуемой «Основные принципы криминалистики», так как, во-первых, в этой части не даются основные принципы криминалистики, и, во-вторых, нет ясно очерченных принципов советской криминалистики. Криминалистика берется вне конкретной истории. В учебнике не найдена достаточного отражения специфика тактики расследования преступлений в СССР в отличие от буржуазных и фашистских методов расследования.

В учебнике отсутствует развернутая критика дореволюционной и послереволюционной криминалистической литературы, не использованы во всей полноте методические письма Прокуратуры Союза ССР.

Учебник недостаточно использует материалы из практики работы органов расследования. Мало конкретных примеров.

Излишняя боязнь «психологизма», который правильно подвергается критике, в то же время привел к известному «перегибу» в этой области, из поля зрения авторов учебника выпала конкретная, живая фигура преступника (классовый враг, рецидив, случайный преступник, несовершеннолетний и т. д.). Не указана специфика допроса несовершеннолетних преступников, хотя методы допроса здесь должны быть иные, чем применяемые в отношении взрослых.

Недостаток нашей специальной криминалистической литературы, который все время остро ощущался, пытались одно время заполнить переводной литературой. Но выбор книг для перевода был явно неудачен. Для чего, например, была переведена книжонка немецкого автора Ганса Шнейкerta «Таина преступника и пути к ее раскрытию» (изд. 1925 г.)? Кроме реакционной распухи и фашистского

мракобесия наш читатель в этой книге ничего не найдет. Шнейкерт, например, предлагал как одно из средств расследования психическое и физическое воздействие на подозреваемого. «Физическое истощение вследствие бессонных ночей» и, в особенности,— по мнению автора,— голод быстрее всего способны ослабить психическую силу сопротивления подозреваемого. Шнейкерт в числе прочих «рецептов» рекомендует вести допрос долго, изнурительно, монотонным голосом. Все эти «методы» Шнейкерт называет психической пыткой. Даже приведение в состояние опьянения Шнейкерт рассматривает как «создание подходящих состояний возбуждения для того, чтобы выведать тайну».

Все это Шнейкерт пытается выставить в «научном свете». Он, например, пишет о способах фотографирования мыслей. Но и здесь ослиные уши реакционера выдают автора. Шнейкерт пишет: «Если считают установленной возможность фотографирования духов или других невидимых предметов, отсюда недалеко и до попыток фиксирования путем фотографии одних представлений, тающихся в мозгу».

Редактор этой книги Люблинский очевидно не считает, что положения, развиваемые автором, для нас непримлемы. Он пишет только, что «отдельные положения автора и предлагаемые им рецепты вызывают большие сомнения». Но постановка темы является «несколько новой», данные, которые приводит автор, добыты «опытом и наукой», поэтому книга «окажется не безынтересной и для русских читателей».

Из этой же серии и под редакцией того же Люблинского в 1925 г. была издана небольшая брошюра тоже немецкого автора Альберта Гельвига «Современная криминалистика». Какова идеологическая направленность этой книги, свидетельствует, например, такое место: «Свидетели, принадлежащие к высшим классам, вообще дают более надежные показания, чем свидетели из низших классов».

Такую же теоретическую и практическую ценность представляет третья переводная книга по криминалистике немецкого автора Вилли-Гай «Предупреждение преступления», изданная в 1927 г. Вилли-Гай предлагает ввести для всех граждан режим «бронированного кулака», доказывая необходимость поголовного дактилоскопирования населения всего земного шара. Кроме того он рекомендует введение физических наказаний, запрет посещений ресторанов, танцевальных зал и вообще всякое движение на улицах позднее 10 часов вечера. Какие «ценные сведения» по криминалистике получает наш следователь, для которого предназначена эта книга, видно из одного этого краткого перечня.

Эти книги, как и многие другие, вроде книги Штибера и Шнейкерта — «Практическое руководство для работников уголовного розыска» (изд. 1926 г.), Анушат — «Искусство расследования преступлений», Оттоленги — «Экспертиза почерка», до сих пор должной оценки на страницах нашей печати не получили. Обидно становится за нашего читателя, когда он вместо сведений о научных способах борьбы с преступностью получает бредни немецких пуришкевичей.

Для того чтобы ликвидировать вредитель-

ские последствия работы группы Пашуканиса и последствия этой «литературы» в области криминалистики, необходимо развернуть на страницах нашей юридической печати освещение основных принципов советской криминалистики.

Совершенно непонятно молчание наших научно-исследовательских учреждений в области права, особенно криминалистических институтов (Харьковский институт научно-судебной экспертизы, Белорусский институт криминалистики, Одесский институт научно-судебной экспертизы). Ни в одном юридическом журнале за последние годы эти институты не опубликовали ни одной работы в области криминалистики, хотя они имели все возможности для этого. Эти институты имеют большое количество научных работников, через их лаборатории проходят исключительно интересные экспертизы по конкретным делам, и все это в большинстве случаев остается в стенах институтов.

В то же время «научный сотрудник» Одесского института Матвеев, разоблаченный впоследствии как враг народа, печатал свои труды в фашистских журналах. Эта вражеская вылазка не получила должного отпора. Работники Одесского института прошли мимо этого позорного факта, то есть просто на просто замазали его.

Это говорит о притуплении политической бдительности партийной организации Одесского института, это говорит об атмосфере косности и рутине, господствующей в этом институте.

Еще в марте прошлого года Центральный методический совет при Прокуроре Союза ССР резко осудил оппортунистическую попытку директора Одесского института оправдать вражескую вылазку Матвеева якобы невозможностью напечатать работу Матвеева в Советском Союзе.

Одесский институт до сих пор большевистских выводов из этого не сделал. До сих пор партийная организация Одесского института не рассказала советской правовой общественности, как она перестроилась, какие выводы она сделала из вылазки Матвеева.

Есть еще одна область криминалистики, которая настоятельно требует, чтобы на нее обратили серьезное внимание. Это — криминалистическая экспертиза. До настоящего времени Народный комиссариат юстиции не удосужился принять определенное решение в этой области. С образованием НКЮ СССР существующие на Украине институты научно-судебной экспертизы перешли в систему НКЮ, в Белоруссии этот институт был передан Прокуратуре. В РСФСР дело обстоит еще хуже. Здесь почти нет криминалистических учреждений в системе НКЮ. «Почти» сказано лишь только потому, что нельзя же признать нормальным, что учебная лаборатория Московского юридического института и небольшая лаборатория Всесоюзного института юридических наук являются единственными криминалистическими учреждениями РСФСР.

Пора, наконец, советскую криминалистику вывести на широкую дорогу научной и практической деятельности. Пришло время и от криминалистов потребовать, чтобы они преодолели мешающие им чуждые влияния, крох-

борство и взялись за дело с той энергией и размахом, которые присущи всему нашему социалистическому строительству.

Сталинская Конституция социалистического общества поднимает на небывалую высоту заботу о живом человеке, о советском гражданине.

Честь и достоинство советского гражданина неприкосновенны.

Следователь, прокуратура, суд, решая то или

С. БОГУСЛАВСКАЯ

О жалобах и жалобщиках*

Много писалось о жалобах, о жалобщиках и жалобщицах, о живых людях с их насущными и совершенно законными требованиями, о чутком отношении к человеку и пр.

Немало было принято специальных решений по вопросу о жалобах и жалобщиках, немало было «спущено», как это принято говорить, циркуляров, инструкций и иных указаний, посвященных жалобам, заявлениям, жалобщикам и жалобщицам.

И несмотря на то, что этому вопросу как будто бы уделяется достаточно внимания, и вопреки тому, что так много говорилось, обсуждалось и писалось, все же встречающиеся в повседневной практике факты вынуждают нас вновь вернуться к этим темам. Приходится, к большому сожалению, констатировать, что еще до сих пор далеко не везде эти важные вопросы получили свое окончательное, должно и эффективное разрешение. А в некоторых местах, благодаря наплевательски-бюрократическому отношению к жалобам и сигналам общественности, благодаря преступной волоките, игнорированию этих сигналов, отмахиванию от себя назойливых жалобщиков, «спихиванию» и пересылке жалоб лицам и учреждениям, на которые приносятся жалобы,—своевременно не принимаются надлежащие меры к устранению нарушений законных прав трудящихся и исправлению имевших место грубейших ошибок.

Бывают в прокурорской практике случаи, когда благодаря невнимательному отношению, неповоротливости, бюрократизму, а иногда и утере элементарной бдительности, прокуроры способствуют преступной деятельности врагов.

Сейчас, когда политическая сознательность и чувство достоинства советского народа так высоки, когда трудящиеся, поднятые сознанием великих достижений, нашедших свое исключительно мудрое и четкое отражение в Великой Сталинской Конституции, с необычайной активностью участвуют в общественной жизни страны, зачастую своевременно заостряют внимание на серьезных нарушениях и злоупотреблениях, прокурорская работа по жалобам приобретает еще более важное значение и требует неизмеримо большего внимания.

Однако этот участок работы прокурора, особенно в некоторых местах, имеет такие серьезные упущения, мимо которых безмолвно пройти никак нельзя.

Возьмем, например, такой как будто совсем незначительный случай.

В апреле 1937 г. секретарь рабочкома груз-

инное судебное дело, решают судьбу человека. «От качества расследования зависит правильность или неправильность привлечения к ответственности людей, ущемление их прав, нанесение ущерба всему народному хозяйству»¹. В этих условиях криминалистика как целая научная система приемов и способов раскрытия преступлений, гарантирующая от случайностей и досадных ошибок, сыграет исключительную роль.

чиков 12-й пристани г. Астрахани Н. Н. Ивановская получила разрешение председателя рабочкома Булычева на очередной отпуск. Договорившись, что отпуск ей будет предоставлен в августе, Ивановская приобрела путевку в Черемшанский дом отдыха.

Наступил август—срок отпуска. Ивановская собралась ехать в дом отдыха и даже купила билет на пароход. Но в самый последний час Булычев передумал. Он, видите ли, решил сам отдохнуть. Предложив Ивановской отложить свой отпуск до сентября, Булычев сам получает отпуск, зарплату, пособие в сумме 400 руб. и... путевку Ивановской.

Случай, понятно, безобразный, недостойный профессионального работника. Нужно сказать, что Ивановская одновременно с разрешением председателя получила согласие на отпуск и от обкома союза. Кроме того обком союза подтвердил свое решение письмом, присланным рабочкому.

«Потеряв» таким образом путевку, Ивановская вынуждена была поехать в обком, где ей еще раз подтвердили право на отпуск в августе и посоветовали купить курсовку и таким путем попасть в дом отдыха.

На этом можно было бы и закончить этот рассказ, если бы не было еще и других обстоятельств. Дело в том, что по возвращении из отпуска т. Ивановская была уволена... за разложение трудовой дисциплины.

Тут только и началось «хождение по мукам» Ивановской. Она подала заявление в РКК. Через 10 дней РКК постановила не разбирать ее заявления, так как члены РКК в то же время являются членами рабочкома и дали согласие на ее увольнение. Ивановская, как депутат горсовета, обратилась с жалобой в президиум горсовета. Там ей посоветовали подать жалобу в суд. Суд отказался разбирать ее заявление и послал т. Ивановскую к инспектору труда. Инспектора труда в Астрахани нет. Пришлось писать в область, в тот самый обком союза, который дважды подтверждал правильность отпуска. Каково же было изумление Ивановской, когда из области ответили: «уволена правильно».

Перечислить все учреждения, куда обращалась Ивановская, нет возможности. Была она и в горсовете, и у пом. прокурора Мелос, и у народного судьи Некрасова, снова в горсовете и т. д. Везде ей сочувствовали...

Нелишне заметить, что Ивановская была беременна; не этим ли объясняется столь «эф-

¹ Вышинский, Сталинская Конституция и задачи органов юстиции.

* По материалам местных газет.

фактивное» разрешение ее дела «заинтересованными» учреждениями?!

Хотелось бы узнать, каково самочувствие прокурора, занимающегося этим делом, какие он дал бы объяснения, если бы его об этом спросили?

Не менее безобразный случай имел место с работавшим на Сталинградском тракторном заводе Дорониным.

Вот что пишет сам тов. Доронин о своем деле:

«Я работал на Сталинградском тракторном заводе трактористом в цехе безрельсового транспорта. Меня снимают с работы якобы за лихачество (быструю езду на тракторе), которое повлекло нанесение повреждений работнице Белоусовой. На самом деле никакого лихачества я не допускал и увечья работнице своим трактором не наносил.

Уволили меня за смелую критику недостатков в работе руководителей, в частности Бурсика, которого за допущение ряда безобразий в цехе сняли с работы. По вине этого Бурсика рабочие работали в тяжелых условиях, в дыму, техника безопасности не соблюдалась, что надо отнести за счет вины и начальника отдела техники безопасности Руэ; с рабочих делали незаконные удержания из зарплаты за перерасход горючего. Обо всем этом знал и инспектор труда Рабинович, но мер не принимал. О ненормальности я заявлял на собраниях, писал в газету «Даешь трактор», за что и был с работы снят.

подавал жалобу в РКК завода о восстановлении на работе. Мне отказали, доверившись составленным на меня актам о причинении травмы работнице Белоусовой. Инспектор труда при СТЗ Рабинович также не помог мне. Дело тянется 8 месяцев. Я обжаловал действия завкома СТЗ и инспектора охраны труда Рабиновича перед городской прокуратурой. Горпрокурор, проверив на месте мою жалобу, опротестовал решение завкома союза и ЦК союза и направил этот материал на новое рассмотрение».

Казалось бы, что горпрокурору, признавшему дело Доронина безобразным, следовало не ограничиваться только принесением протеста, но и обеспечить быстрейшую ликвидацию издевательства над рабочим, не работающим более 8 месяцев. Однако, судя по концу письма тов. Доронина, просящего разрубить гордиев узел и дать ему возможность получить работу, следует притти к выводу, что его вопрос не получил еще до сих пор правильного разрешения.

4 сентября в Дербинке (Сахалин) рабочий отдела связи Назаров взломал замок в квартире заведующего клубом Гончарова, выбросил его вещи и самовольно занял квартиру.

Гончаров обратился с жалобой на действия Назарова к районному прокурору т. Гориславскому. Надо было думать, что прокурор не оставит этот случай без внимания и позаботится о привлечении виновного к ответственности. Но ответ Гориславского на жалобу Гончарова был по меньшей мере довольно странный:—«Мне этим делом заниматься некогда».

Гончаров обратился в Дербинский сельсовет, который постановил привлечь Назарова

к уголовной ответственности. Дело было передано тому же райпрокурору Гориславскому.

Может быть, теперь наступит конец злоключениям Гончарова?

Пока же Гончаров со своей семьей живет у соседей, а прокурор и не думает привлечь к ответственности Назарова.

Почему же молчал прокурор?

Это молчание стало понятным, когда выяснилось, что Гориславский сам дал разрешение Назарову выбросить из квартиры вещи Гончарова и занять ее.

Всем нам хорошо известна забота партии и правительства о детях. Особенно крепко в нашем законодательстве о браке, семье и опеке отражены интересы детей. Однако, не всегда интересы детей ограждаются так, как этого требуют советские законы.

Настя Воронщикова 9 лет, ученица I класса 41-й средней школы г. Саратова, резко выделялась среди своих одноклассниц. Это был худой, бледный и робкий ребенок. Несмотря на то, что Настя пришла в школу, умея прилично читать, и с большой охотой посещала занятия, преподаватели считали ее отстающей. Ити в ногу с классом Насте мешала тяжелая домашняя обстановка, в которой ей приходилось жить. Как это выяснилось... в 1934 г., Григорий Воронщиков, инспектор 4-й пожарной команды, после смерти своей первой жены женился. У Насти появилась мачеха, которая на протяжении почти 4 лет безнаказанно издевалась над ребенком.

Соседи Воронщикова неоднократно вынуждены были брать Настю к себе ночевать, так как мачеха ее Кочеткова часто выгоняла голодного и раздетого ребенка из дому.

Совершенно невозможной стала жизнь Насти после того, как у Кочетковой родился ребенок. К издевательствам прибавилась беззастенчивая эксплуатация. Настя несет на своих плечах громадную работу по хозяйству. Ее можно видеть моющей полы, несущей ведро помоев, няньчащей грудного ребенка, стоящей в очереди у магазина.

Соседи несколько раз сообщали в милицию о недопустимых издевательствах над ребенком, но никто из работников милиции этим не заинтересовался.

Наконец, 20 августа Кочеткова связкой ключей пробила Насте голову за то, что девочка дольше обычного простояла в очереди за хлебом. Только после этого было возбуждено против Кочетковой уголовное дело. Вот здесь-то и необходимо было самое активное вмешательство прокуратуры, так как дело марировалось в народном суде Волжского р-на, однако, никого это не беспокоит, и дело лежит без движения, а жизнь Насти продолжает оставаться прежней.

Вот еще один случай того же порядка.

В тяжелых условиях живут дети рабочего рем. завода НКПС—Николая Агеева, Вера и Гали.

Страх, инстинктивное желание сжаться, сделаться незаметным—вот единственные чувства, которые рождаются у Веры и Гали при упоминании имени их отца. Первоначально это удивляет, и только после знакомства с бытом детей понятным делается их отношение к отцу.

Три года назад жена Агеева Гурьева, окончательно измученная издевательствами мужа, ушла от него. Суд постановил взыскать с Агеева алименты на содержание детей, но счел почему-то возможным оставить пьяницу и хулигана в одной квартире с семьей.

Пользуясь этим «соломоновым» решением, Агеев очень скоро прекратил выплату алиментов и пропил все имущество жены и детей.

Сейчас семья Агеева живет на небольшой заработок Гурьевой. Дети принуждены спать у соседей, так как квартира Агеевых превращена в нежилое, антисанитарное помещение.

Гурьева несколько раз обращалась в милицию и к прокурору Фрунзенского р-на. После долгих хождений дело было передано, наконец, в народный суд Кировского р-на.

Оба эти случая сами за себя говорят и в комментариях не нуждаются.

Казалось бы, здесь необходимо самое активное вмешательство прокурора. Однако никакие жалобы, обращения и проч. не помогают. Прокуратура безмолвствует.

Когда в этих случаях прокуратура и суд выступают в защиту обездоленных ребят, чем решительнее это вмешательство, тем большее общественное и воспитательное значение оно имеет в глазах населения.

Кажется, что все это настолько ясно и элементарно, что даже странно сейчас об этом говорить. А между тем все же говорить приходится и вот в связи с чем.

Примером безобразнейшего бездействия, повлекшего нескрытые во-время тяжелой ошибки, является Иркутское дело тальцинских работников. Началось оно с того, что 6 мая 1937 г. около дер. Пашки была убита гр. Дементьева. Следствие начал вести участковый надзиратель Конусенко. Принялся Конусенко за дело весьма ретиво, повел его как настоящий «Шерлок Холмс». Он начал с того, что, придя в деревню, стал спрашивать граждан, кто проезжал в тот день по тракту. Машин проходило много, но легковая машина прошла одна. «Значит, убили ее из легковой машины», — сделал вывод Конусенко. Слухи, что Дементьеву убили из легковой машины, поползли по селу. Конусенко, в поисках очевидцев убийства, обошел все село, пока не встретился с гр. Чазовой. Конусенко нетрудно было убедить психически-больную Чазову, что именно она была свидетельницей убийства Дементьевой. Чазова действительно рассказала, что она шла с Дементьевой, навстречу им ехала легковая машина, машина остановилась, из нее вышли неизвестные, один из них выстрелил в Дементьеву. Пригрозив Чазовой, чтобы она молчала, неизвестные сели в машину и уехали. Конусенко установил, что легковая машина, проезжавшая 6 мая по тракту, принадлежит Тальцинскому механизированному лесопункту. В ней находились: председатель райкома союза Солдатов И. И., инженер Горностаев И. Ф., тракторист Северинов Я. П. и шофер Булах И. Р. Вот этих лиц, заподозренных в убийстве Дементьевой, и привлекли к уголовной ответственности. 15 мая дело

Солдатова, Булах, Северинова и Горностаева было передано на доследование в областную прокуратуру. Чазову, единственную «свидетельницу» убийства, вызвали для допроса. Она, забыв свое первое заявление, начала давать путаные показания. Противоречивые показания Чазовой заставили следователей Нестеренко и Горишний направить ее на психическую экспертизу. Экспертиза установила, что «показаниям Чазовой верить нельзя, так как они могут быть фантастическими... Но при умелом подходе она (Чазова) может раскрыть и правду».

Экспертиза, как видите, замечательно точная.

Дело с этим заключением экспертизы было направлено в народный суд 7-го участка. Народный судья Сутурин, не считаясь с протестами и просьбами подсудимых о расследовании этого загадочного преступления, приговорил Солдатова к 8 годам тюремного заключения, Булах, Горностаева и Северинова к 5 годам лишения свободы каждого, а кассационная коллегия Иркутского областного суда этот приговор народного суда утвердила.

Все до сих пор так просто, что можно было бы об этом деле вовсе и не писать. Но ведь обвиняемые тщетно молили все инстанции только об одном: тщательно разобраться в этом деле и найти действительных виновников загадочного убийства Дементьевой. Но, увы, все считали этот приговор правильным. Одна только жена осужденного Солдатова не могла никак смириться с мыслью о виновности ее мужа. Она обивала пороги многих организаций, неоднократно бывала также и в областной прокуратуре. Ее заявление, между прочим, пролежало у прокурора Казанцева 2 месяца без расследования (беспорное доказательство обращения Солдатовой в прокуратуру). Не добившись нигде ответа, Солдатова решила испытать свое счастье еще в уголовном розыске. Она пошла туда и рассказала о невинности своего мужа. Между прочим, Солдатова заявила, что в день убийства Дементьевой какие-то ребяташки стреляли из «нагана» на тракте. Эти разговоры о ребятах заставили насторожиться. Началось второе следствие. После разговора с зав. школами и пред. жактов сотруднику уголовного розыска Карпинскому удалось установить, что ученики разных школ — Окольничиков Валентин, Перфильев Афанасий, Попов Петр и Емельянов Павел, проживающие недалеко друг от друга, 5 мая ушли из дому и в течение суток находились неизвестно где.

Карпинский познакомился с ребятами, очень осторожно расспрашивал о их жизни. Валя Окольничиков рассказал ему, как он «строил» пароход. Но приемному отцу — Щеницыну — не понравилось, что у Вали всегда собираются товарищи, и он сломал «пароход». Ребята заявляли, что они не знают, что им делать в свободное время.

Клубок постепенно разматывался. Через несколько дней Карпинский установил, что поломка «парохода» послужила причиной побега ребят из дома. Как выяснилось, они договорились между собой уехать на Байкал, построишь избушку и «грабить» проходящих граждан.

Для этой цели Окольников украл у отца револьвер. 5 мая ребята ушли от родителей и направились на тракт в дер. Пашки. 6 мая ребята встретили Дементьеву и решили ее ограбить. Окольников должен был на нее наставить «наган», остальные в это время отбирать вещи. Женщина закричала. Окольников выстрелил в нее. Не обыскав жертвы, ребята разбежались.

Несколько часов они бродили по болотам, боясь, что их может найти розыскная собака. Когда стемнело, они вышли снова на тракт. Здесь их нашел Щепицын, потребовавший у сына револьвер. Валентин отдал. Щепицын, осмотрев оружие, увидел, что нехватает одного патрона, и спросил, в кого стреляли. Окольников сначала ответил: «Мы просто баловались», а позднее рассказал отцу, что они убили женщину. Щепицын сказал им: «Если вы кому-нибудь об этом расскажете, то вас запрятут в колонию». Запуганные Щепицыным ребята об убийстве этом молчали. Молчал и сам Щепицын.

Арестованные Окольников, Перфильев, Попов, Емельянов и Щепицын сознались в совершенном преступлении.

Это дело, по которому осудили за убийство 4 ны в чем неповинных людей, говорит об очень многом. Через руки 26 человек прошло это дело и в предварительном, и в судебном следствии, и при осуществлении «надзора» за ним. Кассационная коллегия областного суда, неоднократно перелистывая 5 противоречивых показаний душевно-больной Чазовой (которая, кстати сказать, как выяснилось из следствия, никогда Дементьеву не знала), не желала заняться детальным расследованием загадочного убийства, а одним взмахом пера приговорила неповинных людей к тюремному заключению.

Роль прокуратуры в этом деле также неприглядна. Естественно, возникает вопрос, что в этом деле, судебная ли только ошибка и только ли в одном этом деле у иркутских органов юстиции судебная ошибка?

С точки зрения вопроса о притуплении политической бдительности интересны факты, опубликованные в газете «Кировская правда» под заголовком «О прокурорах и судьях, миндальничающих с расхитителями социалистической собственности».

В этой статье приведены яркие примеры смазывания дел о крупных растратах в магазинах Кировского пищевого треста, когда растратчики, пользуясь волокитой, ротозейством, а, возможно, и большими пороками, свившими себе гнездо в Кировской прокуратуре, скрывались от уголовной ответственности или получали полную реабилитацию.

Также характерно заявление Кировского пищевого треста в прокуратуру о взыскании с растратчика Анучина денег. Городская прокуратура продержала у себя это заявление 5 месяцев и вернула его обратно истцу, указав, что «Анучин работал без кассового аппарата и поэтому он невиновен». Пока же городская прокуратура подыскивала для Анучина оправдательные мотивы и формулировки, последний предусмотрительно из г. Кирова скрылся.

В другом случае растратчик 21 000 руб., бывший зав. магазином Сталинского райпитейторга Ворогушин, воспользовавшись волокитой в Сталинской райпрокуратуре, сбежал.

Такие сигналы, как письмо стахановца Амеличина, сигнализировавшего Свердловской прокуратуре о вредительстве в Лосинском торфопредприятии, где построили железнодорожную ветку на снегу, не вызвали у прокурора Сталинского района т. Шурова никакого интереса.

А между тем, казалось бы, работникам Свердловской прокуратуры больше чем кому-либо не следовало бы забывать, что в некоторых Свердловских областных и городских организациях орудовала кучка врагов народа, между прочим, насаждавших всячески в качестве одного из методов своей вражеской работы формально-бюрократический стиль работы, под прикрытием которого можно было оставлять незаметной свою подрывную деятельность.

Нельзя обойти молчанием и то положение, которое до настоящего времени не изжито еще в работе Свердловской прокуратуры.

Во всех отделах прокуратуры, в том числе и в приемной облпрокурора, установлен бюрократический порядок — прием граждан производится лишь с 12 до 2 часов дня. Поэтому немудрено, например, что гражданке Н., проживающей в Свердловске, для того, чтобы попасть к начальнику бюро жалоб Семкину, пришлось потерять два дня. Больше того, 73-летняя Широкова Л. П. из Филатовского сельсовета, Сухооложского района, в течение года приезжала в облпрокуратуру... 5 раз, так как не могла попасть на прием.

Еще в октябре 1936 г. в облпрокуратуре скопилось 1410 неразобранных жалоб трудящихся и сотни газетных заметок. Волокита с расследованием некоторых жалоб и газетных заметок тянется годами. По полугоду маринуются селькорские заметки и письма колхозников о расхищении общественной собственности и других злоупотреблениях. Например, письма колхозников о вредительских действиях в сельхозартели «имени Челюскинцев» (Туринский район), дело шайки проходимцев во главе с б. председателем колхоза Рыбаковым лежит без движения почти год.

Негодный стиль работы с жалобами облпрокуратуры перенесен и в районы. В туринской райпрокуратуре больше трех месяцев лежит материал о вражеских делах бывших руководителей Кумаринского колхоза «Красная роща». Не лучше дело у прокуроров П. Ильинского, Ирбицкого, Манчашского, Режевского и других районов.

Интересно остановиться на практике Курганского райпрокурора Лагздина (Красноярский край). Лагздин, как правило, либо пересылает жалобы на разрешение тех учреждений, на которые принесены жалобы, либо вообще не реагирует на жалобы и серьезные сигналы общественности. Например, парторг Жировского лесозаготовительного пункта т. Здоров 10 января с. г. обратился к прокурору с заявлением о том, что дирекция леспром-

хоза не выполняет колдоговора с кадровыми рабочими, в частности, о создании им материально-бытовых условий. Лагздин долго не думал о жалобе и сделал надпись «к наряду» (читал, подшит к делу).

Жалоба 14-летнего Анатолия Шарапова об отказе устроить его пять братьев и сестер после смерти родителей в течение 6 месяцев пересылается из райсобеса в районо. Чтобы узнать судьбу своей жалобы, десятки раз Анатолий был в прокуратуре, но попасть на прием к прокурору ему так и не удалось.

В апреле прошлого года из колхоза «Большевик» Грязнухинского сельсовета поступило заявление о грубейшем нарушении Устава сельхозартели. В заявлении говорилось, что правление колхоза сдало в аренду 100 гектаров сенокосных угодий; 17 колхозников, в том числе и предколхоза Деменов, расхитили колхозное сено на 1500 руб.; колхозник Денисов А. самовольно взял жеребую матку, которую гонял по глубокому снегу, после чего она abortировала. Вместо того чтобы эти факты лично расследовать, Лагздин поручил это председателю секции революционной законности, который... сам оказался повинным в этих делах.

Еще один факт: колхозницы сельхозартели «Трактор» — Мажанова, Филянова, Бурянова, Филяева, Ширякова, Шижнева Анна, в апреле п. г. обратились к прокурору, чтобы он помог им быстрее получить пособие на основании пост. ЦИК и СНК от 27 июня 1936 г. С апреля и до сих пор колхозницы не только не получили пособия, но и не имеют даже ответа от прокуратуры.

Такой способ избавления от жалоб, между прочим, самый легкий. Лучше всего переслать ее тому, кого она обвиняет. А в некоторых случаях даже легче таким путем расправиться с авторами этих назойливых жалоб и обвинений.

В некоторых случаях естественное возмущение вызывает такая «помощь», какая, например, была оказана демобилизованному красноармейцу райпрокурором Пачелмского района, Куйбышевской области — Сироткиной.

В феврале 1936 г., находясь в рядах Красной армии, тов. Гераскин подал прокурору Пачелмского района жалобу на неправильное обложение семьи его налогом. Вместо того чтобы срочно рассмотреть дело и помочь семье красноармейца, прокурор Сироткина положила жалобу под сукно. Лишь через полтора года в сельсовете была получена бумажка, в которой райпрокурор Сироткина требовала сообщить ей, на каких основаниях и какими налогами обложена семья красноармейца Гераскина. Эта «помощь» была оказана Сироткиной через 7 месяцев после демобилизации Гераскина и уплаты его семьей налога.

Или другой случай: 5 июля 1937 г. у рабочего Орджоникидзеградской сталелитейной (Западная область) т. Головина со двора увели корову. Он немедленно об этом заявил в милицию. Там записали в книгу заявлений, обещали принять все меры, чтобы найти преступника и возратить украденную корову. Прошло 6 дней. О результатах розыска про-

павшей коровы рабочему не сообщают. Обеспокоенный этим Головин пишет начальнику милиции заявление. Последний взял заявление, повертел в руках, подумал и наложил резолюцию: «Уголовный розыск — Родионову». Прошел июль, затем половина августа, а о розысках злосчастной коровы Родионов и не думал. Не помогало и неоднократное напоминание со стороны потерпевшего. Родионов занят, ему некогда заниматься «мелочами». Тогда Головин обратился к прокурору. Прокурор города Мишин, к которому обратился за помощью Головин, ответил: «У нас существует такое положение, по которому раньше 30 суток нахождения дела в уголовном розыске я не могу на них воздействовать». Прошли и эти никем не установленные 30 суток. Мишин предлагает рабочему: «Обратитесь к моему помощнику Лубешниковой». Он безропотно пошел к Лубешниковой.

От Лубешниковой Головин услышал такой ответ: «Я Родионову дала срок, дело расследуется».

Через два дня после этого посещения Лубешникова заявляет Головину: «Я еще не знаю, что Родионов предпринял».

25 сентября потерпевший получает новый ответ: «Сегодня схожу и узнаю».

Пока что, достаточно хорошо известно только одно, что Головин попрежнему обивает пороги прокуратуры и уголовного розыска.

Несколько слов об одном из московских районных прокуроров, тов. Смирнове.

28 июня 1937 г. к нему явилась просительница Назаренко.

Шесть лет работает Тамара Назаренко с детьми-дошкольниками. Сама воспитанница детского дома, она увлечена своей работой.

Осенью прошлого года Краснопресненский отдел народного образования назначил ее заведующей детским садом № 141. Находился он в темном, грязном и сыром подвале. Хозяйство детсада было запущено, никто им не интересовался.

Не жалея сил и времени молодая руководительница с горячностью взялась за наведение порядка. И ей удалось улучшить положение детей.

Весной она возбудила перед РОНО вопрос о подыскании дачи для детей. Школьный госсанитарный инспектор Гутман еще в марте предложил РОНО немедленно вывезти детский сад из подвала.

Забывая о летнем отдыхе детей и зная, что намеченная отправка детского сада в Зеленый городок из-за неповоротливости работников РОНО может задержаться до середины лета (так сильно затянули ремонт), Назаренко, после многих поездок, сама отыскала дачу. Эта инициатива не понравилась старшему инспектору дошкольного сектора РОНО Трейбач. Посыпались нарекания.

«Вы не умеете работать», — кричала разгневанная Трейбач.

Выезд детей на дачу задержался. А 5 июня ошеломленная Тамара Назаренко получила на

руки приказ: «Снять с работы за недопустимо плохую подготовку детского сада к выезду на дачу».

Заведующий РОНО Крюков одним росчерком пера расправился с молодой работницей. Шесть лет провела она с детьми, премии получала. Не удержали руку чиновника эти обстоятельства. Он даже не вызвал т. Назаренко для объяснений. Ему «доложила» Трейбач, и он подписал бумагу. На место уволенной поставили совершенно неопытную руководительницу.

Через две недели приказ, за ошибочностью, отменили. Постановили: «Считать Назаренко в очередном отпуске по 7 августа». А заработной платы и отпускных не выдали.

Тамара Назаренко очутилась в затруднительном положении. От любимой работы оторвали, средств нет, ребенок, оставшийся в детском саду под присмотром неопытной заместительницы, заболел дизентерией, и его в тяжелом состоянии (по свидетельству врачей, болезнь запустили) помещают в Московскую поликлинику.

Потеряв всякую надежду, т. Назаренко идет к районному прокурору, часами ждет его и добивается пятиминутного разговора. Прокурора не трогают ни тревога матери, ни обида честной работницы. Не читая заявления, едва выслушав, он накладывает красным карандашом размашистую резолюцию: «Обратиться в РКК—Ф. Смирнов, 28 июня 1937 г.».

Как нужно назвать эти действия т. Смирнова?

Посетители и жалобщики, конечно, бывают разные. Но и прокуроры, принимающие этих посетителей, тоже ведь бывают разные.

В октябре жители города Максатихи Калининской области были свидетелями следующего возмутительного происшествия.

К дому № 26 на 1-й Боровой улице прибыли председатель жакта Завьялов, члены совета Лялякина, Романов и... начали вышибать топорами и ломами двери в квартире граждан Буркевич.

Налет этот на жилище гр. Буркевич совершался среди бела дня на глазах у всей проходящей мимо публики.

Взломав замки, вышибив двери, «комиссия» поселкового совета начала выбрасывать из комнат на улицу шкафы, столы, стулья и прочие вещи. Все это имущество, принадлежащее семье Буркевич, сваливалось в общую кучу во дворе.

После того, как со взломом и выбрасыванием вещей было покончено, в квартиру Буркевич тут же переехал из своей квартиры председатель поселкового совета Дорожкин.

Когда происходило это неслыханное издевательство, хозяйки дома Буркевич в Максатихе не было. Она уезжала к мужу, который работает в Калинин. Вернувшись домой, гр. Буркевич совершенно неожиданно застала в своей квартире непрошенных гостей.

«Как вы сюда попали?» — спрашивает Буркевич Дорожкина.

Дорожкин не задумываясь ответил: — «Очень просто. Квартира теперь моя, а вы, гражданка, убирайтесь туда, откуда приехали».

Возмущенная Буркевич направилась с жалобой к прокурору. Она надеялась получить здесь защиту и поддержку ее законных прав. Но районный прокурор Толмачев даже не пожелал выслушать жалобщицу. Он затопал на нее ногами, закричал, утверждая, что ему все известно, что «квартира принадлежит теперь не Буркевич, а Дорожкину» и т. д.

Буркевич продолжала настаивать на восстановлении ее законных прав, попраных поселковым советом и райпрокурором. Поселковый совет и прокурор упорно доказывали ей, что никаких прав на квартиру она теперь не имеет. Кто-то вспомнил, что когда-то и кому-то Буркевич высказывала желание отказаться от членства в жакте.

Решив во что бы то ни стало сохранить неправильно занятую квартиру и проучить непослушную гражданку Буркевич, руководители поселкового совета придумали новый коварный план действий: они организовали... обыск вещей гр-ки Буркевич. При обыске были обнаружены 2 охотничьих ружья и старый, изъятый из обращения учебник по истории партии. Не в меру ретивым «блестителям порядка» этого было достаточно, чтобы объявить Буркевич чуть ли не врагом народа, контрреволюционером.

Между прочим, Буркевич, будучи членом партии, обратилась с жалобой к секретарю Максатихинского райкома т. Лебедеву. Тов. Лебедев, выслушав Буркевич, покачал головой и посоветовал ей жаловаться... но куда, куда ей самой заблагорассудится.

Выводы из всей этой истории настолько ясны, что комментировать их незачем.

Не всякий может войти к Чусовскому транспортному прокурору Васильеву.

Везет же некоторым счастливым, которые, как например, Мальгинов, из 15 раз, когда он приходил на прием к т. Васильеву, все же два раза к нему попал.

А вот пенсионер Фелистеев дважды приезжал из Бисера и оба раза напрасно, так как Васильев принимает до часу дня, а поезд № 67, с которым он приезжал, прибывает в Чусовскую по расписанию в 12 ч. 25 м. да еще часто опаздывает. Так что пока 70-летний старик идет от вокзала до прокуратуры, прокурор уже заканчивает прием и никакие просьбы уже тут не помогают.

На Чрезвычайном VIII съезде советов товарищ Сталин в своем историческом выступлении необычайно ярко описал одного из щедринских героев — самодура, пожелавшего закрыть Америку.

К стыду нашему, и в прокурорской системе еще подобного рода «герои» не перевелись. В Брянской прокуратуре имеется прокурор Дульский. Правда, хронологические даты и факты со щедринскими не вполне совпадают, но, да простят мне за такую неточность, кое-что все же похоже. Прокурор Дульский за-

крывать Америку не хотел, но селькорам обрабатываться в прокуратуру с жалобами хотел было запретить.

Дульский также придерживается правила, что не следует утруждать себя ответами жалобщикам на их назойливые запросы о судьбе посланных жалоб. Жалобщики ждут ответа по многу месяцев, а иногда и годами.

Редакция Брянской газеты «Брянский рабочий» назойлива. Она направила прокурору Дульскому 23 письма колхозников и рабочих с очень острыми сигналами о грубейших нарушениях революционной законности. В частности, среди жалоб были жалобы об избитии председателя Паниковецкого сельсовета Зайцева; письмо группы колхозников о загадочной смерти пионера Шуры Гончарова и проч. Все попытки узнать о судьбе этих писем разбивались о ледяное бездушие работников прокуратуры. Тем не менее газета не потеряла надежды на получение ответа. Она даже была так любезна, что посвятила целую статью работе прокурора Дульского. В этой статье она не могла лишить себя удовольствия вспомнить об общеизвестной в брянских масштабах привычке Дульского иной раз выступить на том или ином авторитетном собрании и горячо рассказать о том, что там-то и там-то недостаточно чутко и внимательно относятся к жалобам рабочих и колхозников, о чутком отношении к человеку и пр. и пр.

Несусветная волокита, возмутительно небрежное, наплевательское отношение к запросам трудящихся, утери жалоб и даже преступное уничтожение их, к сожалению, до

сих пор еще не изжиты в прокурорской практике.

В незначительном большинстве прокуратур, как уже было сказано, настоящей борьбы на этих участках работы не ведется. А между тем Ленин, которому подражать и следовать во всем учил нас его гениальный ученик товарищ Сталин, еще в 1921 г. на Всероссийской конференции РКП(б) сказал: «А к суду за волокиту привлекали? Где у нас приговоры народных судов за то, что рабочий или крестьянин, вынужденный четыре или пять раз притти в учреждение, наконец, получает нечто формально правильное, а по сути издевательство? Ведь вы же коммунисты, почему же вы не организуете ловушки этим господам бюрократам и потом не потащите их в народный суд и в тюрьму за эту волокиту? Сколько вы посадили их в тюрьму за волокиту?»¹.

И вот хочется задать этот же вопрос нашим прокурорам — почему не тащите в суд и в тюрьму волокитчиков, бюрократов и иных нарушителей Конституции и революционной законности, всех издевающихся и оскорбляющих достоинство советских граждан, всех, кто заставляет людей месяцами обивать пороги советских учреждений в поисках правды и суда?

ОТ РЕДАКЦИИ. По всем фактам, приводимым в статье т. Богуславской, Прокуратурой Союза затребованы объяснения от соответствующих прокуроров, и действия последних по этим делам проверяются.

В следующем номере журнала редакция пообщит читателям о результатах расследования.

МАРТЫНОВ

Авторские права научных работников

Издание закона об ученых степенях и званиях (постановление СНК СССР от 13 января 1934 г. и пришедшее ему на смену постановление СНК СССР от 20 марта 1937 г.) значительно оживило интерес к вопросам авторского права среди научных работников.

Нельзя отрицать того, что в течение целого ряда лет со стороны наших ученых не проявлялось достаточного внимания к закреплению своих авторских прав на научные достижения. Невнимание к вопросам авторства вызывалось и поддерживалось в значительной степени тем, что вопрос об ученых степенях долгое время оставался неурегулированным, а в деле присвоения ученых званий господствовал полный хаос. Всем известно, как легко и часто без достаточных оснований присваивались самыми различными учреждениями звания профессора, доцента, научного сотрудника. Слишком мало было увязки между этими званиями и научными достижениями.

Закон об ученых степенях и званиях, наконец, поставил это дело надлежащим образом.

Одним из непосредственных результатов явилось пробуждение интереса к своим авторским правам, а вместе с тем и рост связанных с

этим конфликтов. Конфликт в вопросе об авторском праве в данном случае является показателем повышения интереса к научным достижениям со стороны предъявляющего ту или иную претензию. Он показывает рост значимости авторства в научной работе.

Право на ученую степень надо обосновать своими достижениями, причем всякое, даже малое, достижение имеет здесь значение. Оно означает инициативу, отсутствие самоуспокоенности. Из ряда хотя бы не крупных достижений является научное лицо работников. Отсюда забота о том, чтобы результаты всякой работы фиксировались и признавались за данным лицом, как за ее автором.

Забота об этом теперь охватывает самые разнообразнейшие категории работников. Доктора, доценты, аспиранты, научные сотрудники ставят вопросы о признании их авторских прав. Особое значение приобретает вопрос об авторских правах работников различных научно-исследовательских учреждений. В наших условиях работа в научно-исследовательских учреждениях приобретает особо важное значение. Кустарям-одиночкам от науки пришла на смену организованная, плановая работа.

Это ставит на очередь вопрос об авторских правах на достижения, осуществленные в том или ином научно-исследовательском коллективе. В буржуазных странах этот вопрос разрешается просто, по принципу «хозяина и работника». Все то, что работником осуществлено в исследовательских лабораториях, институтах и т. п., принадлежит учреждению-наимателю в силу договора найма труда и содержащихся в нем соответствующих оговорок. Это простирается даже на результаты работ, произведенных у себя на дому или после оставления работы у данного наймателя. Другими словами, — все, что достигнуто исследователем, как бы то ни было и когда бы то ни было, принадлежит законтрактовавшему его предприятию.

У нас вопрос об авторских правах поставлен иначе. В условиях социалистического хозяйства отпадают конкуренция различных организаций, производственные секреты и т. п. Всякое достижение принадлежит коллективу трудящихся в целом, т. е. советскому государству. Но личные авторские права должны быть охранены, работники научных коллективов не должны быть обезличены! Наоборот, на базе социалистического труда их индивидуальность должна развернуться во всю широту и глубину.

Все это приводит к тому, что вопросы авторского права привлекают к себе все большее внимание научных работников и научной общественности.

Заслуживает внимания то, что возникающие на этой почве конфликты часто лишены элемента материальной заинтересованности. При предъявлении той или иной авторской претензии вопрос ставится прежде всего не с его материальной стороны, т. е. не об оплате авторского гонорара. Дело идет в первую очередь о признании личного авторского права, об удостоверении того, что данное изобретение или открытие принадлежит именно данному лицу.

В ряде случаев конкретная обстановка конфликта такова, что отсутствуют даже предпосылки для того, чтобы облечь данную претензию в денежную форму.

Приведем несколько примеров.

Доктор математики жалуется на то, что опубликованная им в одной из работ математическая формула использована в книге другого математика, тоже доктора, без указания авторства жалующегося. В этом он усматривает нарушение его авторского права, но никаких претензий материального порядка не предъявляет. Автора удовлетворяет признание того, что данная формула есть действительно его научное достижение и что обезличенное цитирование этой формулы недопустимо и вызывает предположение, что она дана тем, кто ее цитирует.

Другой пример.

Научный сотрудник Института растениеводства, представивший диссертацию для получения степени доктора ботаники, спорит с другим ботаником, тоже докторантом, о приоритете в классификации опийных маков. Каждый считает себя первым установившим данную классификацию и, следовательно, имеющим право на указание начальной буквы своей фа-

мили в международной ботанической номенклатуре, что имеет значение для получения указанной ученой степени.

Споры, не получающие своего материального выражения, достаточно часты. Особого внимания заслуживают, однако, такие конфликты, в которых и личный момент оказывается вовсе не единственным мотивом протеста. Научные работники начинают рассматривать свои претензии в разрезе интересов общественных.

Например, аспирант научно-исследовательского института, занимающегося вопросами строительства, заявляет о неправильном использовании сотрудником другого, близкого по своим задачам, научно-исследовательского института разработанной им программы электропрогрева шлакобетона. Он не добивается прекращения этой темы за собою и прекращения уже начатых работ в другом институте. Он заинтересован лишь в том, чтобы авторское имя на данную тему было признано за ним. Вместе с тем он ставит вопрос о том, что для подготовки работы по представленной им программе затрачено было свыше 8 тыс. руб. Между тем приглашенный для обсуждения этой программы сотрудник другого института поспешил использовать ее в своем учреждении и этим не только нарушил авторское право, но и омертвил вложенные государством средства.

Научный работник, занимающийся литературно-исследовательской работой, считает необходимым поставить вопрос о недопустимом использовании его работ, представленных для напечатания, со стороны некоторых рецензентов издательства Академии Наук для составления собственных литературных произведений на однородные темы («Ленин и Пушкин», «Щедрин у Ленина» и др.). Признавая трудность доказательства таких заимствований, жалобщик все же проводит ряд сопоставлений текстов, подтверждающих такое явление. Не ставя вопроса о литературной краже, он все же считает необходимым обратить внимание на этот крайне печальный факт.

Как известно, вопрос о некорректном отношении некоторых литературных работников к чужим произведениям ставился уже в печати (см. Ц. О. «Правда» 1937 г., № 78, 83, 84 и 85). Лучшим способом борьбы авторов с этим антиобщественным явлением служит обращение к общественной самодеятельности.

Группа работников Института антропологии и этнографии разработала по заказу Издгиза серию плакатов (графических и объемных) на тему о происхождении и развитии человека. Работа выполнена, принята и оплачена. Тем не менее авторы недовольны. До их сведения дошло, что издательство вместо размножения всей серии плакатов распродает оригиналы в разные руки. Они считают, что данная работа представляет собою ценность научную и пропагандистскую, поскольку сохраняется стройность и выдержанность системы изложения всей темы. Поэтому они ставят вопрос о том, как им бороться против торгашеского отношения издательства к разработанным ими плакатам.

Конфликты, связанные с вопросами авторского права научных работников, вскрывают еще один интересный факт, обращавший на

себя до сего времени недостаточное внимание.

Обычно между вопросом авторского или изобретательского права можно отчетливо провести границу. Достижения в области техники — открытие новой продукции, имеющей промышленное значение, создание новой конструкции, нового двигателя и т. п. — есть область изобретательского, «патентного» права.

Научные достижения, получившие ту или иную объективную форму, составляют объект авторского права на научное произведение.

Это традиционное подразделение, закрепленное в отдельных законодательных актах (закон об изобретениях и закон об авторском праве), отражает, до известной степени, отрыв теории от практики. Этот отрыв совершенно неуместен у нас. Закон 9 марта 1931 г. об изобретениях и технических усовершенствованиях вносит сюда некоторое смягчение. Авторское право изобретателя, противопоставляемое праву на патент, приближается к авторскому праву на литературное, научное или художественное произведение. Однако этого еще недостаточно.

В возникающих в научной среде конфликтах отчетливо сказываются случаи, в которых грани авторского права на научно-литературное произведение и изобретательского права стираются. На их место становится авторское право на научное открытие или научное достижение.

В самом деле, разрешение упомянутой выше проблемы электронагрева шлакобетона есть ли только техническое достижение? Для данного сотрудника научно-исследовательского учреждения это есть вместе с тем научное достижение, осуществленное путем ряда анализов, лабораторных и иных опытов и испы-

таний и т. д. Оно есть показатель его способности к самостоятельной исследовательской работе, показатель его научной квалификации, независимо от «патентоспособности» полученных результатов.

Научный сотрудник института им. Пастера выдвигает для разработки тему о влиянии новокаина на возбудитель бешенства. Тема обсуждается и принимается, но в силу некоторых приводящих обстоятельств разработка ее начинается в другом научно-исследовательском учреждении. Предложивший тему не привлекается к участию в этой работе. Он ставит вопрос о нарушении его права как автора данной темы. Не имея возможности сам поставить необходимые опыты или обязать принять на работу в данное учреждение с поручением разработки данной темы, он ставит вопрос в плоскости авторского права. Разработка темы может дать благоприятные результаты, проверка на фактах покажет правильность выставленной гипотезы, правильность его научной догадки. В дальнейшем возможно открытие действительного средства борьбы с бешенством. С полным основанием данный научный работник требует, чтобы в случае опубликования результатов исследовательской работы его имя было указано как имя автора данной темы.

Здесь не приходится говорить об авторском праве изобретателя, но нет и авторского права на научное произведение. Можно ставить вопрос о соавторстве в научном открытии.

Есть немало случаев, которые не укладываются в рамки действующего закона об авторском праве изобретателя или об авторстве на научные произведения.

Вопрос о личном авторском праве и о праве на научные открытия заслуживает серьезного внимания.

Установление приписок в тексте и восстановление текста по вдавлениям

Одним из вопросов, которые наиболее часто ставятся перед судебным химиком, занимающимся исследованием документов, является вопрос об установлении позднейших приписок в тексте.

Для разрешения подобных вопросов при чернильном тексте идеальным методом являлся бы метод определения абсолютного возраста чернил: если бы мы могли с точностью до нескольких дней устанавливать возраст чернильных записей, то это позволило бы в подавляющем большинстве случаев обнаруживать позднейшие приписки в тексте, так как подобные приписки делаются обычно не тотчас после написания документа, а спустя более или менее значительный промежуток времени.

К сожалению, такой, вполне надежный метод определения возраста чернил, особенно, если говорить о наиболее часто применяемых в настоящее время фиолетовых чернилах, из метил- или кристалл-виолета, мы еще не имеем. Правда, значительный интерес представляют собою результаты работы Мецгера, Ралля и Гесса¹ по вопросу об определении возраста чернил, однако, они еще нуждаются в опытной проверке и дают возможность определять возраст записей лишь с приблизительной точностью.

Поэтому в настоящее время не может быть дана какая-нибудь единая методика для разрешения вопроса об установлении позднейших приписок текста (тем более, что приписки могут выполняться не только чернилами, но и карандашом), а в каждом отдельном случае приходится подыскивать индивидуальный метод для разрешения поставленного вопроса. В данной статье мы и хотим указать на некоторые методы, примененные нами при производстве экспертиз.

Ряд методов установления позднейших приписок описан в известных руководствах по исследованию документов—Осборна, Денштедта² и др., и ими неоднократно приходилось пользоваться на практике. Эти методы можно разделить на две основные группы: 1) методы, основанные на химическом исследовании самого вещества чернил или карандаша, и 2) методы, основанные на исследовании структуры штрихов.

Путем химического исследования чернил удается обнаружить позднейшие приписки в том случае, если они выполнены чернилами, отличающимися по химическому составу от

тех, которыми была выполнена основная запись.

Исследование чернил обычно производится путем нанесения на исследуемые штрихи определенных химических реактивов и наблюдения происходящих при этом изменений окраски штрихов. Однако применяющиеся столь часто в настоящее время фиолетовые анилиновые чернила имеют обычно одинаковый или очень близкий химический состав, и для них этот метод не дает положительных результатов. Но все же, при одинаковом химическом составе два сорта чернил могут отличаться друг от друга по концентрации растворов и по их физико-химическим свойствам. И тем и другим обстоятельством нам неоднократно приходилось пользоваться в практике для установления позднейших приписок. В первом случае приписанный текст отличается тем, что штрихи его являются более бледными или более темными по сравнению со штрихами прочего текста, что может быть обнаружено уже при внимательном осмотре записи невооруженным глазом. Что же касается разницы в физико-химическом состоянии чернил, то она заключается в следующем. Как известно, чернила в громадном большинстве представляют собой коллоидные растворы красящих веществ, и, как таковые, обладают способностью коагулировать. Коагуляция может наступить от самых разнообразных причин, например, от писания заржавевшим пером, или, особенно часто, от употребления пера, на котором имеются остатки чернил другого сорта. При письме подобными коагулировавшими чернилами штрихи оказываются при микроскопическом исследовании не равномерно окрашенными, а сплошь усеянными отдельными точками—кусочками осевшего красящего вещества. При наличии подобных кусочков в штрихах спорной части текста и отсутствии таковых в остальном тексте (либо наоборот) можно дать заключение о позднейшей приписке текста. Этот метод применялся в Одесском институте научно-судебной экспертизы.

Остановимся теперь на вопросе об исследовании штрихов. Весьма часто заключение о позднейшей приписке дается на основании микроскопического исследования места пересечения штрихов спорной части текста со штрихами прочего текста. Поскольку этот вопрос детально освещен в соответствующей литературе, мы на нем подробно останавливаться не будем. Считаем только необходимым подтвердить правильность указания Осборна на то, что при даче заключений на основании микроскопического исследования места пересечения штрихов эксперт ни в коем случае не должен основываться лишь на теоретических предположениях и обязан проверить свое заключение при помощи многократных экспериментов. В частности, как показали наши опыты, нужно соблюдать величайшую осторожность при даче заключений о наличии приписки на основании исследования пересечения карандашных штрихов с оттисками печатей. Сплошь и рядом

¹ Mezger, Rall, Heess, Archiv f. Kriminal., 92, 105 (1933); Heess, ebenda, 96,13 (1935); 101,7 (1937); Dtsch. Zeitsch. f. ges gericht. Med., 28,269. (1937).

² A. Osborn, Questioned Documents, 1929. M. Dennstedt и Voigtlander, Der Nachweis von Schriftfalschungen, 1906.

при микроскопическом исследовании оттиска печати, лежащего на карандашном штрихе, буквально невозможно отделиться от впечатления, что данный оттиск лежит под карандашным штрихом, так как последний зачастую всецело сохраняет свой характерный блеск.

Микроскопическое исследование штрихов может привести к определенному заключению не только при наличии пересечений штрихов, но и в других случаях. Например, путем микроскопического исследования структуры штрихов иногда возможно установить, что штрихи спорного текста выполнены другим пером или при другом положении пера, нежели весь прочий текст. Приведем еще один пример разрешения поставленного вопроса путем микроскопического исследования штрихов. При экспертизе одного документа требовалось установить, не была ли в нем изменена дата путем приписки штриха к обозначению месяца. При микроскопическом исследовании мы обратили внимание на то, что все штрихи в данном документе перекрещиваются многочисленными белыми линиями, образовавшимися вследствие того, что многие волокна бумаги, на которых находилось вещество чернил, отпали, так как расписка имела уже значительную давность. Наряду с отпавшими волокнами микроскопическое исследование обнаружило еще ряд приподнятых и отставших волокон. Что же касается спорного штриха, то на нем чернила лежали равномерным слоем и он не пересекался ни одной белой линией, имелось лишь 2—3 слегка приподнявшихся волокна, что указывало на то, что этот штрих был приписан позже остального текста, вследствие чего ни одно волокно бумаги с лежащими на нем чернилами не успело еще отпасть.

Наконец, для установления позднейших приписок, если они сделаны в какой-либо тетради, может послужить также исследование бумаги последующих страниц. Приведем случай, в котором нами этот метод был применен. В Одесский институт была направлена тетрадь-дневник. Требовалось установить, не были ли в данном дневнике произведены последующие дописки к тексту (автор дневника сплошь и рядом оставлял на страницах пустые места). Дневник был написан карандашом. Спорная часть текста находилась на лицевой стороне листа, на оборотной же стороне листа была выполнена запись, время написания которой не возбуждало сомнений. Непосредственно же против нее на следующей странице было пустое место — чистая бумага. На этом участке чистой белой бумаги имелись вдавления, образовавшиеся в результате выполнения карандашом спорного текста на предыдущем листе. При осмотре этих вдавлений в них, в некоторых точках, были обнаружены отложения карандаша. При сопоставлении местонахождения этих точек с текстом на предыдущих двух страницах оказалось, что эти отложения соответствуют точкам пересечения штрихов спорной записи со штрихами текста, расположенного на обороте спорной записи. Таким образом, текст, расположенный на обороте спорной записи, выполнил роль копировальной бумаги, и в тех местах, где штрихи спорного текста пересекались со штрихами текста, выполненного на обороте, там вещество штрихов последнего и перешло на следующую страни-

цу. Таким образом наличие черных точек во вдавлениях неопровержимо доказывало, что спорный текст был выполнен после записи на следующей странице, т. е. что он был приписан позже.

Поскольку в последнем казусе шла речь о вдавлениях на бумаге от письма карандашом, воспользуемся случаем высказать одно свое соображение по вопросу о восстановлении текста по вдавлениям. Как показала практика ОИНСЭ, восстановление текста документа, написанного карандашом, по вдавлениям, оставшимся на бумаге, лежавшей под документом в момент его выполнения, — является вопросом, который нередко ставится следственным работникам. Обычно применяемая в этих случаях методика — это фотографирование объекта на аппарате Урбана при косом освещении. Тогда во вдавлениях залегают тени, которые фиксируются фотопластинкой. Однако, как нетрудно убедиться каждому, при косом освещении тень образуется только от штрихов, расположенных под углом, близким к прямому по отношению к направлению светового луча, те же вдавления, которые расположены параллельно направлению светового луча, остаются невидимыми. Обычно на аппарате Урбана документ устанавливается так, чтобы освещающий сбоку пучок лучей падал перпендикулярно по отношению к вдавлениям от основных штрихов, тогда вдавлений, остающихся невидимыми, будет минимальное количество. Однако и в этом случае часть вдавлений все же будет оставаться незафиксированной, и восстановление текста обычно бывает довольно затруднительным.

Наше предложение заключается в том, чтобы исследуемый объект фотографировать на аппарате Урбана два раза, причем при втором фотографировании исследуемый документ повернуть в его плоскости на 90°, оставляя совершенно неизменным положение фотоаппарата и источник света. Тогда те штрихи (вдавления), которые оставались невыявленными при первом фотографировании, будут зафиксированы на фотопластинке при втором (и наоборот). Полученные негативы затем совмещаются, и по ним либо производится непосредственно чтение текста, либо с совмещенных негативов производится на проекционном аппарате печатание на бумаге. Для удобства совмещения негативов можно второй снимок произвести на пластинке, установленной к объективу стеклом, передвинув перед вкладыванием кассеты раму матового стекла вперед на толщину стекла пластинки.

М. Козловский

О надзоре за законностью прекращения уголовных дел

Практика прекращения уголовных дел как следственными, так и судебными органами требует серьезного и систематического надзора со стороны прокуроров. Нельзя признать терпимым такое положение, когда грубейшие нарушения закона проходят мимо внимания органов прокуратуры или в лучшем случае выявляются и исправляются с большим запозданием.

Прекращение возбужденного уголовного пре-

следования в тех случаях, когда нет оснований для привлечения к уголовной ответственности — одна из элементарнейших обязанностей как органов предварительного расследования и прокуратуры, так и подготовительных заседаний судов первой инстанции. В нашей социалистической стране, где человек рассматривается как самый ценный капитал, когда действует Сталинская Конституция, эта задача приобретает особенно большое значение.

Наряду с еще далеко неизжитыми фактами неосновательного привлечения к уголовной ответственности, неосновательного предания суду и осуждения, мы имеем также весьма значительное количество фактов прекращения уголовных дел по таким мотивам, которые, согласно закону, никоим образом не могут служить основаниями для прекращения уголовного дела, причем в ряде случаев потребовалось вмешательство Прокурора Союза для того, чтобы эти грубейшие ошибки в практике прекращения уголовных дел были устранены.

Это, например, имело место по делу кассирши магазина Каспийского пароходства Изматдиновой. Она была предана суду по обвинению в присвоении денег и пачки кассовых чеков. Подготовительное заседание водно-транспортного суда Каспийского бассейна 13 января 1937 г. прекратило это дело на том основании, что похищенная Изматдиновой сумма была ею возвращена, что она достаточно грамотная, что ей всего 21 год. Характерно, что и водно-транспортная коллегия Верховного суда СССР это определение оставила в силе. Только по протесту Прокуратуры СССР судебная коллегия Верховного суда определение о прекращении дела отменила, правильно указав, что «мотивы к прекращению дела неосновательны, так как, установив факт хищения, суд мог, пользуясь этими мотивами, определить Изматдиновой соответствующую меру наказания, но не имел никакого основания прекращать производством дело, в котором есть явные признаки уголовно-наказуемого деяния».

Таким образом, в данном случае в основу прекращения уголовного дела были положены такие обстоятельства, которые по закону могли служить лишь основанием для смягчения меры уголовного наказания.

В ряде случаев мы имеем прекращение уголовных дел по таким мотивам и поводам, которые согласно закону дают основания не для прекращения, а лишь для приостановления производства по тому или иному делу. Сюда, например, относятся факты прекращения дел «из-за неизвестности адреса обвиняемого», к тому же при отсутствии малейших усилий к установлению места нахождения обвиняемого. Такие факты выявлены при ревизиях народных судов, по таким мотивам иногда прекращались дела о таких серьезных преступлениях, как нарушения правил техники безопасности, повлекшие за собой тяжкие последствия, о спекуляции и т. п.

Так, например, народным судом Наусского р-на (БССР) прекращено было несколько дел о спекулянтах по мотивам «нецелесообразности вызова обвиняемых из Ленинграда».

Нарсудом 1-го участка г. Ташкента (Узбекской ССР) было прекращено в судебном засе-

дании дело о спекуляции по мотивам, что обвиняемый не имеет определенного местожительства и в адресном столе не значится.

Тот же нарсуд прекращает другое дело о спекуляции по обвинению Петрякова по следующему мотивам: «нет адреса обвиняемого, не объявлено об окончании следствия, а равно не предъявлено обвинения».

Мы имеем далее в ряде случаев совершенно определенное злоупотребление и такими формально законными поводами для прекращения дел, как недостаточность собранных улик. Само собой разумеется, никоим образом нельзя допускать не только осуждения, но и предания суду при отсутствии достаточных улик. Тенденция раз возбужденное уголовное дело во что бы то ни стало направить и заканчивать обвинительным заключением есть не что иное, как пресловутый обвинительный подход, нетерпимость которого неоднократно отмечалась. Но органы предварительного расследования обязаны сделать все возможное и необходимое в условиях данного конкретного уголовного дела для того, чтобы всесторонне исследовать дело, собрать все имеющиеся улики и только после того, как все возможности в этом направлении исчерпаны, может идти речь о достаточности или недостаточности собранных улик для предания суду, для направления дела с обвинительным заключением. Если же не все, что нужно и можно для расследования дела, для собирания улик, сделано, то, естественно, улики даже по таким делам, где наличие преступлений и конкретных виновников очевидно, будут казаться недостаточными. В подобном рода случаях обязанность прокурора или суда заключается не в том, чтобы прекратить дело, а в том, чтобы направить дело к доследованию, к восполнению тех существенных пробелов, которые были допущены на предварительном расследовании, разумеется, если только эти пробелы, несмотря на упущенное время, могут быть восполнены. Между тем можно было бы привести ряд фактов прекращения дел в условиях, которые давали основание лишь для направления дела к доследованию. Вот один характерный пример. Из магазина города Саратова путем взлома окна похищены 2287 рублей. Следователь это дело расследовал в течение 2 месяцев и, не найдя виновников хищения, привлек заведующего магазином к уголовной ответственности по ст. 111 Уголовного кодекса. Прокурор с этим согласился, а подготовительное заседание дело прекратило «за недостаточностью улик». Но делу не суждено было на этом закончиться. Через некоторое время после прекращения его из того же магазина было произведено хищение 3600 рублей, на этот раз путем взлома стены из соседнего помещения. При вторичном расследовании дела, которое первоначально вел уголовный розыск, а затем следователь, преступление вновь не было раскрыто и дело было прекращено «за недостаточностью улик». Между тем, недостаточность улик в обоих случаях являлась прямым результатом того, что органы расследования ограничились крайне поверхностным расследованием, не произвели целого ряда необходимых и вполне возможных следственных и розыскных действий, а, стало быть, это дело нужно было не прекращать и не санкционировать преда-

ние суду по ст. 111 УК, а направить к доследованию. При доследовании оказалось, что в данном случае имело место не что иное как симуляция хищения.

Серьезные извращения в ряде случаев имеют место и при прекращении уголовных дел по мотивам, указанным в ст. 8 УК и в примечании ст. 6 УК. Иногда по таким мотивам прекращаются дела о серьезных преступлениях, борьба с которыми имеет высокую политическую актуальность. Факты неправильно, незаконного прекращения в таком порядке уголовных дел встречаются по разнообразным категориям дел, как например, по делам о спекуляции, о зломном хулиганстве, о преступлениях, направленных против раскрепощения женщин, и т. д. По одному делу было доказано как показаниями свидетелей, так и сознанием самой обвиняемой, что последняя, некая Михайлова, в течение нескольких месяцев занималась скупкой и перепродажей масла, что она систематически спекулировала, тем не менее народный суд прекращает это дело в подготовительном заседании «за маловажность состава преступления». Можно было бы совершенно аналогичные факты привести и по делам о хищениях социалистической собственности и по делам о контрреволюционных преступлениях.

В подобных случаях мы, по меньшей мере, имеем явную политическую недооценку социальной опасности отдельных преступлений, притупление революционной бдительности. Мы говорим — по меньшей мере, потому что здесь не исключены отдельные случаи, когда незаконное прекращение уголовных дел осуществляется проникищими в судебные, следственные и прокурорские органы антисоветскими элементами для того, чтобы выгородить своих сообщников и единомышленников. Такие факты вскрыты, и они еще и еще раз подчеркивают необходимость повышенной бдительности и на данном участке надзора всякий раз, когда приходится сталкиваться с незаконным прекращением уголовных дел.

Не должны прокуроры относиться пассивно к тем грубейшим нарушениям закона, которые еще имеют значительное распространение в практике прекращения судами дел так называемого частного обвинения. В ряде случаев прекращение подобных дел носит характер отказа в защите неприкосновенности, чести и достоинства советского гражданина.

Извращения и нарушения закона наблюдаются и при прекращении дел кассационными, а иногда и надзорными судебными инстанциями. Так, например, ревизией магазина сельпо Шацкого р-на Московской области была обнаружена у продавца магазина Кровякова недостача денег в сумме 1500 рублей. На предварительном и судебном следствии обвиняемый признал, что часть денег присвоил, а часть будто бы у него похитили из магазина, причем об этой краже он до ревизии и до передачи дела в следственные органы никому не заявлял. При таких условиях народный суд совершенно правильно признал доказанной растрату и приговорил виновного к 2 годам лишения свободы. Но кассоллегия Мособлсуда это дело производством прекращает на том основании, что недостача была покрыта Кровяковым после возбуждения против него дела.

Это определение было отменено уголовно-судебной коллегией Верховного суда РСФСР как совершенно неправильное. При проверке в июне 1937 г. нарсуда Покровского р-на Оренбургской области выявлено было аналогичное неправильное определение о прекращении дела. У бухгалтера райпо Покровского р-на Вольвича оказалась недостача наличных денег в сумме 2300 рублей. Это была явная растрата, но так как Вольвич обещал ее покрыть, то администрация акта о растрате не составила, и Вольвич остался на прежней работе. Только спустя полтора года при вторичной проверке и ревизии опять была обнаружена растрата, и после этого Вольвич был привлечен к уголовной ответственности. При допросе на предварительном следствии Вольвич признал факт недостачи и объяснил, что часть денег он израсходовал на свои нужды. Нарсуд в декабре 1936 г. приговорил Вольвича по 1 ч. 116 ст. УК к лишению свободы на 1 год 6 месяцев. А кассоллегия Оренбургского облсуда это дело прекратила на том основании, что Вольвич часть растраты погасил. Чем, как не попустительством растратчикам, являются подобные определения кассоллегии?

Можно было бы, далее, привести факты, с несомненностью доказывающие, что в ряде случаев незаконное прекращение уголовных дел является результатом подчинения отдельных следователей, судей, прокуроров неправильным, незаконным местным влияниям и давлениям, а иногда семейственности, круговой поруке. Яркий факт этого рода недавно был приведен в заметке «Законники», опубликованной в «Известиях ЦИК и ВЦИК» от 11 августа с. г. Бартанова, работника дорожного отдела Кировабадского городского совета, судили за растрату и подлог. Но Бартанов знал, что пока в Кировабаде на посту председателя городского совета находится Джапар Кулиев, его в обиду не дадут. И, действительно, под давлением этого председателя, оказавшегося в числе буржуазных контрреволюционных националистов, нарсудья Мамедов это дело прекратил, Бартанов был отпущен восвояси и быстро ретировался в Баку на другую ответственную работу! Другой факт. Председатель колхоза им. Берия Кулам Мамедов и его сподвижники были привлечены за растрату 3 тысяч рублей, но под местными давлениями это дело было прекращено, преступники продолжали разворовывать колхоз, и недавно здесь была обнаружена новая громадная растрата.

Газета «Социалистический Донбасс» от 10 сентября с. г. (Сталино, УССР) разоблачила действия народного следователя Задорожного по делу о самоубийстве гражданки Наталии Вольнец. Несмотря на то, что самоубийство произошло в результате издевательства со стороны мужа, несмотря на наличие достаточных данных, изобличающих мужа, народный следователь Задорожный продержал дело 2 месяца, а затем представил его на прекращение городскому прокурору.

Приведенные выше факты дают достаточное основание для вывода о необходимости, одновременно с самой решительной, неуклонной борьбой с неосновательным возбуждением уголовного преследования, неосновательным преданием суду, неосновательным осуждением людей, — усилить надзор прокуроров за закон-

ностью и правильностью прекращения уголовных дел. И то и другое непосредственно вытекает из требований и задач, которые ставит перед органами прокурорского надзора Сталинская Конституция.

Возможности активного надзора прокуроров в этой области несомненно имеются. Во-первых, прокурор руководит предварительным расследованием. Во-вторых, 204 ст. УПК указывает, что «постановление о прекращении дела может быть обжаловано в пятидневный срок органу, наблюдающему за предварительным расследованием», т. е. прокурору. Следовательно, прокурор имеет возможность о неправильном прекращении уголовных дел органами расследования узнавать из жалоб, равным образом, из заметок печати. А самое главное, прокурор имеет право и возможность, не дожидаясь жалоб, периодически проверять прекращенные органами расследования дела и во-время исправлять ошибки органов расследования в части незаконного и неправильного прекращения дел. Прокурор имеет возможность и обязан на этих ошибках заострить внимание не только того следователя, который их непосредственно допустил, но и других работников предварительного расследования на инструктивных совещаниях в порядке предупреждения.

Не менее широкие возможности имеет прокурор и по наблюдению за законностью и правильностью прекращения дел подготовительными заседаниями судов. Ведь, как правило, суды прекращают дела именно в подготовительных заседаниях, а в последних, согласно неоднократным указаниям прокуратуры Союза, прокуроры обязаны принимать систематическое участие. Если тем не менее мы имеем много фактов, когда прокуроры оказываются в полном неведении о грубейших извращениях, допускаемых подготовительными заседаниями при прекращении отдельных дел, то это целиком и полностью является результатом продолжающегося игнорирования прокурорами своей обязанности участвовать в подготовительных заседаниях.

Но даже в тех случаях, когда прокурор в силу тех или иных причин не мог принять участия в подготовительном заседании, разве не обязан прокурор (если только он не поинтересоваться судьбой тех дел, которые им же были направлены в суд с обвинительным заключением, разве не обязан прокурор опротестовать постановления подготовительного заседания о прекращении дела тогда, когда эти постановления неправильны и незаконны?

В значительной мере сказанное относится и к надзору за прекращением дел кассационными и надзорными инстанциями.

Возможности для усиления надзора за законностью и правильностью прекращения уголовных дел у прокурора имеются, и задача заключается в том, чтобы эти возможности были полностью и своевременно использованы.

Н. Лаговьер.

Осмотр места преступления

Криминалистика учит нас особенно тщательно обращать внимание на осмотр места преступления.

Я хочу показать на нескольких примерах своей работы, как влияет на исход дела неправильный, недостаточно четко проведенный осмотр места преступления.

В апреле 1935 г. гр-н К. вместе с четырьмя другими колхозниками был направлен правлением колхоза на Корелинский пункт Заготзерно, который находится от места жительства К. в 50 километрах, для сдачи зерна по обязательным поставкам.

Сдав зерно, колхозники направились домой и, проехав 25 км, решили дать отдохнуть себе и лошадям.

Оставив лошадей на улице и дав им корму, они зашли в дом отдохнуть и немного выпили. Когда они вышли из дома, чтобы ехать домой, то лошадей на месте не оказалось.

Озабоченные колхозники решили направиться по различным дорогам в поиски лошадей. Оказалось, что лошади, съев заданный им корм, направились в колхоз. На следующий день домой явились все колхозники за исключением К.

На вторые сутки вечером в дом матери К. явился односельчанин, единоличник Д., и заявил, что видел К. на расстоянии 800 метров от деревни, который сидел якобы у дороги и не мог двигаться вследствие опьянения.

Мать К. немедленно сообщила об этом председателю колхоза, и последний организовал поиски К. в указанном направлении. Труп К. лицом вниз с подложенными под голову руками был найден на перекрестке дорог в расстоянии 2 километров от деревни.

Об этом было доложено участковому инспектору, который явился к месту преступления поздней ночью и, вопреки запрещению, поднял ночью труп. Из составленного при этом протокола не видно, найдены ли были возле трупа какие-либо посторонние предметы или следы. При вскрытии трупа было установлено, что смерть К. последовала от задушения.

Инспектор передал дело начальнику милиции, который, судя по бессмысленному протоколу осмотра места преступления, решил, что К. умер вследствие опьянения, и дело сдал в архив, без согласования с районным прокурором.

Спустя 6 месяцев после этого происшествия в районную прокуратуру поступила жалоба, что следствие по делу убийства К. не ведется, и мною было поручено следователю произвести срочное расследование.

Из допроса свидетелей было установлено, что К. был в прошлом комсомолец-активист. В 1929 г., при организации колхоза, обозвал Д. кулаком, на что Д. заявил в присутствии всего собрания: «Помни, я тебе в удобный момент дам кулака».

Допрошенный Д. пояснил, что он ехал на лошади на поправу поздно вечером и на расстоянии 800 метров от деревни встретил К., который был сильно пьян и не мог двигаться. Объехав его дальше метров на 30, начал косить траву и, возвращаясь обратно через 15 минут, К. на прежнем месте не нашел. Будучи трижды допрошенным, Д. давал противные, как бы, им заученные показания.

Присутствовавшие при поднятии трупа колхозники заявили, что рядом с трупом проходил колесный след в направлении от деревни.

Эти данные дали возможность учесть Д. и последний вынужден был сознаться в убийстве К.

Или другой случай. В деревне Ново-Никольской Велижанского района исчез гр-н Л. Семидневные поиски не дали никаких результатов, и подозрение пало на его жену, с которой у него были плохие отношения.

На восьмые сутки труп Л. был найден в озере.

Следователь, явившись к месту извлечения трупа, произвел тщательный осмотр места преступления.

На расстоянии 200 метров от трупа у берега оказалась опрокинутая лодка и несколько бревен. При наружном осмотре трупа никаких признаков насильственной смерти не обнаружено.

Все объективные признаки говорили о том, что Л. заготавливал дрова и, перевозя их на лодке, потерял равновесие и утонул.

И, наконец, последний пример.

В деревне Иска Велижанского района около магазина сельпо рано утром был обнаружен труп сторожихи магазина.

Осмотр места преступления не дал никаких результатов, так как у магазина сельпо уже было много народу и следы оказались перепутанными. Возле двери магазина валялся кусочек металла от изломанного поршневого кольца тракторного мотора.

Производивший осмотр не придал значения этому обломку, а фельдшер, осматривавший труп, констатировал, что смерть А. последовала от нанесения ей семи ран и раздробления черепа тяжелым железным предметом.

Прибывший на место следователь обратил внимание на найденный поршневой кусок железа.

Тщательный осмотр показал, что смерть А. последовала от нанесения ударов по голове тяжелым зубчатым железным предметом в виде шестерни. У следователя возникла мысль, что убийцей является кто-либо из работников МТС, возможно трактористов.

Следователь вызвал директора МТС для выяснения, кто из его работников мог бы совершить такое преступление. Директор перечислил трех трактористов.

Направив следствие по этому пути, через короткое время удалось преступников обнаружить.

Эти примеры показывают, как важно тщательно осматривать место преступления.

Дятлов.

О наказании как методе удовлетворения потерпевшего¹

В № 9 «Социалистической законности» за 1937 год помещена статья А. Кирзнера «Наказание как удовлетворение потерпевшего».

По мнению автора «наказание неизбежно должно преследовать еще и третью цель: это некоторое удовлетворение потерпевшего».

Эту цель — удовлетворение потерпевшего — автор предлагает осуществлять путем воспреещения обвиняемому проживать на определен-

ный период времени в той местности, где обвиняемым совершено преступление.

А для этого автор считает, «что в приговоре по обвинению в умышленном убийстве, в причинении тяжкого увечья и т. д. обязательным дополнительным наказанием должно явиться и воспреещение по отбытии наказания проживания и даже въезда в те места, где находится потерпевший от преступления».

Статья т. Кирзнера содержит в себе ряд неправомерностей, противоречащих ныне действующему уголовному законодательству в вопросе о целях применения мер социальной защиты.

Так, согласно УК УССР (ст. 5) и УК РСФСР (ст. 9), «меры социальной защиты применяются в целях:

а) предупреждения новых преступлений со стороны лиц, совершивших их;

б) воздействия на других неустойчивых членов общества;

в) приспособления совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся».

Меры социальной защиты не могут иметь целью причинение физического страдания или унижения человеческого достоинства и задачи возмездия и кары себе не ставят» (подчеркнуто мною. — А. Ш.).

Закон в отношении мер социальной защиты дает точную установку и здесь же указывает, что применение этих мер социальной защиты не должно сопровождаться возмездием и карой.

Другими словами, законодатель не обязывает суды при применении ими меры социальной защиты, необходимой для перевоспитания обвиняемого, совершившего преступление, морально удовлетворять потерпевшего путем воспреещения обвиняемому не только проживать, но даже и въезжать в ту местность, где обвиняемым совершено преступление и где проживает потерпевший от преступления. Ибо это «моральное удовлетворение потерпевшего» по существу и является тем возмездием, о недопустимости применения которого трактует законодатель.

Автор же обсуждаемой статьи, говоря о моральном удовлетворении потерпевшего, тем самым, быть может, незаметно для самого себя, протаскивает теорию возмездия, чуждую и неприменимую в советском уголовном законодательстве. Чем другим, как не возмездием, можно объяснить следующие слова автора: «Потерпевший, у которого в большинстве случаев нет способа исправить или возместить (подчеркнуто мною. — А. Ш.) причиненное ему зло, должен быть удовлетворен хотя бы тем, что преступник будет изъят навсегда» и т. д.

Если к этому добавить, что в силу действующего Гражданского кодекса УССР (ст. 5) «каждый гражданин УССР и советских республик имеет право свободно передвигаться и селиться на территории УССР (подчеркнуто мною. — А. Ш.), то предложение А. Кирзнера, сводящееся к воспреещению осужденному по отбытии им меры социальной защиты проживать на территории местности, где проживает потерпевший, как противоречащее уголовной политике СССР, должно быть отвергнуто.

¹ В порядке обсуждения.

Надо покончить с такой практикой

В результате неоднократных разъяснений пленума Верховного суда Союза СССР ст. ст. 23, 25, 26 и 28 Основ уголовного судопроизводства Союза СССР (постановление XII пленума Верховного суда Союза СССР от 26—27/XI 1926 г., протокол № 3, п. 3; постановление XXXIII пленума от 10 мая 1931 г., протокол № 1, п. 5 и постановление XX пленума от 11 мая 1928 года, протокол № 6, п. 1) об отсутствии у пленумов верховных судов при разрешении дел, в порядке надзора, права на непосредственное увеличение меры социальной защиты, назначенной судом первой инстанции, без передачи дела на новое рассмотрение, и о недопустимости отмены кассационными инстанциями, без протеста прокурора, приговоров по делам, рассмотренным по кассационным жалобам осужденных, за мягкостью определенной судом меры репрессии, — у нас установилась соответствующая этим установкам практика, и случаев нарушения пленумом и кассоколлегией Верховного суда Аджарии приведенных выше директив Верховного суда Союза за последнее время не наблюдается.

Но, изжив неправильности в одной области, мы впадаем в ошибки другого рода, в такой же мере недопустимые, сводящие все дальнейшее, после передачи дела на новое рассмотрение, судебное производство к пустой формальности, рассчитанной лишь на механическое усиление осужденному меры наказания, без исследования фактических обстоятельств дела.

Мы имеем в виду все еще наблюдающиеся у нас случаи передачи дел на новое рассмотрение за мягкостью назначенной судом меры репрессии, со стадии прений сторон.

Так, например, по делу Кобулетского райнарсуда по обвинению Цуцунава в растрате, кассоколлегия Верховного суда Аджарии, отменив по протесту прокурора приговор нарсуда за мягкостью наказания, передала дело на новое рассмотрение со стадии прений сторон.

Поставленный в такие рамки суд в приведенном выше случае выслушал объяснение защитника и последнее слово обвиняемого и вынес приговор, повысив последнему наказание в соответствии с указаниями кассационной инстанции.

11 февраля 1937 г. Кобулетским райнарсудом рассмотрено было дело № 5/556 по обвинению Григория Мгалоблишвили в растрате, приговор по коему был отменен в порядке надзора пленумом Верховного суда Аджарии за мягкостью назначенной судом осужденному Мгалоблишвили меры наказания. Слушание дела началось со стадии прений сторон, без производства судебного следствия. В приговоре прямо указано, что суд признает преступление доказанным, исходя из постановления пленума Верховного суда Аджарии.

Допустимо ли это с точки зрения закона? Безусловно нет.

Ст. 23 Основных начал уголовного судопроизводства Союза СССР и 319 ст. УПК Грузии обязывают суды основывать свой приговор исключительно на имеющихся в деле данных, рассмотренных на судебном заседании.

Поскольку в указанных выше двух случаях суд не опрашивал обвиняемого и свидетелей, словом, не проводил судебного следствия, он не располагал данными, необходимыми для разрешения дела по существу, а потому приговор, вынесенный в таком порядке, не мог иметь силы законно состоявшегося судебного приговора.

Приводимые, обычно, в оправдание подобной практики объяснения, что, при установленности фактических обстоятельств инкриминируемой обвиняемому преступной деятельности, проведение при вторичном рассмотрении дела нового судебного следствия является простой формальностью, лишь тормозящей своевременное окончание дела, не могут быть признаны основательными, так как вопрос о признании обвиняемого виновным в преступлении и о назначении ему наказания при всех обстоятельствах связан как с совокупностью установленных по делу объективных данных, так и с условиями, вытекающими из личности преступника. Этот материал в каждом отдельном случае подлежит непосредственной оценке суда в порядке 319 ст. УПК.

Еще в 1936 году по предложению Верховного суда Союза ССР президиумом Верховного суда Грузии был отменен приговор нарсуда Люксембургского района по делу врача Ботерашвили, обвинявшегося в изнасиловании, именно в виду передачи этого дела кассационной коллегией Верховного суда Грузии на новое рассмотрение со стадии прений сторон. Мы не сумели извлечь соответствующих выводов из разъяснения Верховного суда Союза по делу Ботерашвили и продолжаем допускать аналогичные ошибки.

Какие бы доводы ни приводились работниками юстиции в обоснование подобной практики, ясно одно, что практика эта ведет к «механизации» процесса, грубейшим образом нарушает процессуальные гарантии обвиняемого и вообще является результатом таких упрощенческих тенденций при разрешении уголовных дел, с которыми необходимо повести решительную борьбу.

Я. Апакидзе

ОТ РЕДАКЦИИ. По распоряжению Прокурора Союза все приговоры по делам, приводимым в статье г. Апакидзе, опротестованы Прокуратурой Союза.

Редакция обращает внимание НКЮ СССР на эти грубейшие нарушения, практикуемые Верховным судом Аджарской АССР, и ждет сообщения о мерах, принятых для прекращения этого безобразия.

Государственный обвинитель

Что требуется от прокурора — государственного обвинителя, в стране, где действует Сталинская Конституция, отражающая великие победы социализма?

Государственный обвинитель на судебной трибуне должен быть выразителем воли пролетарской диктатуры. На трибуне советского правосудия государственный обвинитель должен охранять государственный строй социализма, беспощадно разить врагов, помогать суду в деле воспитания граждан в духе социалистического правосознания, безграничного ува-

жения к священным законам нашей великой родины.

Прокурор до выступления в суде по конкретному делу должен проделать чрезвычайно большую работу. Во-первых, он обязан изучить данное конкретное дело на основании собранных улик. Во-вторых, он должен подготовиться к проведению судебного следствия, чтобы быть активным участником процесса. В-третьих, прокурор должен хорошо подготовиться к выступлению на суде с обвинительной речью.

За 5 месяцев 1937 года мне пришлось 15 раз выступать государственным обвинителем в народном суде и в Верховном суде Киргизской ССР, и каждый раз, уходя домой после процесса, я чувствовал особенную приподнятость и удовлетворенность.

Высшей наградой для обвинителя является установление полного контакта между ним и массой, присутствующей на суде.

А для этого прокурор должен знать данную аудиторию и строить свою речь с учетом культурного уровня аудитории и ее специфических интересов.

До 1936 года народный суд в районе, где мне впоследствии пришлось работать, не проводил показательных судебных процессов с участием сторон, а в городе и районе имели место растраты и было развито хулиганство и грабежи.

Стоило провести несколько показательных судебных процессов, и народ увидел, что суд стоит на страже закона. После этих процессов и само население стало больше помогать прокуратуре, милиции и суду, создав вокруг преступных элементов соответствующую атмосферу.

Обвинительная речь прокурора в суде должна быть правдивой и глубоко продуманной.

Государственный обвинитель должен быть всесторонне развитым человеком, ибо ему приходится давать политическую оценку преступления, решать вопросы юридической квалификации, подвергать тщательному анализу собранные по делу улики, бороться с коварными приемами врага. Эта серьезная задача по плечу только высоко развитому культурному прокурору. Имея юридическое образование и постоянно пополняя свои знания и расширяя свой кругозор чтением серьезной литературы, можно быть уверенным, что правильно поймешь к решению вопроса.

Прокурор может сделать более убедительным свое выступление в суде, если он, зная художественную литературу, иллюстрирует свою речь цитатами из бессмертных произведений Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Грибоедова, Достоевского, Чехова и других великих русских писателей.

А для того чтобы рассказать в своем выступлении, что мы живем в действительно героическую эпоху, показать, как советский человек беспредельно предан социалистической родине, — для этого в нашей повседневной жизни более чем достаточно примеров. В своем выступлении с судебной трибуны мне пришлось, например, цитировать ответ героя Советского Союза В. Молокова, который он дал в Лондоне, когда его спросили, во имя чего он рисковал жизнью, спасая челюскинцев: «Я только выполнил долг советского летчика пе-

ред своей страной и своим правительством. Я думаю, что все другие советские граждане, получив такое задание, тоже выполнили бы его, ибо в нашей стране понятие долга перед родиной — это высший закон».

В заключение мне хотелось бы особо подчеркнуть, что хорошим, подлинно советским прокурором будет только тот, который любит свою прокурорскую работу и понимает, какая почетная обязанность возложена на нас, прокуроров, Великой Сталинской Конституцией.

Е. Засухин.

Поучительное дело

Колхоз «Победа» являлся одним из самых крупных и передовых колхозов Пентубаевского района Марийской АССР. Но, благодаря ротзейству и беспечности отдельных районных работников, в колхоз пробралась группа кулаков и сектантов-евангелистов, которые, захватив в нем руководящие посты, в течение короткого времени превратили колхоз из передового в отстающий. Так, в роли председателя колхоза оказался бывший кулак, осужденный Вохминцев К. С.

Этот Вохминцев в свое время пробрался на должность председателя сельсовета, где защищал кулаков и помог им проникнуть в колхозы.

Членом ревизионной комиссии оказался бывший лишенец, кулак Домрачев А. А., который еще в 1930—1931 гг. вел бешеную агитацию против колхоза.

Бригадир 1-й бригады Домрачев И. Я. — сын кулака. Счетовод Домрачев, сектант-евангелист, до 1935 г. вел агитацию против колхоза, в том же году он разогнал религиозников с колхозной работы по случаю религиозного праздника.

Кассир Вохминцев — бывший лишенец, сектант-евангелист. Заведующий мельницей и контролер Вохминцев С. И., кулак, в 1933 г. исключался из колхоза как кулак, но сумел снова пробраться в колхоз.

Кладовщик Чегасев В. И., жулик и расхититель колхозного хлеба, ближайший сообщник указанных выше кулаков и сектантов.

Эта группа негодяев, врагов народа в течение двух лет производила организованное хищение колхозного хлеба, продуктов и средств колхоза. Так, лишь с конца 1935 г. эта шайка расхитила 3770 пудов 18 фунтов колхозного хлеба, украла десятки килограммов масла с МТФ, несколько тысяч рублей колхозных средств и т. д.

Пользуясь ротзейством некоторых районных работников, эти кулаки и сектанты до того распоясались, что открыто повели антисоветскую агитацию. Хищение колхозного хлеба начали производить открыто, отправляя со складов целыми возами. В момент обмола умышленно оставляли партии хлеба на току под «охраной» своих сообщников, чтобы ночью его разворовать.

Заведующий мельницей Вохминцев С. И. до того обнаглел, что, расхитив несколько сот пудов хлеба, совершил поджог мельницы, чтобы скрыть следы своего преступления. За такое преступление Вохминцев С. И. по совершенно непонятным причинам отделался лишь «административным взысканием».

Председатель колхоза Вохминцев К. С. открыто заявлял: «пусть колхозники сдыхают с голода, но работы им не дам».

Эти преступления были выявлены колхозниками и расследованием подтверждены. Больше того, некоторые из этой группы были разоблачены как участники неудавшегося в 1930—1931 гг. покушения на жизнь коммуниста Глазырина. Казалось бы, преступления их должны квалифицироваться ст. ст. 58-7, 58-10, 58-11 Уголовного кодекса. Однако райпрокурор Старостин квалифицировал указанные преступления по ст. 109 и 1 ч. ст. 116 УК, а пом. прокурора Марийской АССР Садовин согласился с такой квалификацией и направил дело для рассмотрения в народный суд.

Лишь благодаря бдительности народного судьи т. Андреева дело постановлением подготовительного заседания возвращено в прокуратуру МАССР.

Пока негодия, враги народа преспокойно гуляют на свободе, под подпиской и продолжают «работать» в колхозе.

Из этого факта прокурор Марийской АССР должен сделать соответствующие выводы.

Шарбуев.

О протоколах судебных решений

Ознакомившись со статьей Лукьяновича («Социалистическая законность» № 3 за 1937 год) и секретаря народного суда с. Б. Биски Седлецкой по вопросу о составлении протоколов судебных заседаний, считаю точку зрения Лукьяновича неверной.

В УИК действительно не сказано, как надо писать протоколы судебных заседаний—чернилами, карандашом или на пишущей машинке, но это не значит, что протоколы можно писать карандашом, разноцветными чернилами или на машинке. В судебном заседании печатать протокола не будешь, а на перепечатывание его с писанного потребуется довольно много времени, каким секретари народных судов не располагают. Перепечатывание протокола тем более нецелесообразно, что нового в протокол ничего не добавишь. Протоколы нужно писать в судебном заседании, улавливать и записывать в них основные моменты; стараться дословно записать в протоколы показания обвиняемых и свидетелей считаю unnecessary, да и вряд ли возможно это сделать. Протоколы заканчивать нужно в судебном заседании с таким расчетом, чтобы судья, уходя в совещательную комнату, имел возможность взять с собой протокол как документ и на нем строить приговор.

Я работаю секретарем Добрянского народного суда Черниговской области 3 года. Протоколы заканчиваю в судебном заседании, записываю основные моменты по делу, связываю высказанные мысли. Но бывает часто, что мне не ясен тот или другой момент и на мой взгляд его нужно уточнить. Хочешь даже поставить вопрос, но секретарям этого не разрешается, и ты не знаешь, как быть.

Я ставлю поэтому вопрос о возможности предоставления секретарям больших прав в судебном заседании¹.

Меня часто возмущает, как некоторые сек-

ретари недоброкачественно относятся к своей работе. Я приведу пример: в наш суд поступило дело из Красноармейского народного суда Днепропетровской области о допросе свидетеля по делу об алиментации. Это дело было без обложки, концов протоколов не найдешь, страницы перепутаны и подшиты из рук вон плохо, а самое главное, что постановление суда о допросе свидетелей было вынесено в марте, а выполнено было это постановление только в сентябре, причем в протоколе даже не указано, кто же допрошен.

Если все дела так оформляются в Красноармейском суде, как это дело, то и секретаря и народного судью нужно отстранить от работы. Это дело Добрянским народным судом было послано обратно Красноармейскому народному суду через Днепропетровский областной суд.

Секретарь Добрянского народного суда,
Черниговской области УССР

Толстой.

К вопросу о юридической природе советского авторского права²

В № 9 «Социалистической законности» за 1937 год опубликована в порядке обсуждения статья Д. Немзера «К пересмотру законодательства об авторском праве».

Основные положения этой статьи вызывают возражения.

Автор считает необходимым пересмотреть «теорию советского авторского права». Он указывает, что «мы должны создать социалистическое авторское право, построенное на принципе трудовом, а отнюдь не на рентном основании».

К этой идее автор приходит, предварительно указав, что в нашем авторском праве можно отметить «три элемента»: «нормы Гражданского кодекса, трудового законодательства и монополии-привилегии в виде исключительности авторского права».

Автор правильно отметил упомянутые «три элемента». Они присутствуют в советском авторском праве (в буржуазных законодательствах элемент трудового законодательства отсутствует), но ошибочной является мысль, что наличие в авторском праве моментов, характерных для гражданского права (неустойка, убытки), и даже признаков «исключительности» ставит советское авторское право на «рентное основание».

Авторское право действительно отмечено чертами некоторой эклектичности. В самом деле, в основе отношений, регулируемых трудовым правом, лежит труд, единожды оплачиваемый, и притом результаты этого труда переходят в полное постоянное распоряжение работодателя.

В основе же авторского права лежит труд, в результате которого возникает культурная

¹ Редакция считает нужным подчеркнуть неправомерность пожеланий т. Толстого о предоставлении секретарям «больших прав» в судебном заседании. Дело не в «больших правах», а в более правильном ведении председателем судебного заседания.

² В порядке обсуждения.

ценность, обладающая притом свойством имущественной ценности особого рода: результат авторского труда не переходит к издателю. Производное право распоряжения трудом автора для издания и распространения с извлечением выгоды приобретает, как правило, лишь в силу договора на срок и притом строго ограниченный. Право распоряжения трудом автора пожизненно остается у последнего, то есть результат творческого труда является имуществом автора, категорией, с которой оперирует гражданское право.

Так называемый издательский или авторский договор имеет поэтому немного, вернее—мало общего с договором трудовым. Это обуславливается сущностью отношений.

Поскольку, однако, в основе авторского произведения лежит труд, и притом особо важного общественного значения, советское законодательство, независимо от специфики этого труда, независимо от его превращения в ценность, в имущество, из которого автор вправе извлекать доход неоднократно, труд этот охраняет дополнительными нормами трудового права. В самом деле, нормы тиража и ставки гонорара, регулируемые государством, разве это не нормы, имеющие прямой целью ограждение интересов трудящегося, писателя? Ряд административно-экономических мероприятий советского правительства, как, например, организация Литературного фонда СССР, точно также преследует цель улучшения материально-бытового положения писателя как трудящегося. Сюда же относятся и процессуальные нормы, касающиеся авторского гонорара и приравняющие гонорар к зарплате. Не подлежит сомнению, что ни одна буржуазная страна в силу своей социально-экономической структуры не в состоянии дать своим авторам, находящимся по сути дела в абсолютной зависимости от частного издателя и от уплачиваемого им гонорара, те трудовые гарантии, которые дает своим авторам социалистическая страна.

Но это вовсе не свидетельствует о том, что из авторского права следует вытравить элемент права гражданского, областью которого оно несомненно является.

Какую цель имеют смущающие т. Немзера элементы гражданского права в праве авторском—неустойка и убытки? И то и другое создает для авторов дополнительные гарантии, защищающие их важный имущественный интерес, не ограничивающийся однократным получением гонорара. Издательства же при перспективе уплаты неустоек и убытков должны создать условия, которые бы устранили расхлябанность и т. п. из практики их работы.

При том положении, которое занял вопрос о договорной дисциплине в советской хозяйственной деятельности, издательства не должны находиться в «привилегированном» положении и быть освобождены от неустойки, записанной в договоре. Надо помнить, что неустойку они платят за несвоевременный платеж гонорара. Всем известно, что у нас трудящемуся, с которым не произведен своевременный расчет, зарплата уплачивается до дня окончательного расчета. В этом несомненно таят те же элементы штрафа, неустойки. Напрасно т. Немзер полагает, что право автора требовать неустойку при просрочке изда-

тельством платежа «сводится к нулю, так как, очевидно, наши суды считают неустойку такой категорией, которая совершенно неуместна в отношениях, возникающих между издательством и автором».

Это вовсе не очевидно. Мы полагаем, что такая практика нарушения закона (типового издательского договора) иметь места не может. Если суды отказывают в неустойке, то вернее всего потому, что по существу данного дела неустойка не причитается истцу. Вряд ли суды объявили недействующим действующий типовой издательский договор, применяемый почти во всех частях, включая ст. 6, в конкретных договорных отношениях, тем более, что условие о неустойке не потеряло до настоящего момента своего смысла. Скажем больше, неприменение пункта о неустойке вредно: оно стимулирует плохую работу издательства, пропуск сроков. Всем связанным с конфликтами авторов и издательств известно, какое значение имеет пропуск издательствами сроков для принятия или непринятия рукописи.

В издательствах имеет место почти систематический пропуск договорных сроков,—это влечет много бед для автора: устранение рукописи, невозможность построить писательский бюджет и т. п. Пропуск сроков должен повлечь за собою для издательств гражданско-правовые последствия.

Нельзя согласиться с т. Немзером и по вопросу об убытках.

Мы не видим оснований к тому, чтобы исключить из закона об авторском праве статью, позволяющую авторам искать возмещения убытков при нарушении их авторских прав по принципу права гражданского. Зыскание убытков автором может иметь место при утере рукописи, при длительной задержке, связанной с отказом от издания, вследствие чего произведение оказывается устарелым, при контрафакции и т. п.

Нельзя признать правильным указание на то, что зыскание убытков должно идти по пути ст. 117 Гражданского кодекса, действительно устарелой в части упущенной выгоды. Начиная с 1925 г., ГКК Верховного суда РСФСР не раз указывала на неправильное понимание ст. 117 ГК. Исков о возмещении издательской и книготорговой прибыли мы поэтому на самом деле не знаем и на это можно было бы не обращать внимания. Но иски о возмещении автору положительного ущерба встречаются. Можем сослаться, например, на определение ГКК Верховного суда РСФСР по делу за 34 830 1927 г. по поводу возмещения ущерба за утерю рукописи. Верховный суд пишет: «Утеря рукописи дает право на возмещение убытков, убытки же зависят от целого ряда обстоятельств. В каждом отдельном случае необходимо установить, может ли быть рукопись восстановлена и каким путем, какими средствами. Подлежащий возмещению вред определяется стоимостью тех затрат, которые необходимы для восстановления рукописи, количеством времени, количеством труда и т. п. А эти затраты зависят от характера рукописи. Одно дело—оригинальное произведение, другое—переводное; одно дело—художественное, другое—научное произведение, попу-

лярный сборник, хрестоматия и т. д. Кроме того, необходимо учесть, не потеряло ли произведение свое значение вследствие промедления в издании».

Надо признать поспешным заявление о том, что «текущей практике совершенно неизвестны иски авторов об убытках». Иск об авторском гонораре вместо иска об убытках не может возместить ущерба автора в ряде случаев. Даже по «ставкам авторского гонорара за нарушение авторского права» издание, например, произведения без согласия автора оплачивается в размере 150 процентов гонорара. Еще меньше оснований для получения 100 процентов гонорара за одно издание окажется в случае, например, утери рукописи.

Таким образом мы полагаем, что к исключению из закона права автора на взыскание убытков нет никаких оснований. Весьма важно было бы лишь указать, в каких случаях допускается взыскание убытков. Такие гражданско-правовые понятия, как неустойка и убытки, по нашему убеждению, уместны в составе нашего закона об авторском праве, так как они могут способствовать нормальным взаимоотношениям авторов и издательств, могут обеспечить уверенность автора, что источник его средств к существованию — результат его творческих усилий — не будет без меры задерживаться в портфеле издательства, не будет обесценен, а то и просто утерян.

По вопросу об «исключительности» авторского права, которую т. Немзер называет «монополей-привилегией» надо признать, что термин «исключительное право» в законе мог бы быть опущен.

Ввиду целого ряда ограничений авторских полномочий следует прийти к заключению, что «исключительность» авторского права ограничивается там, где личные интересы автора могут столкнуться с интересами социалистического общества.

Поскольку, однако, как указывает сам т. Немзер, «исключительность» авторского права сводится к предоставлению права на первую репродукцию, постановку или экспозицию произведения, надо признать, что вовсе отвергнуть элемент исключительности авторского права все же не приходится. Однако «теория исключительности» вряд ли кем-либо поддерживается при реальной оценке нашего авторского закона.

Таким образом вполне закономерным надо признать наличие в авторском праве всех трех его элементов, отмеченных автором статьи «К пересмотру законодательства об авторском праве».

Наличие в советском авторском праве в слитном состоянии элементов гражданского и трудового права при признаках «исключительности» не мешает нашему авторскому праву носить черты права социалистического. Оно является таким потому, что служит социалистическому обществу и приспособлено для стимулирования творчества в социалистических условиях. Необходимая реформа авторского законодательства вряд ли коснется поэтому юридической природы авторского права.

Она коснется, надо полагать, частных,

пойдет по пути восполнения пробелов. И при этом практически реформа может оказаться весьма серьезной.

Последнее замечание относится к указанию, упомянутому выше, что социалистическое авторское право «надо построить на принципе трудового, а отнюдь не на рентном».

Из этой фразы сам собой напрашивается вывод: действующее право построено на «рентном основании».

Мы имели случай в статье¹ об авторском гонораре ответить проф. Семеновскому, назвавшему авторский гонорар за литературные произведения «подлинной рентой», и указать на всю ошибочность этого определения по отношению к авторскому гонорару. Что общего между последним и рентой, то есть постоянным доходом, получаемым владельцем капитала или земли без участия его труда?

Тов. Немзер и проф. Семеновский сошлись на той же ошибке.

Между рентой и вознаграждением за авторский труд нет ничего общего даже в том случае, если при теоретическом анализе юридической природы советского авторского права в нем обнаруживается соединение элементов гражданского права и трудового.

Следует учесть всем ныне ставшее ясным положение: действующее гражданское законодательство, включая Гражданский кодекс 1922 г., является законодательством социалистическим. А при таком бесспорном положении элементы гражданского права в праве авторском являются элементами социалистическими. Советское авторское право, входящее в систему советского гражданского права, не построено на «рентном основании» и на таком нелегитимном основании, конечно, не может быть построено.

Я. Голубенский.

Вопросы наследования²

В статье «Право наследования», опубликованной в № 5 журнала «Советская юстиция» за 1937 г., т. Рейхель с большою ясностью и убедительностью обосновывает свое положение о двояком назначении у нас института наследования: 1) служить средством стимулирования общественно-полезного и в особенности стахановского труда и трудовых сбережений и 2) служить источником социального обеспечения нуждающихся лиц, которые состояли или должны были состоять на иждивении наследодателя ко дню его смерти. Это двоякое назначение института наследования диктует и двоякого рода правовые нормы: а) нормы, устанавливающие право граждан на посмертное распоряжение личным их имуществом и трудовыми сбережениями, а также право наиболее близких к наследодателю лиц на получение наследственного имущества, и б) нормы, ограничивающие право наследования по завещанию и по закону в пользу нуждающихся иждивенцев наследодателя. Отсюда т. Рейхель прежде всего делает вывод о том, что в новом нашем Союзном ГК гражданам должна быть предоставлена свобода завещания в пользу

¹ С. Ю. № 17 за 1937 г.

² В порядке обсуждения.

всяких физических и юридических лиц, но с выделением твердых обязательных долей наследственного имущества в пользу фактических полных иждивенцев завещателя и тех родственников ему лиц, которых он обязан был содержать (алиментировать) в силу общих норм семейного права. В случае же смерти наследователя без завещания переход его имущества к законным наследникам должен, по мнению т. Рейхеля, регулироваться также под углом зрения двойного назначения института наследования, а именно — к наследованию должен призываться круг лиц, наиболее близких к наследодателю, хотя и несколько расширенный против круга лиц, предусмотренного ст. 418 ГК РСФСР, и наследственное имущество должно распределяться не поровну между всеми законными наследниками одной и той же очереди, а с выделением более крупных твердых долей наследства в пользу фактических иждивенцев и лиц, которые должны были состоять на иждивении наследователя.

Такое решение т. Рейхелем общей проблемы наследования практически приводит его к такому конкретному разрешению отдельных случаев наследования.

Если, например, у наследодателя имеется один малолетний сын или неродной фактический полный иждивенец, то наследодатель вправе завещать другим совершеннолетним своим детям или сторонним лицам и учреждениям только половину своего имущества, а вторая половина должна идти на социальное обеспечение малолетнего сына или неродного иждивенца. Если же наследодатель, умерший без завещания, оставил, например, несовершеннолетнего сына или неродного фактического иждивенца и совершеннолетнюю трудоспособную дочь, то сын или неродной иждивенец получает половину наследственного имущества, а вторая половина делится поровну между совершеннолетней дочерью и сыном или неродным иждивенцем, т. е., в конечном счете, сын или неродной иждивенец получает $\frac{3}{4}$ наследственного имущества, а дочь получает только $\frac{1}{4}$ имущества.

Вся эта схема вызывает большие сомнения. Тов. Рейхель резонно доказывает, что наследодатель не вправе посредством завещания лишать алиментов нуждающихся его иждивенцев и что при «уравниловке» раздел имущества поголовно и поровну между всеми законными наследниками одной и той же очереди может на практике привести к лишению нуждающегося наследника необходимого размера алиментов из наследственного имущества.

Но и закрепление твердых долей за несовершеннолетними или нетрудоспособными наследниками и иждивенцами может также привести к явно несообразным результатам.

Ведь до последней степени очевидно, что размер заранее устанавливаемой твердой доли наследства может иметь положительное или отрицательное значение в зависимости от возраста обеспечиваемых законом лиц, от общей стоимости всего наследственного имущества и от других конкретных обстоятельств.

Возьмем следующие возможные в жизни случаи.

У наследователя остался 17-летний сын или неродной полный фактический иждивенец такого же возраста и совершеннолетняя дочь

вдова, имеющая двух малолетних детей и получающая небольшой заработок. По схеме т. Рейхеля наследодатель вправе завещать своей дочери только половину своего имущества, а другая половина пойдет 17-летнему сыну или иждивенцу.

Если же наследодатель умрет без завещания, то 17-летний наследник получит $\frac{3}{4}$ наследственного имущества, а дочь получит только одну четверть имущества. Очевидно, что это неправильно. Дело в том, что нельзя сравнивать стоимость алиментов, необходимых для содержания оставшегося 7-летнего ребенка и 17-летнего юноши до их совершеннолетия. Не безразлично также, в какой сумме выражается та или иная обязательная доля, в зависимости от общей стоимости всего наследственного имущества.

По этим соображениям я полагаю бы проблеме сочетания двойного назначения института наследования разрешить несколько иным способом. Этот иной способ предусмотрен уже действующим законом. Ст. 42-2 Кодекса законов о браке, семье и опеке по существу своему является коррективом к ст. 418 ГК, ограничивая право наследования в интересах социального обеспечения несовершеннолетних или нетрудоспособных иждивенцев наследодателя. Следовало бы только на основе этого принципа расширить содержание названной ст. 42-2 и перенести ее в отдел ГК о наследовании в такой, примерно, редакции:

«Наследники солидарно обязаны доставлять содержание нуждающимся лицам, которые ко дню смерти наследодателя находились или должны были находиться на полном иждивении наследодателя. Эта обязанность наследников ограничивается размерами полученного ими наследства, если иждивенцы наследодателя не имеют к получающим наследство самостоятельного права требовать алиментов в силу семейного с ними родства по общим нормам семейного права». Посмотрим, какие практические результаты получатся при применении этой нормы социального обеспечения к следующим примерным случаям наследования.

1) После наследователя остались четверо совершеннолетних детей и один малолетний сын. Последний на основании ст. 418 ГК получит только пятую часть наследственного имущества. Если эта часть недостаточно обеспечивает содержание малолетнего наследника, то он имеет право требовать дополнительных алиментов от совершеннолетних сонаследников-братьев, которые при благоприятном их имущественном положении могут быть присуждены к платежу алиментов на содержание их малолетнего брата даже свыше полученных ими наследственных долей (ст. 54 Кодекса законов о браке, семье и опеке). Если же сверх 4 совершеннолетних детей после наследователя остался чужеродный малолетний полный иждивенец, то последний, недостаточно обеспеченный пятой частью наследственного имущества, вправе будет требовать алиментов от совершеннолетних сонаследников лишь в пределах полученных ими наследственных долей.

2) Наследователь оставил совершеннолетнюю дочь и 17-летнего сына или чужеродного фактического полного иждивенца 17 лет от роду и все свое имущество завещал дочери

или стороннему лицу. В этом случае несовершеннолетний сын или иждивенец будет иметь право требовать от наследников по завещанию алименты на годовой период времени в пределах или даже выше пределов стоимости всего завещанного имущества, в зависимости от родственной связи несовершеннолетнего иждивенца с наследниками по завещанию.

Преимущества такого сочетания права наследственного с правом алиментным заключаются в том, что право на алименты обеспечивается и право наследования ограничивается в каждом отдельном случае соответственно действительным потребностям и возможностям, т. е. соответственно возрасту, размеру утраты трудоспособности лиц, имеющих право претендовать на получение средств из наследственной массы, а также соответственно стоимости всего наследственного имущества и общему имущественному положению лиц, получивших наследство по закону или по завещанию.

Тов. Рейхель указывает на некоторые трудности обеспечения нуждающихся лиц путем исков об алиментах к наследникам, тем более, что наследник по завещанию может не знать о наличии иждивенцев с правом на алименты из наследственного имущества и может использовать или истратить все наследство до предъявления к нему соответствующего иска.

Эти трудности могут быть облегчены рядом разумных мероприятий, как, например, обязательным вызовом наследников, требованием представления завещаний на утверждение с приложением справки об отсутствии у завещателя иждивенцев и т. п. Далее, раз будет известно о законном праве иждивенцев требовать алименты от наследников по завещанию, то сам завещатель учтет это обстоятельство и не станет завещать свое имущество с нарушением законных прав известных ему его иждивенцев, дабы не создавать волокиты судебного процесса для близких ему лиц, в пользу которых он собирает завещать свое имущество. Наконец, можно еще законом признать иски иждивенцев наследодателя к его наследникам подлежащими обязательному обеспечению и право иждивенцев на преимущественное удовлетворение их алиментных требований из наследственного имущества. Короче говоря, вопрос о лучшем обеспечении обязательственного права требований иждивенцев наследодателя к наследникам есть не вопрос принципа, а вопрос законодательной техники.

Принципиально же важно признать, что право наследования должно быть ограничено правом алиментным только путем исков об алиментах. При решении таких исков суд будет иметь возможность фактически перераспределять наследственное имущество в пользу иждивенцев, но не на основании заранее одинаковых на все случаи жизни установленных долей наследства, а на основании и в пределах действительных потребностей истцов — иждивенцев и возможностей ответчиков — наследников и сонаследников. Только в этом случае представляется мне возможным правильное сочетание экономического значения расширения права наследования и социального значения ограничения права наследования правом алиментным.

А. Штейнберг

Ст. 418 Гражданского кодекса, указывая круг лиц, призываемых к наследованию, включает в него нетрудоспособных и иждивенцев, фактически находившихся на полном иждивении умершего не менее одного года до его смерти. На практике оказывается, что понятие наследника-иждивенца определяется в законе недостаточно точно. В самом деле, кого надо понимать под нетрудоспособным и иждивенцем и в каком смысле закон указывает на «полное иждивение» как на признак, дающий право претендовать на наследство? Следует ли считать нетрудоспособным лицом такое, которое относится по экспертизе к третьей категории инвалидности и если относительно этого лица есть заключение медицинской экспертизы, что оно способно к нерегулярной работе, допустим, к ведению домашнего хозяйства в благоустроенной квартире или к присмотру за малолетним ребенком?

В тех случаях, когда иных наследников не имеется налицо, факт совместного проживания иждивенцев с наследодателем в большинстве случаев приводит к бесспорному признанию его наследником. Хуже обстоит дело, если с иждивенцем начинают конкурировать в правах на наследование супруг или дети. Но едва ли не самым спорным моментом является вопрос о «полном» или «неполном» нахождении наследника на иждивении умершего.

Для того чтобы нельзя было подумать, что настоящий вопрос возбуждается искусственно и только теоретически, мы приведем конкретное судебное дело, которое поставило этот ряд вопросов.

Обстоятельства дела таковы. Некий гражданин Петров, женатый, жил совместно со своей сестрой, особой, физической неполноценной. За полтора месяца до его смерти гражданин Петров развелся со своей женой, и в момент его смерти при нем находилась только сестра, которая и попыталась утвердиться в правах наследства. В «наследственную массу» входила половина дачи, на которой гражданин Петров жил со своей сестрой. При разводе с женой между ними состоялся договор, по которому комната в городе Москве осталась за женой и имущество было между ними известным образом поделено.

Однако, после того, как сестра была признана наследницей к имуществу умершего Петрова, бывшая жена не захотела потерять своих наследственных прав, от которых она так легкомысленно, не предвидя столь быстрой смерти мужа, отказалась при разводе с ним. Поэтому бывшая жена умершего Петрова установила в бесспорном порядке через нарсад то обстоятельство, что, несмотря на развод, она находилась с умершим в «фактическом браке» до самой его смерти. После этого она предъявила иск о признании ее одной наследницей к имуществу умершего. Таким образом возникло спорное дело между

¹ В порядке обсуждения. — Редакция.

сестрой и женой наследодателя. Суд стал на сторону жены и отказал сестре в праве на наследство даже в части его, исходя из следующих соображений:

1) она не является достаточно нетрудоспособной, так как у нее признана только инвалидность третьей категории. Кроме того, она присматривала и теперь присматривает за детьми другого своего брата, умершего еще ранее, живущими на той же самой даче, где и она, и, следовательно, она может добывать себе средства к существованию, и

2) суд признал установленным, что при жизни обоих своих братьев ответчица пользовалась помощью и того и другого и, следовательно, она находилась не на полном, а на частичном иждивении второго брата-наследодателя. А раз она не находилась на его полном иждивении, следовательно, она не может принадлежать к числу лиц, призваемых к наследованию в порядке ст. 418 Гражданского кодекса.

Вторая инстанция утвердила решение суда.

Мы не будем разбирать, насколько это решение по существу является правильным. Самый факт конкуренции в правах между сестрой, много лет жившей при брате до его смерти и не имевшей самостоятельного заработка, и женой, разведшейся с умершим незадолго до его смерти и имеющей самостоятельный заработок и жилплощадь в Москве (при весьма сомнительном «фактическом браке» с тяжело больным человеком в течение последнего месяца перед смертью), не давал основания во всяком случае признавать исключительное право наследования за одной женой, и в крайнем случае было бы целесообразнее признать их обеих наследницами.

Но, оставляя в стороне некоторые детали этого дела, интересно остановиться на принципиальном вопросе о понятиях нетрудоспособности и немущем состоянии для иждивенца, претендующего на наследство, а также на том смысле, который вложил законодатель в ст. 418 Гражданского кодекса, когда он установил, что правом на наследование пользуются иждивенцы, находившиеся на «полном иждивении умершего не менее одного года до его смерти».

Для того чтобы правильно разобраться в этом вопросе, необходимо задуматься над тем, какую цель преследовал законодатель, когда он вообще причислил иждивенцев к кругу наследников, и какими мотивами было вызвано известное ограничение для иждивенцев и известные условия, отсутствие которых исключало иждивенцев из круга наследников.

Нам кажется, что можно с полной категоричностью утверждать, что, признавая за иждивенцами право на наследование, законодатель хотел, чтобы те лица, которые при жизни умершего жили на его счет, не имея собственных средств и не имея возможности добывать их, не оказались при внезапной потере кормильца в совершенно безвыходном положении. Законодатель хотел смягчить потерю кормильца хотя бы правом на получение всего или части оставшегося после него имущества. Здесь имелся в виду даже не столько принцип наследования, сколько прин-

цип обеспечения. Но почему законодатель установил известные ограничения для иждивенца, почему в ст. 418 упоминаются нетрудоспособность и отсутствие имущества у иждивенца, а также требуется нахождение на полном иждивении умершего в течение не менее одного года?

Мы полагаем, что даже самый поверхностный анализ дает только один ответ на этот вопрос. Законодатель хотел не допустить «примазывания» к наследованию случайных лиц. Законодатель имел в виду не допустить к наследованию тех лиц, которые, имея возможность сами добывать себе средства к существованию или пользуясь случайными подарками, частичной помощью и поддержкой со стороны наследодателя, после его смерти вдруг заявили бы претензию на участие в наследовании. Этим самым они могли бы без достаточного основания урезать права законных наследников, с одной стороны, а с другой стороны, воспрепятствовать переходу имущества как выморочного государству в том случае, если законных наследников или наследников по завещанию налицо вовсе не окажется. Поэтому-то в законе упоминается и об одном годе как о минимальном сроке иждивенчества. Закон хочет предотвратить, чтобы незадолго до близкой и очевидной смерти наследодателя искусственно не возникли «иждивенцы», только для того, чтобы получить после него наследство.

Таким образом нам должно быть ясно, что, с одной стороны, установление права наследования у действительных, фактических иждивенцев преследует цель обеспечить их после смерти кормильца, а с другой стороны, закон не желает допустить к наследованию «искусственных» иждивенцев, мнимых иждивенцев, тех лиц, которые фактически могли обойтись без материальной помощи наследодателя, и могут обходиться без нее и впредь. Для этих лиц участие в наследовании имущества после умершего явилось бы ничем не оправданным, неосновательным обогащением за счет настоящих наследников или государства.

В свете такого понимания последней части ст. 418 Гражданского кодекса станут ясными и те практические выводы, которые надо сделать из нее, и те ответы, которые следует дать на вопросы, поставленные в начале настоящей статьи.

Совершенно очевидно, что нетрудоспособность имеется в виду такая, которая препятствует иждивенцу-наследнику существовать за свой собственный счет, добывать себе своей работой средства к существованию. Следовательно, и неполная и частичная нетрудоспособность, — такая нетрудоспособность, при которой можно работать нерегулярно, занимаясь только случайной или легкой работой, — должна быть признана достаточной для получения прав наследования по ст. 418. Обладание некоторым имуществом, реализация которого могла, может быть, на некоторое время доставить средства к жизни, тоже не может считаться препятствием к признанию прав на наследование.

И, наконец, самый главный вопрос. Говоря о нахождении на полном иждивении умершего, законодатель не мог здесь ставить вопрос

Имущественные права граждан и местные советы

(Из практики Винницкого облисполкома)

так, что нахождение иждивенца на содержании двух или более лиц лишает его права наследования в имуществе каждого из них. Говоря в законе о полном иждивении, законодатель, очевидно, противопоставляет его не такому частичному иждивению, при котором средства к жизни иждивенец получает еще и от другого лица. Здесь полное иждивение противопоставляется такому частичному иждивенчеству, при котором частичный иждивенец в основном живет на свои собственные средства, на свой собственный труд, и пособие, которое он получал от наследодателя при жизни, было лишь подсобным средством к существованию, а не основным.

Иное толкование приводит к совершенно нелепому выводу. Иждивенец, имевший двух или более кормильцев, после смерти всех их остается абсолютно необеспеченным, т. е. основная цель ст. 418 ГК совершенно не достигается, и практическое применение закона превращается в извращение идеи законодателя, в полное отрицание ее.

Нам пришлось встретиться с таким возражением: но если так, то ваш иждивенец, имевший двух или более кормильцев и участвующий в наследовании в имуществе каждого из них, окажется в лучшем положении, чем любой другой наследник — нисходящий родственник, который будет участвовать в наследовании только после своего родственника. Это несерьезное возражение: дело в том, что иждивенец может быть признан наследником только в имуществе того из своих кормильцев, на иждивении которого он находился в основном в течение последнего года.

В частности, в том судебном казусе, который мы излагали в настоящей статье, разрешение вопроса не вызвало бы абсолютно никаких затруднений. Совершенно ясно, что в приведенном нами примере сестра должна была находиться в основном в течение последнего года на иждивении своего второго брата, так как, во-первых, первый брат умер на полгода раньше; во-вторых, она жила и официально числилась иждивенкой при втором брате; в-третьих, она была единственной иждивенкой у второго брата в то время, как в семье первого брата было трое иждивенцев; и, наконец, в-четвертых, — и это самое очевидное — после смерти первого брата она не претендовала на участие в наследстве, и наследниками в бесспорном порядке были утверждены его жена и дети. Других кормильцев у нашей претендентки на наследство не было, и всякие опасения об участии ее в наследовании более одного раза являлись в данном случае совершенно неуместными.

Мы склонны думать, что в данном конкретном случае сестра, собственно говоря, должна была бы являться единственной наследницей к имуществу умершего брата. В крайнем случае ее можно было бы признать сонаследницей наравне с бывшей женой умершего. Но полное устранение ее от наследования с нашей точки зрения является, несмотря на внешне формальную убедительность (неполное иждивенчество), вопиющим извращением ст. 418 Гражданского кодекса.

А. Кирзнер.

Великая Сталинская Конституция обязывает всех граждан соблюдать Конституцию СССР, исполнять законы (ст. 130 Конституции). Если исполнение законов обязательно для всех граждан, то тем паче оно обязательно для работников государственного аппарата, занимающих должности по выбору или по назначению.

Каждый партийный и непартийный большевик должен относиться с уважением к советским законам, каждый работник должен осознать, что нарушение закона является не простым проступком, а дискредитацией власти, нарушением требования той же ст. 130 Конституции.

Казалось бы, что после утверждения Конституции местные органы власти должны были бы усвоить все величие, все грандиозные задачи, которые ставит перед ними этот первостепенной важности исторический документ.

К сожалению, на местах имеют место грубые искривления основных положений Конституции.

Для подтверждения этой мысли остановимся на отношениях местных советов к имущественным правам граждан.

Ст. 10 Конституции говорит: «Право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан, охраняются законом».

Ясно, что конфискация (безвозмездное изъятие имущества) допустима лишь по специальному закону или по вступившему в законную силу приговору суда по уголовному делу за преступное действие, когда законом предусмотрена конфискация имущества как мера наказания. Так же ясно, что реквизиция (возмездное, принудительное отчуждение имущества у гражданина для государственных надобностей) допустима лишь в случаях, указанных законом. Если для постройки, например, железной дороги, прокладки шоссе, расширения МТС, завода, школы, больницы и т. п., необходимо изъять земельную площадь или постройку на ней, то, конечно, по постановлению райисполкома такое изъятие возможно при обязательном условии возмещения землепользователю или собственнику строения стоимости изымаемого имущества, а при изъятии земли — возмещения посевов, насаждений, произведенных улучшений.

Вне таких случаев государственной или общественной потребности, установленной надлежащим образом, изъятие частного имущества недопустимо, ибо таковое изъятие является нарушением ст. 10 Конституции.

На местах, к сожалению, приходится нередко сталкиваться с фактами извращения наших законов в области защиты имущественных прав граждан.

Приведем некоторые характерные случаи.

Гражданка К. свыше десяти лет состоит колхозницей-ударницей. До революции она была батрачкой. В 1919 году она была наделена бывшим волревкомом домом с усадьбой в с. Тартаках Чечельницкого района. По арендному договору с Чечельницким райпотребсоюзом она сдала последнему в наем часть дома. В 1936 году райисполком постановил изъять у колхозницы К. принадлежащий ей дом безвозмездно и передать райсоюзу.

При этом райисполком следующим образом мотивировал свое решение по данному делу: во-первых, дом с усадьбой был в 1919 году неправильно наделен гр-ке К., ибо он подлежал национализации, а посему эту ошибку надо исправить теперь; во-вторых, райпотребсоюз по заключенному договору устроил в арендуемой части дома промышленное предприятие по выработке масла и затратил до десяти тысяч рублей на оборудование, а в-третьих, дом, видите ли, очень просторный, в 5 или 6 комнат, и не какой-нибудь глинобитный, а хороший, под железной крышей. Областному исполнительному комитету в своем постановлении пришлось констатировать грубое нарушение революционной законности со стороны Чечельницкого рика, отменить его постановление об изъятии дома и указать, что арендный договор между гр-кой К. и райсоюзом остается в силе на дальнейшее время. Основным мотивом райисполкома при изъятии дома для райсоюза был своеобразно понятый им принцип теории права, так называемой «спецификации», т. е. приобретение права собственности на чужую вещь путем переработки ее в новую форму. Но рик упустил из виду, что в данном случае имеется наличие договора между сторонами, и переоборудование части дома, устройство там маслозавода не создает для райсоюза права претендовать на собственность, тем паче, что наш Гражданский кодекс не знает права по спецификации.

В 1935 году был организован новый Ярышевский район в Винницкой области. Нужны были помещения для районных организаций, и местные органы власти остановились на доме гр-ки Т., вдовы, муж которой, по профессии кустарь, умер еще в 1928 году. Сделали очень просто: вынесли постановление, что покойного кустика Т. неправильно обложили подоходным и другими налогами, исправили эту ошибку в 1935 году, сделали начет на 6000 рублей и за эту сумму продали дом. Гр-ка Т. обратилась с жалобой в облфинуправление, которым налоги были сняты. После этого Могилев-Подольский окружной исполнительный комитет рассмотрел протест Могилевского окрисполкура на постановление Ярышевского рика о продаже дома, удовлетворил протест и постановил вернуть вдове Т. ее дом. Тогда Ярышевский райисполком обратился с докладной запиской в облисполком с просьбой отменить постановление облфинуправления об освобождении гр-ки Т. от налогов (просить об отмене постановления Могилевского окрисполкома не совсем ведь удобно, а так выйдет лучше, может быть отменено постановление облфинуправления и, как результат, отпадет протест окрисполкура и постановление окрисполкома). В докладной записке рик указывает, что гр-ка Т., женщина пожилая, к труду неспособная, сдавала в

своем доме в наем одну комнату всего за 10 руб. в месяц и так как она проживала по 500 руб. в месяц, то очевидно, что прожитые ею в 1935 году 6000 рублей оставались у нее как остатки нетрудовых доходов ее покойного мужа с 1928 года, не учтенных при обложении налогами в том году, а посему ее следует обложить теперь налогами в 5000 рублей и забрать дом. Если бы райисполком при таком внимательном и подробном изучении бюджета гражданина, условий его жизни, заинтересовался бы еще составом семьи гр-ки Т., то убедился бы, что она живет вместе с дочерью, работающей в МТС и получающей около 250 рублей в месяц, и что 2 сына ее работают в Донбассе и, естественно, помогают своей старушке-матери. Облсисполком, конечно, дал надлежащий ответ на несуразное ходатайство рика.

В поселке Летичеве Летичевского района живет гр-ка П., вдова с тремя малолетними детьми. Муж ее был убит бандитами. Она получает пенсию от собеса и работает в промкооперации инвалидов. В 1928 году она заключила с райисполкомом договор на право застройки на дом, который был разрушен и требовал достройки. Договор в порядке ст. ст. 71 и 72 Гражданского кодекса был оформлен нотариальным порядком сроком на 35 лет. В 1931 году местный поселковый совет письмом за подписью председателя поселкового совета предложил гр-ке П. в трехдневный срок освободить помещение, поскольку она, мол, проявила бесхозяйственное отношение к дому и поскольку последний нужен для размещения организаций. При таком категорическом предложении бедная вдова с малолетними детьми вынуждена была подчиниться и освободить помещение, а поселковый совет сдал дом в наем под лавку. После выселения из дома гр-ка П. начала жаловаться во все учреждения. Летичевский райисполком рассмотрел жалобу гр-ки П. в мае 1937 года и пришел к выводу, что договор аренды расторгнут, что заключение договора в 1929 году было неправильным, так как дом был в свое время национализован. Постановление рика, конечно, абсолютно незаконное, ибо, во-первых, расторжение заключенного договора без суда одной из сторон, хотя бы этой стороной являлся и райисполком, недопустимо с точки зрения революционной законности. Рик при заключении договора является не административным органом, издающим и отменяющим свои распоряжения, а контрагентом, договаривающейся стороной в двухстороннем договоре. Во-вторых, право застройки по Гражданскому кодексу относится к категории вещных прав, и раз гр-ка П. приобрела право на имущество, то одностороннее расторжение договора (названного риком договором аренды) является изъятием, конфискацией имущества гражданина.

Областной исполнительный комитет удовлетворил жалобу гр-ки П., отменил постановление Летичевского рика, предложив ему вернуть дом гр-ке П. с оставлением в силе заключенного договора на право застройки с передачей гр-ке П. заключенных поселковым советом договоров аренды с нанимателем помещения.

Кузнец-кустарь гр-н К. имеет домик в селе

Крыжополе, а так как Крыжопольскому рика были нужны квартиры для размещения своих сотрудников, то было вынесено постановление об изъятии дома гр-на К. в порядке изъятия имущества для государственных потребностей. Была произведена оценка дома в 600 рублей (2 квартиры, каждая из двух комнат с кухней), в квартиры были вселены зав. райфинотделом и зав. райземотделом. Деньг за дом гр-н К. не получил, а были ли таковые ему предложены,—из переписки по делу не видно. Однако зав. райфинотделом разрешил гр-ну К. оставаться с семьей жить на кухне. Когда в конце 1936 года материалы по жалобе гр-на К. со всеми документами поступили на рассмотрение облисполкома, последний жалобу удовлетворил, отменив постановление райисполкома, и предложил дом вернуть гр-ну К. Ясно, что если закон и допускает в исключительных случаях изъятие имущества для государственных и общественных надобностей, то этот закон, как исключительный, не подлежит распространительному толкованию, и потребность в квартирах даже для ответственных работников рика не может служить основанием к ущемлению имущественных прав гражданина.

Мы привели несколько характерных примеров нарушения местными советами имущественных прав гражданина. Нам кажется, что более глубокое усвоение на местах основных принципов Сталинской Конституции, большее уважение к нашим советским законам и более внимательное отношение к правам гражданина должны в дальнейшем полностью искоренить такие явления, которых, к сожалению, в недалеком прошлом было еще очень много и которые в дальнейшем абсолютно недопустимы.

С. Алукер

Старые погудки на новый лад

(Антипартийные извращения советского трудового права в новой программе Наркомюста СССР)

Учебно-методический сектор НКЮ СССР разослал на места программу краткого курса «Трудового права СССР» для правовых школ.

Мы не знаем, кто является составителем этой программы и утверждена ли она официально. Документ этот назван проектом, но, судя по тому, что он направлен юридическим школам, а НКЮ УССР снабдил его сопроводительной бумажкой с указанием, что она посылается для пользования, надо полагать, что перед нами не проект, а официально рекомендуемая программа.

Достаточно самого беглого ознакомления с этим «проектом» для того, чтобы убедиться в том, что перед нами вредная, антипартийная, возмутительная халтура, могущая лишь дезорганизовать постановку преподавания советского трудового права в правовых школах, забивающая голову студентов грязной, антимарксистской похлебкой.

Этот, с позволения сказать, документ представляет собою классический по своей беспринципности и вульгарности образец того, как под видом «новых» программных установок, якобы очищающих курс советского тру-

дового права от вредительских «концепций» врага народа Пашуканиса, протаскивается та же неоднократно разоблаченная партией вредительская систематика и трактовка категорий трудового права, реставрируются те же, отвергнутые советской наукой контрреволюционные троцкистско-бухаринские «принципы» и клеветнические представления о советском трудовом праве.

Широким кругам работников советской юстиции хорошо известно, что контрреволюционная, вредительская «школка» Пашуканиса, воспроизводившая в советском праве систематику буржуазного права, ограничивала сферу действия советского трудового права регулированием труда рабочих и служащих, доказывая «неприменимость советского трудового права в колхозах» (Гришин).

Это утверждение получило достойную отповедь на страницах ЦО партии «Правда» и журнала «Большевик». Какие же уроки извлекли из этого авторы «новой» программы, составленной и посланной на места спустя более полугода после выступления «Правды» и после развернувшегося обсуждения и критики прежних программ и учебников?

В первой теме программы «Сталинская Конституция и система советского социалистического права в ее историческом развитии» сказано, что трудовое право есть «часть советского социалистического гражданского права, регулирующая труд граждан социалистического государства».

Авторы призывают к критике антипартийной трактовки советского трудового права «в смысле отрасли правового регулирования труда только рабочих и служащих».

Однако в дальнейшем мы убеждаемся в том, что эта установка ни в какой мере не отразилась на трактовке авторами программы конкретных норм трудового права. Авторы, так сказать, отдали «дань времени», совершили весьма грубый и неудачный маневр: признав на словах труд в колхозах объектом трудового права, они покатались далее по старой дорожке, протоптанной юридическим кретинизмом, ведущей снова в болото пашуканисовщины.

Перечислив всю намеченную программой тематику, составители программы пишут: «Детальное изучение вопросов правового регулирования труда в колхозах проводится по программе учебной дисциплины «земельно-колхозное право».

Итак, на словах — признание действия трудового права в колхозах, на деле — исключение трудовых отношений в колхозах из курса трудового права и отнесение их к другой отрасли права.

Старая погудка на новый лад!

Программа подчеркивает «различие форм труда» в государственных предприятиях, колхозах и промышленных артелях, затушевывая тот факт, что в государственных предприятиях, и в колхозах, и в промышленных артелях труд является социалистическим, что там действуют социальные формы труда.

Можно говорить о различных методах правового регулирования труда в государственных предприятиях и в колхозах, вытекающих

из различных форм социалистической собственности, но не о различии форм труда.

Авторы программы видят в «различии форм труда» источник дифференциации единой системы советского трудового права. Между тем источник этой дифференциации не в «различии форм труда», а в различных формах собственности.

Борьбу за социалистическую организацию труда авторы программы не считают задачей советского трудового права реконструктивного периода. На 3-й странице программы они выдвигают следующий «тезис»: «Советское трудовое право на предшествовавших победе социализма этапах диктатуры пролетариата, как одно из орудий борьбы за уничтожение всякой эксплуатации труда, за построение и развитие социалистической организации труда, как в городе, так и в деревне» (разрядка наша. — А. П.).

Кто дал право авторам программы снимать задачу борьбы за укрепление и развитие социалистической организации труда, как важнейшую задачу трудового права на современном этапе диктатуры рабочего класса? Чем могут они обосновать свое утверждение, что борьба за социалистическую организацию труда составляет задачу трудового права только восстановительного периода? Именно в условиях победившего социализма, когда развертывается мощное движение социалистического соревнования и ударничества, разворачивается стахановское движение, как новый высший этап соцсоревнования, а с другой стороны, троцкистско-бухаринская сволочь и иные агенты иностранных разведок стремятся всяческими путями подорвать социалистическую организацию труда, нанести удар стахановскому движению, борьба за социалистическую организацию труда, за проведение в жизнь исторических указаний товарища Сталина является важнейшей задачей трудового права.

Точно так же нельзя, как это делают авторы программы, рассматривать борьбу за уничтожение эксплуатации как задачу только «предшествовавших этапов диктатуры пролетариата». Построение социалистического общества и движение к развернутому коммунизму, к бесклассовому обществу есть борьба за уничтожение самой возможности эксплуатации человека человеком.

Не случайно, следовательно, определяя предмет советского трудового права, авторы программы ни слова не говорят о том, что задачей трудового права является обеспечение социалистической организации труда.

Тут налицо явное игнорирование методов правового регулирования социалистической организации труда, курс на их ослабление и отмирание, характерное для троцкистско-пашуканисовской, контрреволюционной, вредительской «школки».

В том же месте программы мы встречаем такую формулировку: «Осуществление в СССР принципа социализма «от каждого по его способностям, каждому по его труду», как основа советского социалистического трудового права периода победившего социализма». Но ведь принцип оплаты по труду отстаивался Лениным и Сталиным и на предыдущих этапах социалистического строительства. Ленин дал разработку социалистического прин-

ципа оплаты как в работах дооктябрьского периода («Государство и революция»), так и послеоктябрьского периода («Как организовать соревнование» и др.). Ленин и Сталин отстаивали этот принцип в борьбе против контрреволюционного троцкизма в период профсоюзной дискуссии и в последующие периоды против троцкистско-правых реставраторов. Партия проводила этот принцип на всех этапах диктатуры пролетариата. Даже в период военного коммунизма, когда условия не позволяли провести достаточной дифференциации в оплате труда, Ленин настаивал на введении сдельной системы оплаты и натурпремирования за повышение производительности и улучшение качества работы, и тогда была проведена дифференциация в оплате.

Правые и троцкистско-зиновьевские бандиты извращали политику партии в области оплаты труда, стремились насадить уравниловку, используя ее как одно из орудий борьбы против социалистического строительства, но партия никогда не проводила уравниловки.

И если следует при изучении трудового права подчеркнуть в этом отношении роль реконструктивного периода, то не в смысле признания оплаты по труду принципом только этого периода, как делают авторы программы, а в том смысле, что в этот период партия и советская власть полностью разгромили троцкистско-правых реставраторов и на основе 6 исторических указаний товарища Сталина развернули борьбу за полное искоренение уравниловки, насаждавшейся троцкистско-правыми реставраторами, но никогда не являвшейся политикой партии и принципом советского трудового права.

Антипартийную трактовку «категорий советского трудового права в смысле отрасли правового регулирования труда только рабочих и служащих» авторы программы рассматривают «как результат влияния буржуазно-реформистской концепции трудового права, замазывая то обстоятельство, что «школка» Пашуканиса сознательно, с вредительской целью, с целью представить наше право как право буржуазное, а также с целью дискредитации колхозов как социалистического типа хозяйства навязывала нашему трудовому праву систематику буржуазного права, а вовсе не была невинной жертвой заблуждения, жертвой влияния буржуазно-реформистской концепции. Политическая беззубость программы сказывается и в том, что она не проникнута борьбой с вредительством в области права. В ней указана необходимость такой борьбы, но ни в одной теме не разоблачается вредительство в области конкретного регулирования вопросов труда и в области трактовки конкретных норм трудового права. Только во второй теме сказано об уроках вредительства в области охраны труда и техники безопасности.

Но ведь вредительство имело место не только на участке охраны труда и техники безопасности.

А в области регулирования заработной платы разве не вредили троцкисты, правые и иные агенты иностранных разведок? Разве они не насаждали уравниловки? Разве в 1935 и 1937 годах не осталось следов вредительства в этой области: запутывание системы

оплаты, создание ничем не оправданной множественности расчетных условий, извращение прогрессивной сдельщины в угольной промышленности, в машиностроении, в легкой промышленности, обчеты, переплаты, превращение систем оплаты в средство материальной поддержки негодяев, врагов народа (Макевский металлургический завод)?

Наконец, вредительство коснулось и таких важных участков, как социальное страхование и регулирование культурно-бытовых условий. Но авторам программы все нипочем.

Они умудряются в теме «Правовое регулирование заработной платы» ни слова не сказать об учении Ленина—Сталина об оплате труда при социализме и коммунизме, о мере труда и мере потребления, ни слова не сказать о той борьбе, которую вела партия против троцкистов и правых реставраторов в этом вопросе. В этой теме не отражено значение систем оплаты труда для развития и укрепления стахановского движения.

В список рекомендуемой по этой теме литературы не включены работы Ленина и Сталина, кроме речи товарища Сталина на совещании стахановцев. Не рекомендуют авторы ни «Государство и революцию», ни «Как организовать соревнование», ни «Новая обстановка—новые задачи» (6 условий товарища Сталина), ни ряда других произведений Ленина и Сталина, без которых невозможно изучать вопросы оплаты труда.

По первой теме, где идет речь о капиталистическом регулировании труда, в списке рекомендуемой литературы не включена статья Ленина «Новый фабричный закон» и др. Авторы не рекомендуют также для изучения трудового права программы ВКП(б). В теме седьмой «Рабочее время» совершенно не ставятся вопросы о борьбе рабочих капиталистических стран за рабочий день, о борьбе троцкистов и правых против семичасового рабочего дня.

В теме пятой «Социалистический трудовой договор» почти ничего нет о трудовой дисциплине и социалистическом соревновании. В списке литературы к этой теме также отсутствуют работы Ленина и Сталина.

Программа грубо игнорирует вопросы культурно-технического роста рабочего класса: постановление ЦК ВКП(б) и законодательство о внедрения техминимума. Далеко не достаточно разработана тема о коллективном договоре: ни слова не сказано о том, как извращали правые реставраторы сущность коллективного договора; не сказано о децентрализации коллективных договоров, об участии масс в его заключении и проведении. В 1937 году состоялся VI пленум ВЦСПС, имевший огромное значение для перестройки советского профдвижения и отразивший в своих решениях ряд правовых вопросов труда, но авторы умалчивают об этом, старательно обходя решения VI пленума.

Вообще надо считать совершенно недопустимым отсутствие в программе по трудовому праву темы, посвященной роли и правовому положению профсоюзов. В частности ни слова не сказано о передаче профсоюзам функций НКТ. Что это, как не антипартийное игнорирование советских профсоюзов и их роли в тру-

довом праве, в социалистической организации труда?

Можно было бы привести и еще ряд подобного рода образчиков антипартийности и халтурности программы, но и приведенных достаточно для того, чтобы судить о степени ее «ценности» и возможности применения в советских правовых школах. Эта программа должна быть немедленно изъята из обращения, как негодная, и заменена новой программой, полностью и окончательно разделяющейся с пашуканисовским вредительством в области трудового права.

А. Пашерстник.

Уничтожить вредительскую систему подготовки научных кадров в области теории государства и права

Проблема подготовки кадров, ставшая в центре внимания партии, правительства и всей страны, должна была стать предметом особой заботы в области теории государства и права. Надо было ожидать, что она займет там центральное место.

Однако факты говорят о другом.

Подготовка научных кадров в области теории государства и права поставлена крайне неудовлетворительно; условия, в которых проходит подготовка кадров, настолько тяжелы, а результаты настолько плачевны, что это дает основание предполагать наличие прямого вредительства в этом деле.

Факты говорят о том, что в области теории государства и права не только не готовили новые научные кадры, но, напротив, даже тормозили это дело различными способами: неправильной системой подготовки, созданием тяжелых материальных условий, неправильным использованием молодых научных работников и т. д.

Наглядным примером этого может служить аспирантура Ленинградского юридического института, существующая с 1931 года. За время существования этого института в аспирантуру было принято свыше 60 человек. Из этого количества к 1937 году должны были закончить аспирантуру свыше 25 человек. Однако окончили ее только 4 человека, остальные выбыли из аспирантуры по различным причинам вскоре после поступления. В 1934 году в аспирантуру было принято 16 человек, из которых более или менее подготовленными к выпуску оказались только 7 человек, остальные 7 человек выбыли, двум аспирантам продлен срок окончания на 1 год. Таким образом за шесть лет существования в аспирантуре Ленинградского института подготовлено ничтожное количество молодых научных работников.

Картина окажется еще более неприглядной, если посмотреть, как используются окончившие аспирантуру. Из четырех окончивших только один используется на прямом назначении — преподавателем Казанского юридического института. Окончившие аспиранты предоставляют сами себе, не ведут никакой научной работы и не могут вести, так как для этого

не созданы соответствующие условия и ими никто не интересуется. Больше того, они не привлекаются даже к преподавательской работе.

Есть все основания полагать, что так же обстоит дело с аспирантурой и в Московском юридическом институте. Институт советского строительства и права при Академии наук также не дал того, что мог бы дать при нормальном состоянии подготовки научных кадров. Выпускаемые институтом кадры направляются кто куда и совершенно теряются из виду, часть используется не по прямому назначению, не говоря уже о том, что о них нет никакой заботы. В большинстве случаев оканчивающие ИССП направляются на педагогическую работу без соответствующей заботы о надлежащих условиях для научной работы и дальнейшего роста. В такие именно условия поставлены работающие в Ленинграде аспиранты. Они загружены административной, педагогической и прочей работой и не имеют никакой возможности написать даже диссертацию, которую обязаны были написать вскоре после окончания института, не говоря уже об иной научной работе.

Становится ясным после этого тот факт, что за последние 5—6 лет в области теории государства и права не подготовили почти ни одного нового молодого научного работника. Чем объяснить это положение? Только тем, что в подготовке научных кадров проводилось прямое вредительство, что стоявшие во главе этого дела враги народа проводили здесь вредительскую линию. С целью удержать за собой монополию «научной» разработки вопросов государства и права и беспрепятственно творить контрреволюционные махинации, враги народа оттирали молодые кадры от научной работы всеми мерами. Молодые научные силы задыхались в затхлой атмосфере семейственности, подхалимства и чинопочитания.

Из опыта аспирантуры Ленинградского юридического института видно, что в подготовке научных кадров существовал самотек, отсутствовала целевая установка. До настоящего времени нет ясности и определенности в том, кого готовит аспирантура. Вредители считали достаточным шуметь и болтать о кадрах, но дело обставляли таким образом, что новые кадры не росли. Только политической слепотой руководителей Ленинградского юридического института можно объяснить то положение, что здесь мирились с ежегодной ломкой программ, отсутствием твердых индивидуальных планов, которые окончательно утверждались только на третьем курсе.

Руководители института не обращали внимания на явное неблагополучие в подготовке аспирантов. Больше того, бывший директор Ундревич — пособник Пашуканиса — умышленно поддерживал это состояние, осуществляя вредительскую линию в институте. Сама учеба аспирантов была организована неправильно. До сих пор преобладали методы зубрежки, школярства, проработка «системы», поверхностное изучение предмета. До последнего времени практиковались семинары, давно осужденные даже в учебе студентов. Вместо того чтобы выращивать кадры, владеющие полностью предметом, крепко овладевшие большевизмом, аспирантам давались поверхностные

знания, «вершки», без всестороннего овладения изучаемого аспирантом специального курса. Совсем не стимулировалась творческая работа аспирантов, не прививался вкус к научной работе. Напротив, от научной работы аспиранты оттирались на том основании, что, якобы, даже профессора не имеют возможности печатать свои работы. Ундревич в то время держался того взгляда, что научной работой должна заниматься Академия, а не институт. Поэтому в институте вообще не велось никакой научной работы. Аспиранты не получали навыков педагогической работы. Между тем аспирант уже с первого года учебы должен быть помощником профессора и постепенно втягиваться как в научную, так и в педагогическую работу.

Так же обстоит дело с системой подготовки научных кадров и в Московском юридическом институте. Это видно хотя бы из того факта, что из окончивших аспирантуру Московского юридического института никто не выдвинулся более или менее заметным научным работником. Вредительская система подготовки научных кадров и там нашла себе благоприятную почву.

Кроме правильной системы подготовки, систематической и глубокой работы над специальным предметом, воспитания навыков и вкуса к научно-педагогической работе, в подготовке научных работников не менее необходимо систематическое руководство, твердый контроль и дисциплина. Однако этого нет в аспирантуре Ленинградского института. Руководители института не принимали никаких мер по отношению к профессорам, нарушавшим элементарные требования трудовой дисциплины. Факт, что с кафедры международного права аспиранты перебегают на другие кафедры вследствие ненормальных отношений, создавшихся с заведующим кафедрой профессором Раппопортом, не обратил на себя никакого внимания со стороны руководства института; равным образом не принималось серьезных мер против аспирантов — нарушителей дисциплины. Считалось нормальным, например, такое положение, когда аспирант Фарфель систематически не посещает занятия по языкам, каждый год меняя кафедру и специальность. В отношении аспиранта Вельдина, который систематически не выполняет учебного плана, ограничивались общими только разговорами. Многие аспиранты связаны посторонней работой, не имеющей никакого отношения к аспирантской работе, в связи с чем учебный план выполняется ими кое-как или совсем не выполняется.

Борьба за дисциплину среди аспирантов и их руководителей и надлежащую организацию учебы подменялась огульной дискредитацией всех аспирантов в целом. Вместо того чтобы подвергнуть жестокой критике действительно безобразные факты нарушения дисциплины и игнорирования учебы и на этих примерах налаживать организацию работы аспирантуры, бывший директор института Ундревич с вредительской целью охаживал всю аспирантуру, как сброд случайных людей, как отсталый участок, беря под прямую защиту явных нарушителей дисциплины. Несомненно в аспирантуре имеются и отдельные случайные люди, не исключена возможность проникновения в

ряды аспирантов и чуждых элементов, о чем свидетельствует факт разоблачения и исключения зинovieвца Серовойского, Богуславского и некоторых других. Но это не дает права охаивать всех аспирантов, ибо абсолютное большинство из них и в институте и вне института ведет большую общественно-политическую работу. Такое предвзятое отношение ко всем аспирантам в целом лишний раз свидетельствует о вредительской линии, которую проводил здесь Ундревич при попустительстве других руководителей института.

Испытывая на себе вредительскую систему подготовки научных кадров, аспиранты не раз сигнализировали о неблагополучии в аспирантуре как руководству института, так и НКЮ СССР. Однако их сигналы оставались без внимания: ни руководители института, ни Наркомюст не реагировали на них по-настоящему. Заведующему кадрами НКЮ СССР т. Зарубинскому, приехавшему в институт два раза в течение 1936 года, были заявлены прямые требования улучшить положение аспирантов.

В первый приезд т. Зарубинский ограничился лишь ознакомлением с личными делами аспирантов, но не захотел выслушать их. При втором посещении т. Зарубинским была установлена «проверка» знаний аспирантов в форме своеобразной викторины; но никаких выводов из этой «проверки» не было сделано, и аспиранты в недоумении. Не произошло никакого улучшения и в условиях учебы — вредительская система продолжала действовать.

Наконец, аспиранты поставлены в весьма неблагоприятные материальные условия. Стипендия выдается в размере от 200 до 250 рублей в месяц, в то время как студенты-отличники в институте получают 215 рублей. Абсолютное большинство аспирантов имеет семью и вынуждено искать дополнительные заработки. В этих целях они берутся за всякую работу, подчас во вред учебе. Это неизбежно отражается на учебе аспирантов. Об этом известно Наркомюсту, но он не принимает никаких мер. Во всех вузах и научно-исследовательских институтах аспиранты обеспечены стипендией в размере 400—500 рублей. Наркомюст же аспирантам своих вузов и даже аспирантам третьего курса, которые кончают аспирантуру и должны серьезно работать над диссертацией, выплачивал по 250 рублей в месяц. Это бездушно-бюрократическое отношение к аспирантам со стороны руководителей института и Наркомюста СССР способствовало полному провалу дела подготовки научных кадров в области теории государства и права.

Было достаточно времени после сигналов партийной печати о политическом прорыве в области теории государства и права для того, чтобы сломать вредительскую систему подготовки кадров, перестроить это дело по-новому. Однако до настоящего времени все остается без изменений.

Народному комиссариату юстиции СССР пора понять всю глубину последствий вредительства в подготовке научных кадров и немедленно принять самые решительные меры к ликвидации этих последствий и к перестройке этого дела. Проблема подготовки кадров должна стать предметом особой заботы НКЮ СССР. Нужно в самый короткий срок полностью ликвидировать вредительскую систему

подготовки кадров в области теории государства и права, нужно немедленно обеспечить подлинно большевистскую работу на этом ответственнейшем участке нашего социалистического строительства.

К. Безносиков.

ОТ РЕДАКЦИИ. Поднятый в настоящей статье вопрос крайне важен. Мы ждем, что НКЮ СССР вмешается в это дело и обеспечит немедленное улучшение всей системы подготовки кадров научных работников в области теории права и, в частности, в области государственного права. Дольше ни минуты нельзя терпеть такую обстановку на этом важнейшем участке нашего правового фронта!

Секции революционной законности в борьбе с бюрократизмом и волокитой в деле рассмотрения жалоб

Вопрос о борьбе с бюрократизмом и волокитой в деле рассмотрения жалоб трудящихся — вопрос старый, которому посвящен целый ряд постановлений правительства и отдельных органов советской власти.

Достаточно напомнить хотя бы постановления Президиума ЦИК СССР от 13 апреля 1933 г. (С. З. № 26, 1933 г., ст. 153) и от 14 декабря 1935 г. (С. З. № 31, 1936 г., ст. 274), постановления Президиума ВЦИК от 20 августа 1930 г., 20 апреля 1932 г., 1 июля 1934 г. и 14 декабря 1935 г., постановление ЦКК ВКП(б) и НК РКИ от 27 декабря 1932 г. По линии прокуратуры можно указать, например, на циркуляры прокурора РСФСР от 10 мая 1932 г. за № 77, от 9 ноября 1932 г. за № 34, на циркуляры прокурора СССР от 21 марта и 3 июня 1936 г. и апрельский циркуляр 1937 г. о контроле исполнения по жалобам.

К сожалению, все эти постановления, директивы и распоряжения во многих случаях оставались и продолжают оставаться и поныне гласом вопиющего в пустыне.

Между тем вопрос о жалобах был бы давно разрешен, если бы на местах по-большевистски, дисциплинированно выполнялись следующие требования постановлений правительства: расследование жалоб на местах как командированными работниками, так и силами советского актива и «легкой кавалерии»; вынесение решений в присутствии жалобщиков, представителей заинтересованных организаций и лиц, производивших расследование по жалобе; возложение персональной ответственности за постановку приема и разрешения жалоб на председателей исполнительных комитетов; установление дней и часов для приема жалобщиков; систематическое заслушивание на заседаниях президиумов советов и исполнительных комитетов отчетов о рассмотрении и разрешении жалоб трудящихся; установление систематической проверки исполнения решений по жалобам; категорическое запрещение пересылать жалобы на рассмотренные тех учреждений и лиц, на действия ко-

торых принесена жалоба; привлечение к строгой ответственности, вплоть до предания суду лиц, не выполняющих решений, принимаемых по жалобам, а также виновных в волоките и невнимательном отношении к жалобам и жалобщикам.

В настоящее время, когда в жизнь трудящихся Союза ССР проводятся великие начала, возведенные Сталинской Конституцией, необходимо как можно скорее, как можно радикальнее взяться за упорядочение дела рассмотрения жалоб трудящихся.

Раньше всего необходимо, конечно, добиться полного безоговорочного проведения в жизнь постановления Президиума ЦИК СССР от 14 декабря 1935 г. и постановления Президиума ВЦИК от 1 июля 1934 г.

При этом необходимо обратить самое серьезное внимание на вовлечение в борьбу с бюрократизмом и волокитой в деле рассмотрения и разрешения жалоб трудящихся секций революционной законности при горсоветах, в число задач которых (секций) входит, между прочим, «практическая (подчеркнуто мною. — П. В.) помощь органам охраны революционной законности в осуществлении возложенных на них задач и борьба с явлениями бюрократизма, волокиты и искривлениями советских законов» (ст. 5 Положения о секциях революционной законности при горсоветах).

При надлежащем внимании к этим секциям, в смысле большего, нежели до сих пор, действительного руководства ими со стороны советов, судей и прокуроров, эти секции смогут, вне всякого сомнения, сыграть весьма значительную роль в деле борьбы с бюрократизмом и волокитой советского аппарата.

В настоящее время, за очень редкими

исключениями, названные секции прозябают, влача поистине жалкое существование.

В общем этот, могущий быть очень полезным, общественный актив находится в заброшенном состоянии.

Между тем стоит лишь заглянуть в Положение о названных секциях, чтобы убедиться, какую громадную общественно-политическую роль эти секции призваны и могли бы в действительности сыграть при должном к ним внимании, надлежащей организации и руководстве.

Действующее положение о секциях революционной законности открывает последним широкое поле деятельности в деле охраны революционной законности вообще и, в частности, в области борьбы с бюрократизмом и волокитой в деле рассмотрения и разрешения жалоб трудящихся.

В этой области на секции революционной законности Положением возложены обязанности ознакомления с работой важнейших звеньев аппарата прокуратуры, ускорение прохождения и обеспечение правильности рассмотрения жалоб рабочих и трудящихся, красноармейцев и их семей, проверка и расследование по поручению прокуратуры отдельных жалоб и заявлений, участие через своих представителей в работе комиссий по наложению административных взысканий и рассмотрение жалоб по этим вопросам.

Необходимо как можно скорее оживить деятельность названных секций, направив такую по надлежащему, предугазанному Положением о них, руслу, и тогда работа по жалобам будет поднята на более высокую ступень.

П. Волков.

СУДЕБНО-НАДЗОРНАЯ ПРАКТИКА ПРОКУРАТУРЫ СОЮЗА

НЕПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ОТВЕТЧИКУ ВОЗМОЖНОСТИ ДАТЬ ОБЪЯСНЕНИЯ ПО ИСКУ НАРУШАЕТ ПРАВА ОТВЕТЧИКА И ВЛЕЧЕТ ОТМЕНУ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

9 февраля 1934 г. гр. Гольдман и Абрамский заключили с Украинфильмом договор на изготовление сценария под названием «Мечты и улыбки».

Сценарий в окончательном виде они обязались сдать Украинфильму не позднее 15 июня 1934 г.

Трест обязался уплатить авторам за изготовленный и одобренный сценарий 12 000 руб.

Пункт 8 договора определял порядок расчетов за сценарий: 25% при подписании договора, 25% по утверждению либретто и окончательный расчет после окончательной приемки сценария.

Просрочка и невыполнение авторами обязательства по договору давали Украинфильму право требовать возвращения авторами 50% полученных авансов.

Подсудность споров по договору была указана — судебные органы г. Харькова.

В мае 1935 г. кинофабрика Украинфильма предъявила в народном суде Октябрьского района г. Киева иск к Гольдману и Абрамскому о взыскании с ответчиков по договору от 9 февраля 1934 г. 4 651 р. 28 к. за представление сценария «Мечты и улыбки» с большим запозданием и оказавшего непригодным к постановке.

Истец представил суду копию договора от 9 июня 1934 г. на сценарий «Мечты и улыбки» и выписку из счета Гольдмана и Абрамского по сценарию «Мечты и улыбки» о получении авансов в сумме 10 252 р. 30 к.

Истец просил взыскать с авторов, согласно 9 пункту договора, 4 651 р. 28 к.

Получив судебную повестку, ответчики Гольдман и Абрамский просили отложить разбор дела, прислать им копию искового заявления для представления объяснений, указав при этом, что они недоумевают по поводу иска, так как не они должны кинофабрике, а кинофабрика им. Телеграмма об этом была послана ответчикам в день получения повестки, 18 июня 1935 г.

Дело было заслушано судом 20 июня 1935 г. с участием представителя истца. Ответчики в процессе не участвовали.

Суд иск удовлетворил полностью.

Авторы сценария узнали об этом решении только 19 апреля 1937 г., когда им в управлении по охране авторских прав были предъявлены исполнительные листы. Гольдман и Абрамский обжаловали решение в Прокуратуру Союза.

Проверив это дело, Прокуратура Союза, счи-

тая решение народного суда неправильным, опротестовала его по следующим основаниям:

Из дела видно, что суд не проверил с достаточной внимательностью и полнотой взаимоотношения сторон, подошел к делу одно-сторонне и вынес решение на основании материалов истца, чем была нарушена ст. 7 ГПК и постановление 52 Пленума Верховного суда СССР «О строжайшем соблюдении норм гражданского процесса».

Ответчики просили суд отложить разбор дела, выслать им процессуальные документы, дать им возможность представить свои возражения. Ответчики при этом заявили, что они недоумевают по поводу иска, так как не они должны кинофабрике, а наоборот, кинофабрика должна им по этому договору. Получив такую телеграмму, народный суд должен был по закону предоставить ответчикам возможность представить свои возражения. Суд грубо нарушил процессуальные права ответчиков, не обсудив далее ходатайства ответчиков.

Из дела видно, что доказательства отклонения сценария, представленные истцом, относятся к сценарию «Забывтый мотив», а не к сценарию «Мечты и улыбки», по которому предъявлен кинофабрикой иск о возврате авансов. Это обстоятельство лишний раз показывает, что суд невнимательно отнесся к проверке взаимоотношений и что суд не вправе был решать спор, не заслушав объяснений другой стороны.

Кроме изложенного выше, суд нарушил правила подсудности. Истец предъявил иск в народном суде г. Киева, «автоматически» определив подсудность. Ответчики проживают в Москве. Суд не проверил правильности предъявления иска в Киеве и не обсудил даже вопроса о подсудности настоящего спора, чем грубо нарушена ст. 30 ГПК УССР и постановление 52 Пленума Верховного суда Союза ССР «О строжайшем соблюдении норм гражданского процесса».

ГКК Киевского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: решение народного суда отменить и дело передать для нового рассмотрения в Москву, по месту жительства ответчиков.

В СЛУЧАЕ ВЫНЕСЕНИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА ТРУДЯЩИЙСЯ НЕ ПОЛУЧАЕТ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ЗА ВРЕМЯ НАХОЖДЕНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ, ХОТЯ БЫ СОВЕРШЕННЫЕ ИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕ БЫЛИ СВЯЗАНЫ С ЕГО РАБОТОЙ

Гр-н Барабанов, бывший начальник материального отдела Метрополитена, 3 декабря 1935 г. по приказу начальника Метрополитена НКПС был отстранен от работы с одновремен-

ным привлечением его к уголовной ответственности.

Приговором линейного суда М. Окружной ж. д. от 15—27 марта 1936 г. Барабанов за злоупотребления по прежнему месту работы на Окружной ж. д., а также и по работе на Метро был осужден к 8 годам лишения свободы. Этот приговор был отменен, и при новом рассмотрении дела 25—31 декабря 1936 г. Барабанов был приговорен по ст. 111 УК к 1 году принудительных работ за преступно-халатное отношение к работе по Окружной ж. д.

В марте 1937 г. Барабанов предъявил иск об уплате ему зарплаты за все время вынужденного прогула, компенсации за неиспользованный отпуск и выходного пособия, всего в сумме 12544 руб.

Народный суд присудил ему зарплату за 2 мес. 1600 руб., а в остальной части иска отказал.

ГКК МГС оставила решение народного суда в силе.

Прокуратура СССР, считая, что Барабанов не имел права на взыскание и за 2 месяца и что поэтому решение суда неправильно, опротестовала решение народного суда по следующим основаниям:

Как видно из дела, Барабанов был не оправдан, а осужден уголовным судом к 1 году и.т. работ.

То обстоятельство, что Барабанов, привлеченный за должностные преступления на Метро и Окружной ж. д., в конечном счете осужден лишь за преступления, совершенные им по работе на Окружной ж. д., не имеет существенного значения для разрешения гражданского иска Барабанова.

По точному смыслу ст. 5 пост. НКТ РСФСР от 21 мая 1925 г., на которое ссылается и суд в своем решении, при обвинительном приговоре «вознаграждение за пропущенное время не выплачивается», независимо от того, привлекался ли работник за преступления, связанные или не связанные с его работой.

Президиум Московского городского суда 3 октября 1937 г., рассмотрев протест Прокуратуры СССР, постановил решение народного суда и определение кассколлегии отменить и в иске Барабанову отказать.

СУРОВО КАРАТЬ ЗА ЗЛОСТНОЕ НАРУШЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

29 августа 1937 г. линейный суд Левинской ж. д. приговорил Мыскина Митрофана Ивановича по ст. 59-3 п. «в» ч. 1 УК РСФСР к трем годам лишения свободы.

22 сентября 1937 г. транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР приговор линейного суда оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР по следующим основаниям:

11 августа 1937 г. в 17 ч. 38 м. на не охраняемом переезде 101 км станции Земетчино Ленинской ж. д. произошло столкновение пассажирского поезда № 89 с грузовым автомобилем. В результате столкновения тяжело ранены пассажиры автомашины Герасимов, Кочетков и Барышева и разбита автомашина. Убытки 13585 руб.

Виновным в столкновении является шофер автомашины Мыскин. Земетчинское отделение Заготзерно командировало Мыскина в колхоз «Красный меч» для перевозки зерна. Мыскин посадил в кабину шофера двух пассажиров и, подъезжая к не охраняемому переезду, совершенно не следил за состоянием пути.

Несмотря на то, что semaфор станции был открыт, стрелочник поста (находился в 10 метрах от переезда) давал сигналы остановки, машинист поезда № 89 также давал предупредительные сигналы, тем не менее Мыскин не остановил автомашину и въехал на переезд.

Благодаря преступно-халатному отношению Мыскина к порученной ему работе произошло столкновение пассажирского поезда № 89 с автомашиной, повлекшее за собой тяжелые последствия: гр-ну Кочеткову отрезало ноги, гр-ка Барышева после операции умерла. Государству причинен убыток в сумме 13585 руб. Несмотря на это, линейный суд назначил Мыскину чрезвычайно мягкое наказание.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила — приговор линейного суда и определение транспортной коллегии отменить и дело вернуть в тот же суд на новое рассмотрение со стадии судебного следствия в ином составе.

14 сентября 1937 г. линейный суд железной дороги им. Дзержинского приговорил Чекинова Александра Георгиевича по ст. 59-3 п. «в» УК РСФСР к трем годам лишения свободы.

4 октября 1937 г. транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР приговор линейного суда оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР по следующим основаниям:

Чекинов был признан линейным судом виновным в том, что, будучи машинистом, 15 августа 1937 г. в 12 ч. 30 м., следуя с паровозом № 678-65, не следил за состоянием пути и зарезал стрелочницу Кузьмину.

Материалами дела установлено, что Чекинов держал паровоз в неисправном состоянии и 15 августа 1937 г., следуя по путям станции, автотормоза выключил.

Помощник машиниста Голиков предупредил Чекинова, что на пути находится стрелочница Кузьмина, тем не менее он не принял мер к остановке паровоза. После того как стрелочница Кузьмина была зарезана, Голиков заявил Чекинову, что стрелочница попала под паровоз, а стрелочник Морозов давал сигналы остановки, но Чекинов не остановился и уехал набирать воду.

Назначенное Чекинову наказание является мягким и не соответствует совершенному им преступлению.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор линейного суда ж. д. им. Дзержинского и определение транспортной коллегии Верховного суда СССР отменить по мягкости и дело вернуть в линейный суд на вторичное рассмотрение в ином составе со стадии судебного следствия.

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОПРАВДАНИЕ

28 июня 1937 г. линейный суд Сталинградской ж. д., рассматривая дело мастеров вагонного депо Мороза и Штанкевича, об антигосударственной практике по выбраковке здоровых груженых вагонов, вынес им оправдательный приговор.

Транспортная коллегия Верховсуда приговором линейного суда оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение транспортной коллегии в отношении Мороза и Штанкевича по следующим основаниям: Мороз и раньше уже был судим по ст. 59-3 п. «в» УК. По делу установлено свидетельскими показаниями, что Мороз и Штанкевич давали указания о неправильной браковке вагонов. Суд в приговоре это признал, но оправдание мотивировал тем, что они действовали по указанию старших агентов и поэтому в отношении их можно ограничиться дисциплинарным взысканием. Между тем из поездов было изъято 110 здоровых вагонов, из них 40 груженых, а больные вагоны ставились в поезд с крупными недоделками.

Судебно-надзорная коллегия Верховсуда СССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: приговор линейного суда Сталинской ж. д. от 28 июня 1937 г. и определение транспортной коллегии Верховсуда СССР от 14 августа 1937 г. в отношении Штанкевича Федора Михайловича и Мороза Павла Георгиевича отменить и дело вернуть в тот же линейный суд на новое рассмотрение в ином составе со стадии судебного следствия.

ОТМЕНА ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА ЗА НЕДОКАЗАННОСТЬ ОБВИНЕНИЯ

Линейный суд Закавказской ж. д. 20 августа п. г. признал виновным Сухорученко в проезде закрытого светофора и приговорил его к 1½ годам лишения свободы.

Транспортная коллегия 26 сентября определила: «...Из приложенной справки начальника депо видно, что Сухорученко два дня подряд не имел достаточного отдыха, а также выписки из журнальной записи машинистов видно, что сигнальные знаки были в неисправности. Учитывая это, приговор оставить в силе без изменения, а кассационную жалобу осужденного без удовлетворения».

Помимо этого транспортная коллегия, придавая серьезное значение записям машинистом в журнале о неисправностях сигналов, частным определением указала председательствующему по делу о необходимости довести это до сведения начальника дороги для принятия мер.

Мотивы определения транспортной коллегии соответствуют действительности, но именно поэтому приговор необходимо было отменить и дело вернуть на исследование, так как предварительное и судебное следствие в вопросе состояния сигналов не уделили никакого внимания.

До расследования вопроса о состоянии сигналов нельзя говорить о виновности машиниста, нельзя и не учесть переутомленность машиниста.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение транспортной коллегии.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокура-

туры Союза, постановила: приговор линейного суда и определение транспортной коллегии по делу Сухорученко отменить и дело вернуть на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЛА НА ДОСЛЕДОВАНИЕ

Линейный суд Казанской ж. д. по ст. 49-3 п. «в» УК РСФСР приговорил: Юрлова Павла Никифоровича к 5 годам лишения свободы, Митракова Павла Ивановича к 4 годам лишения свободы и Потураева Григория Андреевича к 3 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия Верховного суда СССР приговором линейного суда отменила и дело передала на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Прокуратура Союза опротестовала определение транспортной коллегии по следующим основаниям:

1 февраля 1937 г. на перегоне Бикбарда-Кюеда Казанской ж. д. произошло крушение поезда № 717 вследствие взлома оси платформ № 906236, что причинило дороге ущерб в 3 220 руб. и вызвало перерыв движения на 4 часа 15 минут.

Линейный суд установил, что причиной крушения явилось плохое состояние пути, угрожающее безопасности движения поездов.

Транспортная коллегия признала, что излом оси произошел не по вине пути, а по другим причинам, в частности предполагая наличие перегруза на 25% и старой третины оси на 25%.

Между тем в деле имеется коммерческий акт от 7 февраля 1937 г. № 46 перевеса груза, из которого видно, что груза в вагоне № 906236 оказалось меньше против документов на 3 100 кг: по документам числится 15 000 кг, фактически при перевесе оказалось 11 900 кг. Подъемная сила вагона 15 тонн. Таким образом перегруза вагона не было. Это подтвердили и свидетели Немц и Нечаев.

Таким образом совершенно непонятно утверждение транспортной коллегии, что было 25% перегруза. Утверждение это голословно.

Излом оси свежий, что подтверждается справкой вагонного участка ст. Красноуфимская.

Поэтому голословным также является утверждение транспортной коллегии, что имелась старая трещина в 25%.

Определить структуру строения металла оси и могла ли ось, имея строение металла мелко-, крупно- и среднезернистое, выдержать тяжесть давления на ось при нормальной погрузке, в данное время не представляется возможным, так как эта ось была сдана в металлолом и, отправлена на переплавку на Ижевский завод.

В определении транспортной коллегии указано, что «крестовина, как усматривается из дела, не могла послужить причиной излома оси, так как излом произошел через 300 метров после прохода крестовины». Это неправильно. На эскизе указано, что борозда, прочерченная осью, началась через 235 метров от дефектной крестовины, причем это место начала борозды по шпалам нельзя считать местом излома оси, так как после излома оси на крестовине она могла держаться некоторое время, не оставляя следов на шпалах. Довод коллегии никак не может служить объясне-

нием, что излом оси произойдет не от дефектной крестовины.

Из материалов дела видно, что при квартальном осмотре пути дорожному мастеру Юрлову было предложено сменить крестовину в течение 2-дневного срока. Ни Юрлов, ни бригадир Митраков это распоряжение не выполнили. Это подтверждается показаниями начальника дистанции пути Александра, а также показаниями обвиняемого бригадира Митракова, который показал, что дефектная крестовина была заменена после крушения, т. е. 5 февраля.

Плохое состояние пути установлено не только актом проверки от 2 января, как это указывает транспортная коллегия, но и показаниями свидетелей и самих обвиняемых, из которых видно, что такое состояние пути было и после проверки.

Судом установлено, что со стороны бригадиров Митракова и Пютураева, при производстве ремонта пути, место работ не ограждалось сигналами, в результате чего 10 сентября 1936 г. поезд наехал на вагонетку. Производственной работе осужденных дана отрицательная характеристика.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определение транспортной коллегии по настоящему делу отменить и дело передать на новое кассационное рассмотрение в ту же коллегию в ином составе.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ЗА НЕДОСЛЕДОВАНИЕ ДЕЛА

Народный суд 6 участка ААО 24 февраля 1937 г. приговорил Балюра Н. М. по ст. ст. 116, ч. I и 169, ч. II УК к 3 годам лишения свободы с поражением в избирательных правах сроком на 3 года.

УКК Адыгейского областного суда 14 июня 1937 г. приговор народного суда оставила в силе, исключив из него поражение в избирательных правах.

Балюра, работая заведующим магазином № 1 Шагинского горта, сдавая 23 августа 1935 г. выручку в сумме 400 руб. фельдшеру НКВД, получил от него квитанцию № 206, в которой была указана сумма 1400 руб.—цифрами и прописью. В путевом же листе у фельдшера Митерева Балюра расписался в сдаче 400 руб. При последующем обнаружении этого расхождения Митерев объяснил, что сумма 1400 руб. прописью им написана по ошибке, а Балюра подставил «1» к сумме 400 и, таким образом, сдал лишь 400 руб., остальную тысячу присвоил себе.

Кроме того, по акту от 4 июня 1936 г. за Балюрой установлена недостача по магазину в сумме 1626 р. 67 к.

Прокуратура СССР опротестовала приговор народного суда и определение УКК по следующим основаниям:

Выводы суда о совершенном Балюрой подлоге противоречат заключению графической экспертизы, установившей, что цифра один в квитанции № 206, как и весь остальной текст, выполнены Митеревым.

При этих условиях ошибка со стороны Митерева и правильность его объяснений по этому вопросу являются весьма сомнительными.

Акт графической экспертизы, видимо, не был

в распоряжении народного суда, так как следствием он неосновательно был выделен из дела, в суд обязан был затребовать этот акт.

Вопрос о недостаче 1626 р. 67 к. у Балюра по делу совершенно не исследован, и его объяснения по этому вопросу (эпизод с недостачей макарон, сдача ему конфет вместо монпансье и др.), не проверены, чем нарушена ст. 112 УК.

Пленум Адыгейского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор народного суда и определение КК областного суда отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

* * *

19 сентября 1937 г. линейный суд Западной ж. д. приговорил Михейченко Федора Денисовича по ст. 80-3, ч. I УК БССР к 4 годам лишения свободы.

4 октября 1937 г. транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР приговор линейного суда оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда и определение транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР по следующим основаниям:

Преступление машиниста Михейченко, по приговору линейного суда, заключается в том, что он 7 сентября 1937 г., следуя с паровозом на станцию Орша, не следил за сигналами и проехал закрытый semaфор станции.

Для того чтобы скрыть свою вину, он в двух вагонах перекрыл концевые краны автомагистралей и заявил, что в пути следования неизвестные злоумышленники перекрыли концевые краны.

В судебном заседании Михейченко возбудил ходатайство о допросе свидетеля Павлова, которому якобы после окончания следствия стало известно, что концевые краны были действительно перекрыты слесарем станции Орша.

Суд не удовлетворил ходатайство Михейченко о допросе свидетеля Павлова.

Между тем заявление Михейченко является серьезным и требует проверки.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила—приговор линейного суда Западной ж. д. и определение транспортной коллегии Верховного суда СССР по делу Михейченко отменить и дело вернуть в тот же линейный суд на новое рассмотрение в ином составе со стадии судебного следствия и с вызовом для допроса Павлова.

* * *

Линейный суд Южной ж. д. 1 сентября п. г. признал машиниста Бараненко виновным в том, что он 16 августа проехал контрольный столбик и паровозом взрезал стрелки. За это преступление Бараненко был приговорен к 7 годам лишения свободы.

Транспортная коллегия приговор линейного суда оставила в силе.

Считая, что приговор линейного суда и определение транспортной коллегии неправильны и подлежат отмене по недостаточности дела и неясности ряда вопросов, без выяснения которых нельзя правильно решить вопрос о виновности, Прокуратура Союза опротестовала приговор линейного суда по следующим основаниям:

Не выяснено, было ли по графику намечено на 45 разъезде скрещение управляемого Бараненко поезда с воинским?

Почему ДСП разъезда при открытом семафоре встретил Бараненко красным сигналом остановки?

Какие причины заставили вопреки графику наметить скрещение поездов на 45 разъезде и почему машинист Бараненко не был об этом предупрежден?

К делу не приложен профиль пути. Без этого нельзя проверить показания Бараненко о том, что опробовать в пути тормозов он не мог потому, что шел на подъем.

При отсутствии этих данных в деле, показаний помощника машиниста, ДС и ДСП о том, что машинист Бараненко принял все меры к остановке поезда, нет оснований для признания его виновным или единственным виновником проезда контрольного столбика.

Экспертиза дала неправильное заключение о том, что при перекрытии тормозного крана получилось бы самоторможение. Если кран был перекрыт на последней остановке во время выкидки с головы поезда одного вагона, то никакого самоторможения произойти не могло. В этом случае возникает вопрос об ответственности поездного мастера, не проверившего действия тормозов при опробовании и сваливающего вину на машиниста.

По старой версии (неполное самоперекрытие крана в пути следования) нет заключения экспертизы о том, что стало бы с тормозами.

Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда СССР, рассматривая протест Прокуратуры Союза, постановила: приговор линейного суда и определение транспортной коллегии по делу Бараненко отменить и дело вернуть в линейный суд на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

ОТМЕНА ПРИГОВОРА ВСЛЕДСТВИЕ НЕСОТВЕТСТВИЯ НАКАЗАНИЯ СОДЕЯННОМУ

Приговором выездной сессии Ленинградского облсуда в г. Новгороде 18 июля 1936 г. гр-н Заботин И. А. по ст. 193-17 и ст. 17-73-1 УК был осужден к 4 годам лишения свободы.

Обвинялся Заботин в том, что, работая в Новгородском РОМ в качестве участкового инспектора и имея личные счеты за себя и за родственников с селькором Востряковым, завел на него три уголовных дела без достаточных к тому оснований.

УКК Верховного Суда РСФСР приговор Леноблсуда оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор Леноблсуда по следующим основаниям:

Правильность возбуждения Заботиным уголовного дела против Вострякова по обвинению его в избивании Зенова полностью подтверждается показаниями как потерпевшего Зенова, так и свидетелей Шеберина Н. В., Клямова В. П., Захаровой Е. Е.; показаниями свидетелей Самина и Корнева, ехавших вместе с Востряковым, инициатором драки указывается Зенов.

Допрошенный через 13 месяцев следователем облпрокуратуры потерпевший Зенов показал, что ничего не помнит. Зенов страдает эпилепсией и психически не совсем здоров. Свидетель Климов показал, что первый удар нанес Зенов, Захарова показала, что не помнит, кто

кого первый ударил. Свидетельница Попова показала, что Востряков бил Зенова. Таким образом, установив, что в драке виновны оба—и Зенов и Востряков, Заботин совершенно правильно направил это дело в сельский общественный суд.

Точно так же правильно было возбуждено Заботиным уголовное преследование против Вострякова за то, что Востряков, видя, что Заботин вместе с председателем сельсовета Хватовым ведут двух пьяных для водворения в амбар до вытрезвления, призывал толпу бить Заботина и Хватова и освободить задержанных. Указанное подтверждается показаниями свидетелей Хватова, Игнатова К. В., Фюкова. Допрошенные через год свидетели Игнатов и Хватов прежние свои показания подтвердили.

Поэтому нет никаких оснований обвинять Заботина в искусственном создании этих двух дел против Вострякова без наличия достаточных к тому оснований, так как основания к этому были.

Обоснованной является только третья часть предъявленного Заботину обвинения, т. е. в неправильном обвинении Вострякова в уклонении от явки на сбор по пробной мобилизации, так как Востряков во время явился на сбор, а заявление его в пьяном виде о том, что незначителен итти на сбор, так как напрасно только собирают, не могло служить основанием для возбуждения уголовного преследования против него. Это могло иметь место лишь в случае действительной неявки Вострякова на сбор.

Президиум Верховного Суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил во изменение приговора Ленинградского облсуда и определения судебной коллегии Верховного Суда действия Заботина квалифицировать по ст. 193-17-а УК, определив ему меру наказания в 2 года лишения свободы, которую считать отбытой, и Заботина из-под стражи немедленно освободить.

* * *

Народный суд Кохмогского района от 19—21 сентября 1936 г. приговорил бывшего председателя артели швейников «Труд» Ахромкина Павла Петровича по ст. 109 УК к двум годам лишения свободы.

Определением кассационной коллегии областного суда от 2 октября 1936 г. приговор народного суда был оставлен в силе.

Суд признал Ахромкина виновным в том, что он, будучи с марта 1934 г. по апрель 1936 г. председателем артели швейников, взял из средств артели для себя 400 руб. и для своей будущей жены Филипповой (тоже член артели) 500 руб.; получил в феврале 1936 г. 470 руб. на заготовку товаров и присвоил их; получил в артели аванс 450 руб. и не вернул его; вынул рабочего артели Цветкова шить для себя костюмы в нерабочее время (в дни отдыха); не принял мер для упорядочения учета, в результате чего образовалась недостача материальных ценностей на 5 172 руб. и излишек на 4 043 руб., и пьянствовал со своими подчиненными, в частности с кладовщиком Курниковым, который растратил 11 216 руб. (осужден по этому же делу по II ч. 116 ст. УК на 8 лет лишения свободы).

Прокуратура Союза опротестовала приговор суда и утвердившее его определение касса-

ционной коллегии в отношении осужденного Ахромкина по следующим основаниям:

По делу доказано, что 400 и 500 руб. Ахромкин и Филиппова получили с ведома правления артели, как получали подобные авансы и другие члены артели. Эти деньги были своевременно уплачены, и само по себе позимствование не содержит ничего противозаконного.

470 руб., полученных на заготовку товаров, не были присвоены Ахромкиным. В этой сумме Ахромкин отчитался на 244 р. 20 к. документами и остальное наличными деньгами. Отчет был им сдан с опозданием, в сентябре 1936 г., ввиду того, что расписка на 470 руб. была изъята следователем, а без нее бухгалтерия не принимала отчета. Документы были предъявлены на суде, но судом не были приняты.

Аванс 450 руб. был действительно получен Ахромкиным, но его нельзя приписывать ему как присвоение, поскольку артелью с Ахромкиным не были учинены окончательные денежные расчеты. По показанию Ахромкина 450 руб. были уплачены касиру Морозову. Морозов это отрицает. Только на основании отрицания Морозова суд признал, что Ахромкин присвоил 450 руб. Между тем это положение является спорным и судом не проверено. Ахромкин утверждает, что 450 руб. после суда с него взысканы вторично.

По делу доказано, что Цветков шил для семьи Ахромкина два костюма и пальто в свободное время. Труд его был оплачен, чего не отрицает и сам Цветков.

Обвинение в недостатке материальных ценностей на 5172 руб. явилось результатом плохого расследования дела. Уже в кассационной жалобе Ахромкин приложил счет на 2227 р. 80 к. На эту сумму должна быть уменьшена недостача. Тщательная проверка отчетности, как утверждает Ахромкин, должна установить полное отсутствие какой-либо недостачи, но эта проверка не была сделана.

Случай выпивок не отрицает и сам Ахромкин. Выпивал на свои средства. Нет оснований утверждать, будто Ахромкин поощрял Курникова к растратам. В этом отношении Ахромкин виновен в том, что не проявил достаточной настойчивости в проверке работы кладовщика и его отчетности.

Построив обвинения на вышеперечисленных мелочах, суд не учел положительные стороны работы Ахромкина как председателя артели. Между тем он за два года работы серьезно укрепил артель как хозяйственную единицу. Будучи до него дефицитной, артель стала работать с прибылью, число занятых рабочих с 36 возросло до 185, количество швейных машин с 7 возросло до 47. Производственный план, на всем протяжении работы Ахромкина, перевыполнялся: план 1935 г. был выполнен на 129%, план первого полугодия 1936 г.—на 120%.

Президиум Ивановского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор народного суда и определение кассколлегии областного суда в отношении Ахромкина отменить и дело о нем по п. 5. ст. 4 УПК производством прекратить.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ЗАКОНА ОТ 7 АВГУСТА 1932 Г.

Приговором народного суда 59 участка Загорского района, Московской области, Кома-

ров И. Н. в числе других по закону от 7 августа 1932 г. был осужден к 10 годам лишения свободы.

Определением кассационной коллегии Московского областного суда приговор народного суда в отношении всех осужденных по этому делу был оставлен в силе. Определением же судебной коллегии Верховного Суда РСФСР преступные действия Машкова Н. И., осужденного по этому же делу, вместо закона от 7 августа 1932 г. были переквалифицированы по ст. 109 УК с определением ему меры наказания 5 лет лишения свободы.

Комаров был осужден за то, что он, состоя заведующим бакалейным отделением магазина «Пищеторга» в Загорске с 1 марта по 1 сентября 1934 г., незаконно по предложению зав. магазином заприходовал за своим отделом бестоварных квитанций на сумму 6000 руб. и этими своими действиями способствовал покрытию имевшей место растраты в другом отделе магазина.

Зная о том, что заведующим магазином помимо кассы было изъято из дневной выручки по его отделу 4000 руб., не принял надлежащих мер.

Принимал участие в незаконной оптовой продаже по магазину в размере 2175 руб. Кроме того, из гастрономического отдела магазина Комаров забрал без денег продукты на сумму около 50 руб.

При ревизии магазина за Комаровым была установлена недостача в сумме 13793 руб., которая слагалась из вышеуказанных сумм и фактической недостачи в размере 3793 руб.

Корыстная заинтересованность Комарова в расхищении 10000 руб. в материалах дела подтверждения не нашла. Наоборот, б. заведующий магазином Афанасьев подтвердил, что 4000 руб. были им взяты из дневной выручки Комарова и переданы агенту Плешкову.

Бывший заведующий складом Тихомиров подтвердил показания Комарова, что накладная на 6000 руб. была без товара заприходована за бакалейным отделом.

Как видно из материалов дела, Комаров не имел достаточного опыта в торговой работе, не знал учета и ответственности по кооперации и в преступных его действиях не установлена корыстная заинтересованность. Кроме того, за Комаровым установлена недостача в размере 13793 руб., из них 10000 расхищены по вине б. заведующего магазином и, следовательно, недостача за Комаровым фактически выражается лишь в сумме 3793 руб.

При этих условиях осуждение Комарова по закону от 7 августа 1932 г. неправильно и преступление его надлежало квалифицировать по ст. 109 УК и соответственно этому определить меру наказания.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор в отношении Комарова.

Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор суда и определение кассационной коллегии в отношении Комарова Ивана Николаевича изменить и преступление его квалифицировать по ст. 109 Уголовного кодекса, определив ему меру наказания в 6 лет лишения свободы.

ПО СОЮЗНЫМ РЕСПУБЛИКАМ

РСФСР

Нарушение революционной законности в Бурят-Монголии

В Бурят-Монгольской республике бурно развивается крупная социалистическая промышленность. За годы существования республики выстроено 10 одних только крупных предприятий. Численность рабочих и служащих с 11 тыс. человек в 1923 г. выросла до 75 тыс. человек в 1936 г. Основная масса населения занимается сельским хозяйством, которое имеет частично зерновое, частично животноводческое направление. В колхозах объединены 91% крестьянских хозяйств. Доля колхозов в сельском хозяйстве по посевной площади составляет 96,7%; доля в животноводстве (в переводе на крупный скот) — 89,8%. Организовано большое количество МТС и совхозов с большими тракторными парками. Едиличный сектор занимает в сельском хозяйстве ничтожный удельный вес — 0,6% по посеву и 6,8% по скоту.

Поскольку главная масса населения проживает в селах (улусах), остановимся прежде всего на характеристике нарушений законности в селе.

Анализируя материалы прокуратуры, можно прийти к выводу, что основные нарушения социалистического правопорядка на селе сводятся к нарушениям устава сельскохозяйственной артели.

Для характеристики этих нарушений приведем несколько примеров.

В колхозе «Киров» Тункинского района председатель колхоза вносит годовой отчет колхоза на утверждение общего собрания, на котором присутствуют 100 членов колхоза из 312, что является прямым нарушением устава с.х. артели.

В колхозе Улан-Анга, того же района, из 153 человек на собрании присутствуют 53, и все же годовой отчет за 1936 год рассматривается, и распределение доходов утверждается.

Правлением колхоза имени Ворошилова, Еравнинского аймака, за неявку по вызову в правление колхоза принимается решение: «Белова, Борисова и Захарова вычистить из колхоза как злостных саботажников и дать волчий билет».

Пленум Киренского сельсовета наложил штраф в сумме 20 рублей на председателя колхоза Торнохонова за неявку на пленум, хотя сельсовет таких прав не имеет.

Правление колхоза «Блюхер», в нарушение устава сельскохозяйственной артели, переизбрало без ведома общего собрания ревизионную комиссию артели.

Правление целого ряда колхозов («Индустрия», им. Кирова, им. Блюхера и др.) отнесли содержание детей в яслях за счет родителей, что является нарушением устава сельхозартели.

В животноводческих аймаках систематически нарушается ветеринарный устав (антисанитарное состояние и отсутствие дезинфекции помещений для животных, оставление больных животных вместе со здоровыми, отсутствие обработки и карантина вновь приобретаемых животных, неизвещение ветеринарных работников о случаях заболевания и падежа скота и т. д.), причем борьба с этими нарушениями проводилась в совершенно недостаточной степени.

Вопреки п. 17 устава сельхозартели, предусматривающему осуществление определенной дисциплины внутри колхоза на основе принятых общим собранием правил внутреннего распорядка, ни в одном колхозе эти правила не выработаны, причем ни Наркомзем, ни его местные органы не дали по этому вопросу примерной инструкции.

Наконец, к большим нарушениям, ущемляющим материальный интерес колхозников, приводит уравниловка в авансировании колхозников. Авансы часто выдаются колхозникам без реального учета выработки колхозника. Во многих случаях это приводит к тому, что хуже работающие колхозники переавансированы, а лучше работающие недополучают заработанное. Такое неправильное авансирование тормозит развертывание стахановского движения в колхозах.

Вопросы приема и исключения членов колхоза, утверждения годового отчета во многих колхозах района рассматриваются без необходимого кворума, при любом числе собравшихся.

В колхозе «Красный партизан» колхозница Яковлева Евдокия за 15 дней до родов обратилась к председателю артели Трофимову с просьбой дать ей отпуск. Трофимов грубо ответил ей: «Ты молода, можешь работать, советую тебе просить отпуск и сидеть дома». Отпуск предоставлен не был, и Яковлева без разрешения за 10 дней до родов прекратила выход на работу. Когда же она после родов обратилась с просьбой о начислении ей трудодней, то ей в этом было отказано.

В колхозе «Красный партизан» Кондинского сельсовета введена была практика приема в члены артели с испытательным стажем.

Грубейшие нарушения социалистической законности на селе были вскрыты прокурором Еравнинского аймака т. Романовым, доведены до сведения прокурора республики и по инициативе последнего поставлены на обсуждение президиума ЦИК, который принял по докладу т. Романова развернутое постановление. В этом постановлении было записано: «За проявленную инициативу и настойчивую борьбу с нарушениями социалистической законности премировать прокурора Еравнинского аймака легкой машиной».

Однако прокуратура республики не реализовала своего намерения разослать всем районным прокурорам для ознакомления и учета в

своей работе обзор т. Романова, и опыт последнего не был популяризован.

Из основных нарушений социалистического правопорядка в городах и городских поселениях остановимся на хищениях и растратах социалистической собственности и нарушениях трудового законодательства.

Для характеристики приведем следующие факты:

Заведующий магазином № 8 «Гастроном» совершил растрату в 22 305 руб. Дело возникло в первых числах октября 1936 г., но растратчика никто не беспокоил, и он в последних числах того же месяца скрылся. УРКМ решило объявить розыск, но намерения своего не осуществило, розыск объявлен не был, и дело пролежало без движения пять месяцев.

Директор Бурмонторга заявляет 25 декабря 1936 г. следственным органам о неблагоприятии с сохранностью материальных ценностей в магазине № 4 Бурмонторга. Только 13 января 1937 г. обнаруживается, что завмаг Соснов расхитил товаров на 40 тыс. руб. 15 января возбуждается дело, но Соснов не задерживается и своевременно скрывается, а розыск объявляется только 28 января 1937 г.

В сентябре 1936 г. были получены первые сигналы о хищениях, производимых завмагом № 2 Военторга. До января 1937 г. материал лежит без движения. 8 января 1937 г. поступает дополнительный материал о том, что расхищено товаров на 10 666 руб. 10 января органы расследования составляют, наконец, постановление о взятии под стражу преступника, но последний, не дожидаясь решительных мероприятий со стороны органов расследования, скрылся.

Так ведется в Бурят-Монгольской республике борьба с растратчиками, расхитителями социалистической собственности, хотя здесь идет речь о защите источников богатства, зажиточности и культурной жизни трудящихся.

В первых числах февраля помощник прокурора республики по надзору за УРКМ проверяет состояние следственных дел этой категории и обнаруживает нерассмотренными старые дела по недостаткам, растратам и хищениям на общую сумму в 316 934 руб. Прокуратура республики ограничивается принятием мер к продвижению расследования этих конкретных дел, но никаких других выводов не делает.

Больше того, обзор пом. прокурора республики по этому вопросу не был использован и не был даже обсужден на оперативном совещании прокуроров, работающих в Улан-Удэ, не было дано директивы всем прокурорам районов об усилении борьбы с расхитителями социалистической собственности. Равным образом этот обзор не был размножен и разослан райпрокурорам, чтобы ознакомить их с положением в органах расследования с делами этой категории, не были сделаны выводы, направившиеся из этих материалов по улучшению контроля, учета и охраны собственности в хозяйственных и торгующих организациях республики, по проверке кадров завмагов, продавцов, кассиров, приемщиков, кладовщиков.

Охрана социалистической собственности в республике станет эффективной только тогда, когда прокуратура резко выправит и улучшит

работу органов расследования, установит жесткие сроки ведения следствия по этим делам, обеспечит на деле их соблюдение, вменит в обязанность райпрокурорам неукоснительно следить за каждым делом о хищениях и растратах социалистической собственности, лично руководить следствием, независимо от того, каким органом ведется расследование, развернет беспощадную борьбу не только с расхитителями, но и с создающими по своей халатности, бесконтрольности и безхозяйственности благоприятную обстановку для хищений.

Прокуратуре республики необходимо добиться резкого улучшения качества следственной работы по делам этой категории дел, требовать производства бухгалтерских экспертиз, а не строить обвинение на путаных и противоречивых данных о размерах хищений, растрат и присвоений, основанных на актах ревизий сомнительной ценности. Наряду с этим прокуратура должна добиться обязательного предъявления гражданских исков, обеспечивая их наложением ареста на имущество обвиняемых.

Случаев нарушения трудового законодательства и трудовых конфликтов по г. Улан-Удэ огромное количество. В городе бурно развивается промышленность, бурно растет численность населения. Огромный приток на вновь строящиеся предприятия, притом предприятия-гиганты (Паровозо-вагонный завод, где работает 8 000 рабочих), рабочей силы, вербованной главным образом по договорам, дает большое число трудовых конфликтов, которые порождаются систематическим нарушением КЗоТ со стороны руководителей предприятий и других должностных лиц. Об удельном весе этих жалоб можно судить по тому, что из 2 008 жалоб, поданных в горпрокуратуру Улан-Удэ за 6 месяцев 1937 г., 590 приходится на нарушения трудового законодательства, из них 492 — на невыплату зарплат.

Это письменные, учтенные жалобы. Помимо этого огромное количество жалоб поступает в устном виде, без фиксации их где бы то ни было. 590 учтенных жалоб падают на 135 предприятий.

Особенно неблагоприятными являются предприятия: ПВЗ, Мясокомбинат, Госстройконтора, Бурмонголлес, Нефтескладстрой, Стройконтора.

На ПВЗ на протяжении ряда месяцев б. начальники цехов кузнечного и котельного, ныне разоблаченные как враги народа, диверсанты и шпионы, во вредительских целях практиковали массовые обшеты рабочих. Об этом имелись и в прокуратуре республики, и в городской прокуратуре, и в участковой прокуратуре В.-Сибирской ж. д. десятки сигналов от рабочих, но прокуратура не расследовала причины массовых обшчетов рабочих, пока органами НКВД не была вскрыта троцкистская, вредительская организация.

Причина столь массовых и безобразных нарушений трудового законодательства, безусловно, кроется в плохой работе профсоюзных организаций и в плохой работе прокуратуры.

Нет организованной профилактической борьбы прокуратуры республики, нет постановки вопроса в соответствующих инстанциях об улучшении работы профсоюзных организаций, не организованы выезды представителей прокуратуры на предприятия и прием этого рода

жалоб на месте, не привлечена общественность к этому делу. Вместе с тем секция резаконности Улан-удэнского горсовета бездействует, бездействуют группы содействия прокуратуре в городе и в районах.

* * *

Руководство, осуществляемое прокуратурой республики, прежде всего характеризуется бесплановостью, отсутствием живого инструктажа и недостаточной квалифицированностью.

Никакого плана работы, который был бы преподан прокуратурой республики районным прокурорам, ориентировал бы их на основные, решающие в данный момент задачи, мобилизовал бы прокуроров периферии на выполнение этих задач, в прокуратуре республики не оказалось. В делах был обнаружен план прокуратуры РСФСР за первый квартал, но и тот был подшит к делу и забыт. В работе прокуратуры не было попыток обобщения материалов, анализа положения того или иного участка работы. При отсутствии регулярно действующих оперативных совещаний при прокуроре республики, при отсутствии обмена опытом лучших районных прокуроров, приходится сделать вывод, что работа протекает не только беспланово, но и вслепую. Укоренилась практика при получении директив Прокуратуры Союза, прокуратуры РСФСР накладывать резолюцию: «Всем прокурорам района для овладения и руководства». Директивы эти рассылаются районам, и этим исчерпывается вся «мудрость» руководства. В практике работы прокуратуры республики совершенно отсутствует периодическая проверка той или другой важнейшей директивы по группе районных прокуроров, с последующим обсуждением выводов проверки.

В работе отсутствуют планы и живой инструктаж районных прокуроров. Выезды работников прокуратуры республики в районы по прокурорским делам чрезвычайно редки и носят случайный характер.

Неудовлетворительно поставлена работа прокуратуры по повышению юридической грамотности прокуроров и следователей при низком уровне общеобразовательной и специальной юридической подготовки как прокурорского, так и следственного аппарата. В этих условиях, казалось, задача обеспечения прохождения всеми работниками так называемого юрминимума должна была бы быть для прокуратуры республики особо актуальной.

Однако этот так называемый юрминимум выдержали только 7 прокуроров и 3—4 следователя (кстати, списки утеряны). Не выдержавшим испытания был дан срок до 1 октября 1936 г. для повторной сдачи испытаний, но никто повторным испытаниям не подвергался.

Работа прокуратуры республики по судебному надзору поставлена явно неудовлетворительно. Прокуратура республики заключений по кассационным делам не давала ни устно, ни письменно, так как она в кассационных заседаниях не участвовала. Прокуратура участвует только в тех кассационных заседаниях, когда рассматриваются дела с протестами прокуроров. Таких заседаний было 47, на которых было рассмотрено 11 протестов прокуратуры республики и 95 протестов районных

прокуроров. Наблюдательных производств либо кассационных производств по делам, рассмотренным в кассационной коллегии, в прокуратуре не ведется, определения кассационной коллегии Верховного суда прокуратура не получает, так же как она не имеет и копий приговоров. Получается, что при поступлении жалобы на неправильное осуждение с просьбой рассмотреть дело в порядке надзора прокуратура, не требуя дела из народного суда, выносит решение об отказе в жалобе, неизвестно из чего исходя. В качестве первой инстанции Верховный суд республики рассмотрел с 1 января по 1 августа 1937 г. 53 дела, из них с участием прокуратуры республики только 13 дел.

В работе прокуратуры имели место и явные срывы. Так, 21 марта 1937 г. СК Верховного суда БМАССР рассматривала дело Прокоп, Ченкирова, Шумина и др. по ст. 58-7-11 УК РСФСР. Как признано было судом, обвиняемые по данному делу являлись замаскированными врагами народа, которые осуществляли школьное строительство вредительски. Все осужденные за исключением двух были признаны членами контрреволюционной, вредительской организации, виновными в целом ряде конкретных фактов вредительства.

Однако по делу Верховный суд БМАССР вынес явно политически неверный приговор. Осужденные не были поражены в политических правах. Мало того, одному из осужденных, в отношении которого в приговоре записано, что он признан виновным в «прямых фактах вредительства», мера наказания определена ниже низшего предела без какой-либо мотивировки.

По этому делу обвинение поддерживал прокурор республики. Дело имело большое хозяйственно-политическое значение для республики. Несмотря на совершенно правильную оценку дела прокуратурой республики и явно неправильный приговор суда, прокуратура республики не опротестовала этого решения.

19 декабря 1936 г. УНХУ Госплана БМР был сдан гостипографии заказ на печатание лозунгов, в связи с проводившейся всесоюзной переписью населения, на бурятском языке. В числе других был лозунг: «Всесоюзная перепись населения — всенародный смотр гигантских побед социализма СССР. Образцово проведем всесоюзную перепись населения 1937 г.». С визой Бурлита лозунг сдан был в печать и затем разослан по аймакам. Впоследствии было установлено, что лозунг отпечатан был так: «Хорошо затормозим всесоюзную перепись населения 1937 г.». Прокуратура республики привлекает виновных к уголовной ответственности по ст. 58-10 УК. Спецколлегия дело в уголовном порядке прекращает и направляет для разрешения в дисциплинарном порядке. Это явно политически неверное решение прокуратуры республики не опротестовано.

8 февраля 1936 г. спецколлегия рассматривала дело Молокова А. М. и, признав его виновным в ведении контрреволюционной агитации, определила ему наказание по ст. 58-10 в 2 года лишения свободы без поражения в правах. Этот явно неправильный приговор прокуратурой республики не опротестован.

9 февраля 1936 г. спецколлегия рассматривала дело Бураева и Усланова. Оба были при-

знаны виновными по ст. 58-10 УК и приговорены к 3 годам лишения свободы каждый. Применив ст. 50 УК, спецколлегия снизила им наказание до 2 лет, несмотря на явное нарушение постановления правительства от 7 апреля 1935 г. Приговор прокуратурой республики опротестован не был, несмотря на его мягкость. Наряду с этим прокуратура республики часто отклоняет правильные протесты районных прокуроров.

Приведем несколько примеров.

20 марта 1937 г. Тарбагатайский народный суд рассматривал дело некоего Семенникова Иллариона Степановича и на основании ст. 74-2 УК приговорил его к 2 годам лишения свободы. Прокурор Тарбагатайского района просил прокуратуру республики опротестовать решение народного суда, так как обвинительное заключение никем не утверждено, расписки о вручении обвинительного заключения в деле нет, показания обвиняемого не были проверены ни в ходе предварительного следствия, ни в ходе судебного следствия, т. е. по делу не собраны объективные доказательства виновности Семенникова. Протест отклонен с нелепой мотивировкой, что «из материалов дела не видно, чтобы действия Семенникова были особенно дерзки и циничны».

В производстве народного суда Кабанского района находилось законченное следствием дело по обвинению гр-на Энова по ст. 74-2 УК и Каверзина Г. К. по ст. 147-2 УК. Материалами следствия было установлено, что Энов, десятник Селенгинского лесозавода, будучи пьян, избил рабочего завода Мухометнинова. Председатель завкома Каверзин, «поддерживая авторитет» Энова, также нанес Мухометнинову побои, выкрутил ему руку и заключил избитого Мухометнинова под стражу, заперев в пожарный сарай. Народный суд, рассматривая дело в подготовительном заседании 3 сентября 1936 г., постановил — дело производством прекратить, так как обвиняемые выбыли из района. Прокурор района просит прокуратуру республики опротестовать действия народного суда как явно незаконные. Прокуратура республики ответила, что протест поддержан быть не может, так как обвиняемые скрылись и розыск их положительного результата не даст.

* * *

Следственного отдела в прокуратуре республики нет. Никакой методической помощи следователям в их повседневной работе прокуратура республики не организовала. Выше уже указывалось, что даже с организацией усвоения программы «юрминимума» и то дело обстоит далеко не удовлетворительно. Вся помощь, которая следователям оказывается, состоит из эпизодических указаний по конкретным делам, когда эти дела докладываются кому-либо из прокуратуры республики. Не обеспечена и практическая повседневная помощь следователям со стороны прокуроров, с которыми они непосредственно работают.

При городском прокуроре по штату положено 4 народных следователя, но фактически работает только два. Недокомплект следователей объясняется отсутствием людей. В период 1937 г. сменилось по разным причинам 5 следователей. Фактически наблюдение за следователями по наблюдательным производствам

не осуществляется, и наблюдательные производства, как правило, не заводятся. Постановления о начале следствия следователи не составляют вовсе. Прокурор составляет мотивированное постановление о возбуждении каждого дела. Имеющиеся в прокуратуре статистические сведения не содержат в себе данных о прохождении дел у каждого следователя и представляют собою данные о движении дел у всех следователей городского участка, в том числе и тех, которые работали временно, т. е. учет обезличен. Следователи учета своей работы не ведут.

В нескольких кота бы словах считаем нужным остановиться на вопросе о борьбе прокуратуры республики за практическое осуществление закона от 27 июня 1936 г. Необходимо отметить, что ни в прокуратуре республики, ни в прокуратуре г. Улан-Удэ нет никаких подытоженных материалов, которые позволили бы сказать, что изменилось с момента издания этого закона, как идет строительство детских яслей, родильных домов, как идет борьба со злостными неплательщиками алиментов, сколько таких дел возбуждено за истекший год, какова динамика этих дел, какова судебная практика по этим делам. На все эти вопросы ответа получить нельзя, так как все идет самотеком, никто работы не анализирует. Интересы матерей и детей требуют, чтобы дела эти хорошо подготавливались к слушанию, чтобы дела не волокитились, чтобы практиковались предварительные вызовы ответчиков, чтобы в нужных случаях практиковалось предварительное обеспечение иска, чтобы злостно уклоняющиеся от платежа алиментов привлекались к уголовной ответственности и т. д., но это как раз отсутствует в работе прокуратуры республики.

При ознакомлении с наблюдательными производствами по гражданским делам усмотрено, что многие из них не содержат в себе никаких материалов, на основании коих был принесен протест, а поскольку в своем большинстве протесты составлены очень кратко, нельзя прийти к определенному заключению о правильности принесенных протестов.

Приказ Прокурора Союза за № 272 от 22 апреля об установлении в органах прокуратуры единой системы контроля по жалобам не выполнен.

Существующая система не гарантирует от излишнего нахождения жалобы в экспедиции, при ее нахождении у старшего секретаря, к которому она неизвестно для чего направляется.

Отсутствие надлежащего контроля за прохождением жалоб привело к тому, что работавший в отделе жалоб секретарь «направлял» поступающие жалобы в печку.

Такова неприглядная картина работы прокуратуры Бурят-Монгольской республики.

Руководству прокуратуры РСФСР необходимо срочно помочь прокуратуре Бурят-Монголии наладить свою работу, чтобы она оказалась на высоте требований великой Сталинской эпохи.

С. Ш.

Образцовая работа

Все шире развертывается стахановское движение во всех отраслях социалистического строительства, выдвигая сотни и тысячи луч-

ших людей, героев труда, достойных Сталинской эпохи.

В нашей системе также немало незаметных на первый взгляд людей, которые вполне заслуживают высокой оценки. Об опыте работы двух таких людей, непартийных большевиков, я считаю необходимым рассказать на страницах журнала.

В августе 1936 г. в Аткарск Саратовской области приехала вооруженная группа бандитов. 30 августа в 11 часов ночи, вооруженные наганом и двумя кинжалами, они напали на квартиру гр-на Новикова и сделали неудачную попытку ее ограбить.

На следующий день бандиты произвели нападение на ряд других квартир, а вечером отобрали у гуляющей молодежи гармонь.

Утром 22 августа бандиты выехали из Аткарска в поселок Лопуховка, где с помощью своих родственников и друзей, проживающих в Лопуховке, занялись подготовкой к ограблению винной лавки и кассы МТС.

Часов в 10 вечера бандиты направились к винной лавке для ограбления, но проходивший мимо курсант Саратовского техникума гражданской авиации Новиков помешал им, и один из бандитов убил Новикова выстрелом из нагана. Сняв с Новикова костюм, бандиты скрылись.

Через час после убийства Новикова, проездом из села Земляные-Хутора, в Лопуховку заехал народный следователь района т. Мазаев. Он сразу организовал местное население и с их помощью задержал трех жителей поселка Лопуховка, принимавших участие в подготовке ограбления, и одного из приехавших бандитов. Однако основные руководители этой банды успели скрыться.

Народный следователь Мазаев, не спавший всю ночь, усталый, рискуя жизнью, продолжал поиски остальной группы бандитов. Допуская, что бандиты сделают попытку сесть на поезд недалеко от станции Лопуховка, где поезда из-за подъема замедляют ход, Мазаев договорился с дежурным по станции Лопуховка об остановке поезда по условному сигналу. Бандиты действительно пытались сесть на проходивший поезд, но предупрежденный машинист остановил поезд, и бандитам пришлось выскочить из вагона и скрыться в кусты. Этим самым бандиты себя обнаружили. Часам к трем дня они были окружены, а к 5 часам вечера вынуждены были сдать с оружием.

15 февраля 1937 г. выездной сессией Саратовского областного суда руководитель банды Шабалин был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу, а остальные участники банды к разным срокам лишения свободы.

На прием в прокуратуру пришел гр-н Кузьмин и сообщил, что в своей комнате под полом он обнаружил труп неизвестного человека.

При осмотре трупа было установлено, что это труп удушенной женщины по имени Паня, вместе с которой у них в доме в 1935 г. временно проживал некто по имени Павел.

Располагая в начале следствия только такими скудными данными, народный следователь т. Карякин приступил к расследованию дела.

Умело произведенный допрос Кузьмина, его жены и их знакомых дал возможность получить некоторый материал для дальнейшего ве-

дения следствия. Было установлено, что в декабре 1935 г. у Кузьминых 2—3 дня проживал на квартире Леонов Павел Леонтьевич, происходивший из деревни Юматовка, Екатериновского района, Саратовской области, со своей сожительницей Прасковьей, на вид лет 30.

В Юматовке Леонова не оказалось, он оставил Юматовку еще в 1931 г.

Дальнейшим расследованием было установлено, что на другой день после приезда Леонова к Кузьминым с вокзала были привезены большой сундук и чемодан с вещами, принадлежавшими его сожительнице Прасковье. После этого стало ясно, что убийство было совершено с корыстной целью и что убийца, завладев имуществом своей жертвы, скрылся.

Еще через несколько дней жена Кузьмина принесла миниатюрную фотокарточку Вали — сестры убитой Прасковьи, которая оказалась в бумагах, изорванных Леоновым в день его отъезда.

Народный следователь Карякин решил по фотокарточке найти Валию в Саратове. Начав с проверки книг жактов и частных домовладений г. Саратова и обойдя все дома, в которых проживают «Вали» в возрасте, примерно, около 35 лет, т. Карякину, после пяти дней хождения по квартирам, удалось найти Валию. Однако оказалось, что с сестрой своей Никитиной Прасковьей Порфирьевной Валия порвала всякую связь еще осенью 1935 г. и не знает, где она находится.

Распутывая клубок загадочного убийства, Карякин устанавливает, что Никитина Прасковья, работая в г. Саратове на мельнице № 2 откатчицей, познакомилась в мае 1935 г. с выбойщиком той же мельницы Леоновым Павлом Леонтьевичем, имевшим жену и троих детей. Вскоре их знакомство перешло в сожительство. Леонов, видя, что Никитина подпадает под его влияние, решил этим воспользоваться. Будучи осужден по приговору суда, Леонов вместе с Никитиной выезжает в Аткарск, где останавливается у Кузьмина и, на второй день утром, между 7 и 9 часами, пользуясь уходом всех членов семьи Кузьмина из квартиры, убивает Прасковью, а труп ее прячет под пол. Захватив вещи Никитиной, Леонов выезжает в Саратов.

В Саратове, в квартире жены Леонова, следователь Карякин обнаружил пуховый платок, принадлежавший убитой.

Принятыми мерами убийца Леонов был разыскан и под тяжестью предъявленных ему улик вынужден был сознаться в убийстве своей сожительницы Никитиной в корыстных целях.

Народный суд Аткарского района 26 сентября 1936 г. приговорил Леонова к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет.

Такие факты упорного и настойчивого труда народного следвателя заслуживают быть отмеченными.

Шапьяренко

Организационные неувязки с заочной учебой

В своем выступлении на I всесоюзном съезде профсоюза работников суда и прокуратуры т. Вышинский сказал, что «требование овла-

деть большевизмом играет решающую роль. Судьи и прокуроры должны быть обучены этому делу. Они должны быть людьми не только политически зрелыми, но и людьми, умеющими правильно понимать и применять закон, уважать закон и учить этому уважению других».

И дальше: «Сейчас задача подготовки кадров юстиции больше, чем когда-либо, состоит в том, чтобы дать широко образованных юристов...»

Большую роль в деле подготовки кадров играет система заочного обучения. Она удобна тем, что может охватить большое количество работников без отрыва от производства.

В Горьковской области заочным юридическим образованием охвачено 86 прокурорско-следственных работников, причем 28 из них участв. в заочном институте, а 58 в средней правовой школе.

На первый взгляд цифры неплохие. Но если поглубже посмотреть, как организована эта учеба, то картина окажется весьма неприглядной.

В результате весенних испытаний оставлено на второй год по институту 12 человек, по юршколе — 30, т. е. почти 50% учащихся.

Это объясняется тем, что учащимся не созданы необходимые для учебы условия. Не выполняется приказ т. Вышинского о предоставлении студентам-заочникам дополнительного выходного дня для подготовки к занятиям, отсутствуют учебники и т. д. Организация учебы оставляет желать лучшего. На установочную конференцию вызываются все учащиеся, причем конференция длится 10 дней.

В результате из некоторых районов (Тоншаево, Перевоз, Чкаловский р-н и др.) на конференцию выезжают и прокурор и следователь, и прокуратура временно перестает функционировать.

К этому надо прибавить, что одновременно на конференцию подчас выезжают и судьи из большинства районов.

Можно ли иначе организовать это дело? — Можно и должно.

Почему бы не организовать такие конференции в два срока? Почему бы не организовать конференции по кустам, а значит, приблизиться к учащимся.

Мы не настаиваем именно на таком разрешении вопроса, но руководство консультационного пункта обязано немедленно пересмотреть организацию учебы, проявить побольше заботы о студенте-заочнике.

Безобразная постановка работы Горьковского консультационного пункта привела к тому, что переходящее знамя Горький вынужден был уступить Крыму.

Надеемся, что дирекция Московского заочного юридического института и НКЮ заинтересуются работой Горьковского консультационного пункта и выправят его работу.

М. Гран.

Надо улучшить условия работы

Великой Сталинской Конституцией возложены большие задачи на органы прокуратуры.

Для того, чтобы работа была продуктивна,

многое зависит от условий, в которых приходится работать.

В Воронежской области есть район Елань-Коленовский. Найти там районную прокуратуру можно с большим трудом, по едва заметной надписи над дверьми. Помещение, в котором работают райпрокурор и следователь, состоит всего только из двух маленьких, низеньких комнат, куда еле пробивается свет. В одной из них расположена канцелярия, в другой помещаются райпрокурор и народный следователь. Обстановка состоит из полуразвалившегося письменного стола райпрокурора, дряхлого столика следователя и двух скрипучих стульев. С наступлением зимы температура в помещении опускается до 10—12° ниже нуля, ибо под полом находится подвал-овощехранилище. Поэтому работать приходится в валенках и теплом пальто. Характерно, что другую часть помещения занимают жильцы, которых районные организации никак не могут выселить, несмотря на возможность предоставить им другое помещение.

Но президиум райисполкома недооценивает важность создания органам прокуратуры нормальных условий работы. После обсуждения этого вопроса президиумом райисполкома было вынесено «мудрое» решение просить обл. исполком отпустить 20 тыс. руб. для пристройки помещения. На это решение обл. исполком, видимо, даже не счел нужным реагировать, во всяком случае мы ответа не получили.

Характерно, что в районе в разное время бывали областной прокурор, три помощника облпрокурора и представители прокуратуры республики, но никто из них ничего не сделал для улучшения жилищных условий райпрокуратуры.

Чубарь

ОТ РЕДАКЦИИ. После вмешательства редакции Елань-Коленовский рик вынес решение об улучшении жилищных условий райпрокуратуры путем переселения жильцов из дома, занимаемого райпрокуратурой.

Наряду с этим Воронежская областная прокуратура перевела в распоряжение елань-коленовского райпрокурора 500 руб. на приобретение инвентаря.

Учебная конференция молодых следователей Старорусского куста Ленинградской области

С 29 ноября по 4 декабря п. г. в городе Старая Русса проводилась учебно-методическая конференция следователей.

В работе конференции приняли участие следователи Новгородского, Старорусского, Крестецкого, Демянского, Валдайского, Лычковского, Шимского, Волотовского, Дновского и Солещкого районов Ленинградской области.

Следует особо отметить, что на эту конференцию были вызваны молодые следственные работники с целью помочь им на первых порах правильно организовать свою работу.

В первый день работы конференции проф. Шаргородский занимался со следователями по теме «Общие принципы советского уголовного права».

Следующий день занимавшийся с участниками конференции проф. Владимирский посвятил темам — убийство, самоубийство, несчастный случай, осмотр трупа, телесные повреждения, огнестрельное и ножовое ранения, изнасилование, аборт.

Остальные дни работы конференции были посвящены изучению организации и производства судебно-бухгалтерской экспертизы и порядка составления основных следственных документов.

В заключение работ конференции был проведен разбор конкретных ошибок и недостатков в следственной практике на основании материалов обследования работы всех следователей, принимавших участие в работе этой конференции. В выступлениях отмечена медлительность расследования дел, нарушения норм УПК и другие недостатки.

Вся работа конференции прошла при большой активности участников!

Семинары по всем темам вызвали оживленный обмен мнениями и огромное количество вопросов из области практической работы следователей. Особенно активно прошли практические занятия.

Созыв таких конференций, в особенности конференций начинающих следственных работников, необходимо практиковать повсеместно, ибо такая форма связи с периферией является наиболее действенным методом живого руководства.

X.

О забытых выпускниках

Казанский юридический институт подтвердил правильность заметки т. П. Казанцева «Казанский юридический институт забыл о своих выпускниках», помещенной в № 10 нашего журнала.

Руководство института обещает в январе 1938 г. созвать заочников-выпускников на 3-дневные курсы-конференцию, где будет прочитан цикл лекций по ведущим правовым дисциплинам: общая теория права, советское государственное право, уголовное право, уголовный процесс, гражданское право и гражданский процесс.

Посмотрим, как выполнит это обещание Казанский юридический институт, хотя уже сейчас есть сомнение в возможности выполнения такой широкой программы в трехдневный срок.

K.

УССР

О недочетах и ошибках в работе органов прокуратуры Донбасса

Донецкая область с ее богатейшим угольным бассейном, с ее гигантами металлургической, машиностроительной и других видов промышленности, область, в которой зародилось впервые славное стахановское движение в стране, является предметом особого внимания и особой заботы советского государства.

Огромная помощь, которую оказывают партия и правительство угольному Донбассу, не

может быть переоценена. Эта помощь, которая идет по линии укрепления кадров, внедрения механизации, борьбы с канцелярско-бюрократическими методами руководства и других весьма эффективных организационных мероприятий, нашла свое отражение в исторических постановлениях ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 апреля и 21 мая 1933 г. и от 28 апреля 1937 г. «О работе угольной промышленности Донбасса».

Эта помощь промышленному Донбассу особенно ценна тем, что она осуществляется систематически и до малейших деталей concreto.

Угольный Донбасс всегда привлекал к себе внимание врагов советского народа, которые пытались как можно больше пакостить нам на этом важнейшем участке социалистического строительства. Контрреволюционные троцкистско-бухаринские выродки, шпионы и вредители, пользуясь притуплением бдительности партийных, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций, орудовали длительное время в Донбассе; они срывали работу стахановцев, они задерживали подготовительные работы, мешали внедрению комплексной механизации, грубо нарушали правила техники безопасности, заваливали горные разработки, расстраивали подземный транспорт и вентиляционный режим, организовывали взрывы и пожары на участках, ломали машины, убивали людей.

Методы вредительства этих врагов социалистического отечества, этих наймитов фашистской разведки, были различны. Они умышлено неправильно расставляли рабочую силу, и это снижало продуктивность труда, создавали текучесть рабочей силы и делали все возможное, чтобы сорвать работу важнейшего промышленного центра, каким для страны является Донбасс.

Враги просчитались. Славная советская разведка разоблачила их контрреволюционные махинации. Враждебные гнезда в Донбассе разорены, хотя остатки их продолжают в отдельных местах свое гнусное дело.

В свете того значения, какое имеет Донбасс как промышленный и угольный центр, в свете той обстановки, какая была создана врагами в Донбассе, особый интерес представляет работа органов прокуратуры в этой области.

При этом надо со всей силой подчеркнуть, что стоявшие продолжительное время у руководства прокуратуры республики враги были прямо заинтересованы в ослаблении работы органов прокуратуры Донбасса, чтобы этим самым создать наиболее благоприятные условия для вредительско-диверсионных действий.

Вот почему в конце 1937 г. прокуратура Украины произвела обследование деятельности органов прокуратуры Донбасса. Это обследование было совмещено с исправлением тех очень серьезных политических ошибок, которые были допущены в работе органов Донецкой прокуратуры. Помимо областной прокуратуры были охвачены обследованием Мариупольская, Макеевская и Горловская городские прокуратуры.

Материалы этого обследования дают основания для выводов о работе прокуратуры в Донецкой области во всяком случае по основным отраслям прокурорской работы.

Органы прокуратуры Донецкой области, и в частности аппарат областной прокуратуры (б. областной прокурор Кумпикевич), не сумели поднять работу прокуратуры на уровень тех политических задач, которые ставились перед промышленной Донецкой областью.

Не учтя специфических условий Донбасса, утратив политическую бдительность и чуткость, работая самотеком, прокуратура Донецкой области проглядела подлуду деятельности классового врага и из-за своей политической беспечности расценивала часто явно враждебные действия как случайные ошибки, как обычные преступления.

Первый и основной участок, который особенно специфичен для работы прокуратуры Донбасса, — это борьба с авариями и нарушением правил техники безопасности. Эти дела не заняли в работе прокуратуры Донбасса надлежащего места, хотя им прокуратура должна была уделять особое внимание. В результате недооценки работы по этим делам органы прокуратуры Донбасса, и в первую очередь областная прокуратура, допустили ряд серьезных ошибок.

Прежде всего ряд аварий, которые возникли в результате контрреволюционного вредительства, прокуратура приняла как обычные случаи нарушения правил техники безопасности, как обычную халатность, в целом ряде дел этого порядка прокураторы прямо проглядела руку классового врага.

Не выявляя вредительского направления в нарушении правил техники безопасности, областная прокуратура совершенно не реагировала на то, что прокуроры на местах привлекали большое количество лиц командного состава угольной промышленности к уголовной ответственности за малейшие нарушения правил техники безопасности.

Вполне понятно, что враги были заинтересованы в том, чтобы отвлечь внимание от себя, и подставляли под удар других лиц, которые не были непосредственно виновны в авариях, нарушениях правил техники безопасности и пр.

Ярчайшим показателем того, что прокуратура сосредоточила свое внимание на второстепенных лицах, что она не поставила надлежащим образом борьбу с нарушением правил техники безопасности, является тот факт, что она не реагировала на неправильную уголовную политику судебных органов области, которые применяли чрезвычайно мягкую и неэффективную репрессию по делам, связанным с нарушением правил техники безопасности (89% всех приговоров по этим делам — принудительные работы).

Донецкой областной прокурор 20 апреля 1937 г. издал приказ, коим запретил местным прокурорам принимать к своему производству дела о нарушении правил техники безопасности и авариях, которые передаются им не горно-технической инспекцией. Таким образом, вместо того, чтобы прокуратура была инициатором возбуждения уголовного дела по каждому отдельному случаю травматизма, областная прокуратура всю эту инициативу передала горно-технической инспекции, и возбуждение уголовных дел было фактически подчинено горно-технической инспекции, которая, как известно, сама по себе не заняла надлежащего

места в борьбе с нарушением правил техники безопасности.

Зависимость от органов горно-технической инспекции, безинициативность, самотек, привлечение к ответственности в большом количестве второстепенных лиц, неправильная репрессия и, основное, политическая слепота и беспечность — вот что характерно для этой области работы донецких органов юстиции.

Второй весьма важный участок, который особенно отстает в Донецкой области, — это состояние следствия и дознания.

Следственный аппарат в Донецкой области работал настолько плохо, что он до последнего времени был загружен большим количеством старых дел. И хотя по сравнению с 1936 г. среднее количество дел, которое падает на одного следователя, и уменьшилось, тем не менее, если учесть сложность дел Донецкой области (в большинстве дела о хозяйственных преступлениях, расследование которых представляет собой определенную сложность), то следует прийти к заключению, что нагрузка следственного аппарата Донецкой области еще велика и это во всяком случае представляет определенное затруднение в налаживании нормальной работы.

Загрузка эта не является случайной, она прямо вытекает из того, что следственный аппарат работает недостаточно интенсивно. Об этом свидетельствуют недопустимые темпы расследования большинства дел, находящихся в производстве у следователя.

Так, к примеру, больше половины всех дел находится в производстве старших и народных следователей при облпрокуратуре свыше 2 месяцев, есть ряд дел, которые находятся в производстве больше года, причем по своему характеру эти дела чрезвычайно актуальны и важны.

Вот ряд дел: дело по обвинению зам. директора Днобултуля Рабиновича, допустившего бесхозяйственность, в результате которой эта организация потерпела убыток в сумме 200 000 рублей; дело это у старшего следователя Морозова находится в производстве с 9 апреля 1936 г.; дело по обвинению Падалко и Тимошенко в том, что они допустили производство топографических работ без надлежащего разрешения и скрыли брак по этим работам на 75 000 рублей, находится в производстве у следователя Корчевского с 22 декабря 1936 г. и на момент обследования не было закончено.

Такая волокита была неизбежной, если учесть, что народные следователи при облпрокуратуре заканчивали в среднем в 1937 г. по 2 дела в месяц.

В горловской городской прокуратуре (прокурор т. Белый) из общего количества 54 дел только 17 были в производстве следователей до 1 месяца, а 26 дел находятся в производстве свыше 2 месяцев, причем среди них были дела, возникновение которых относится к 1935 г.

Из 88 дел, которые находились на момент обследования в производстве следственного аппарата мариупольской городской прокуратуры (прокурор т. Збарский), только 32 дела находились в производстве до одного месяца.

Директивы прокуратуры Союза неоднократно указывали на то, что органы прокуратуры

и следствия должны заняться вопросом повышения удельного веса предварительного следствия в общей системе расследования, т. е. что участие следователей в расследовании по отношению к органам дознания должно резко увеличиться. В этом направлении в Донбассе имеет место значительное отставание: только 17% всех возникших дел расследовано следователями, остальные 83% расследуются органами дознания, причем среди тех дел, которые сосредоточиваются в органах дознания, есть много сложных дел, требующих обязательного предварительного следствия, с которыми органы дознания не могут справиться.

Если взять такие две категории дел, как спекуляция и хулиганство, то участие следователей в расследовании дел о спекуляции составляет 2%, а по хулиганству около 5%.

Качество предварительного следствия до последнего времени чрезвычайно неудовлетворительное. Об этом в первую очередь свидетельствует низкая эффективность следствия.

Процент следственных дел, направленных в суд, составляет в 1936 г. 58, а в 1937 г. — 56. Прокуратура возвращает на исследование около 2% всех дел, а суды возвращают в среднем 6% всех дел. Из дел, направленных городскими и районными прокурорами с ходатайством о санкционировании предания суду, прекращено облпрокуратурой 23% и возвращено на исследование 6%.

Все эти цифры достаточно подтверждают низкую эффективность следствия. Больше того, большое количество прекращенных в процессе предварительного следствия дел свидетельствует о том, что в Донецкой области надлежит борьба с неосновательным возбуждением уголовного преследования до сих пор еще нет.

Следственный аппарат Донецкой области до сих пор допускает грубые нарушения прав обвиняемого. Особенно это наблюдается в вопросе соблюдения ст. 200 УПК УССР (предъявление следствия). Ряд следователей Донецкой области рассматривает предъявление следствия как ненужную формальность. В большинстве случаев это приводит к неполноте следствия, и этим в определенной мере объясняется высокий процент возвращенных к исследованию дел.

Приводимый ниже пример показывает, как следователи еще не научились уважать представленные законом права обвиняемому. Старший следователь областной прокуратуры Мозов по делу по обвинению гр-на Рубана, вынося постановление о производстве бухгалтерской экспертизы, пишет следующее: «Принимая во внимание, что необходимые материалы для производства экспертизы имеются в деле и что экспертиза будет произведена в камере Следователя и что, таким образом, нет надобности в вызове подозреваемого для участия в экспертизе...» Этот отказ от вызова обвиняемого для участия в экспертизе впоследствии послужил основанием для возвращения дела следователю из подготовительного заседания областного суда.

Ряд следователей Донецкой области, как система, допускают так называемые самодопросы, причем в ряде случаев эти самодопросы принимают возмутительный характер: следователь выдает на руки свидетелю и даже об-

виняемому бланки протокола допроса, допрашиваемый пишет свои объяснения даже не в следственной камере. Как правило, это приводит к тому, что прямого ответа на интересующие следствие вопросы в протоколах самодопроса нет. Следователь эти протоколы принимает, даже не проверяя их, и вот результат такого рода работы. По делу Евдокимова свидетель Фофанов в своих показаниях собственноручно пишет: «Евдокимов — это головоногий человек, у которого голова для отменной хитрости, а ноги для того, чтобы пролезать туда, куда он хочет». Следователь Донецкой областной прокуратуры Альтговзен не принял никаких мер к устранению таких высказываний в протоколе допроса. На одном из протоколов самодопроса следователи вывезли штамп «Управляющий конторой».

Обвинительные заключения и постановления о привлечении в качестве обвиняемых часто составляются весьма кратко, схематично, неконкретно, без четкой формулировки инкриминируемого обвиняемому преступления. Отдельные следователи в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительном заключении вступают в полемику с обвиняемым по вопросу об уликах и доказательств по делу. Вот два примера:

Старший следователь областной прокуратуры Иваненко в обвинительном заключении по делу по обвинению гр-н Юшина и Баного пишет: «Врач Баный вообще лишен возможности показать что-либо в свое оправдание».

В другом случае следователь Чистяковского района в резолютивной части обвинительного заключения пишет: «Вышеназванные граждане обвиняются в том, что в ночь под 8 мая 1937 г. по сговоренности между собой совершили ограбление рабочего инвалида Образцова под силой халатного отношения, откуда забрали 60 рублей». Неграмотно и непонятно.

Такое качество следствия в серьезной мере объясняется отсутствием надлежащего руководства и надзора за следствием со стороны прокуратуры.

Наблюдательные производства в городских прокуратурах существуют лишь номинально и не отражают движения дел. Ведение наблюдательных производств доходит часто до курьезов. Горловский городской прокурор т. Белый не нашел ничего более целесообразного, как сосредоточить все наблюдательные производства у секретаря следственной камеры. До сих пор прокуроры ведут наблюдательные производства, отдавая только дань требованиям вышестоящей прокуратуры, и не используют наблюдательные производства как метод наблюдения и руководства следствием.

Как это выявлено во всех обследованных прокуратурах, прокуроры письменных указаний по следственным делам не дают; если в делах и есть письменные предложения прокурора, то они обычно носят трафаретный характер: «Немедленно закончить следствие», «Развернуть следствие» и т. д. Совершенно ясно, что такого рода указания никакой помощи следователям не оказывают и на этих указаниях научить следователей лучше работать невозможно.

В Донецкой области, несмотря на прямое запрещение Прокуратуры Союза, практика до- следственных проверок, т. е. загрузки следо-

вателей несвойственной им работой по производству всяких проверок, приняла особенно распространенные формы. Константиновский прокурор за 1937 г. поручил следователю 165 проверок. Горловский прокурор поручил следователю 1-го участка 30 проверок и т. д.

Вместо борьбы с так называемыми следственными проверками, следственный аппарат области стал на путь маскирования их. Это делается таким образом: получив от прокурора материалы, следователь формально не принимает их к своему производству, а фактически производит следственные действия и в зависимости от результатов он принимает или не принимает дело к своему производству. Эти замаскированные следственные проверки приводят, во-первых, к сокрытию фактов неосновательного возбуждения уголовного преследования и, с другой стороны, к искусственному снижению процента прекращенных дел.

Вот основные недочеты в состоянии следствия Донецкой области.

Еще хуже обстоит дело с дознанием.

Наблюдение за дознанием почти не осуществляется. Следователи не производят обследований органов милиции, и весь надзор их заключается в возвращении дознаний к доследованию. Вместо того, чтобы в процессе самого дознания давать указания и исправлять недочеты, следователи выжидают окончания дознания, а затем в большом количестве возвращают эти дознания к доследованию. Так, по горловской прокуратуре 30% дознаний возвращено было к доследованию.

Органы дознания загружены сложнейшими делами, причем в ряде мест Донбасса между следственным аппаратом и милицией имеют место недоразумения и споры на почве того, кто должен проводить расследование.

Прокуратура фактически самоустранилась от руководства дознанием. Этим и объясняется чрезвычайно низкая эффективность работы органов дознания.

И в области судебного надзора по уголовным делам органы прокуратуры Донецкой области работали неудовлетворительно. Тут был полный самотек. Вопросом изучения преступности прокуратура не занималась и политического стержня в ее работе по судебному надзору не было.

О недоброкачественной работе по судебному надзору свидетельствуют прежде всего цифры, освещающие работу по преданию суду. В подготовительных и судебных заседаниях большой процент дел возвращался к доследованию и прекращался.

Областной суд в 1937 г. из всех дел, направленных ему прокуратурой, принял к производству только 64%. Из подготовительных заседаний суда возвращено прокуратуре 24% дел на доследование.

По горловской прокуратуре 42% всех дел направлено было в суд без достаточных оснований. Часть из них была возвращена к доследованию из подготовительного и судебного заседания, а остальные, при этом большая часть, были прекращены.

Точно так же обстоит дело с преданием суду и в Мариупольской городской прокуратуре.

Прокуратуры штамповали постановления следователей о предании суду, и это больше

всего подтверждается тем, что ни одного протокола на постановления подготовительного заседания о прекращении дела или о возвращении его на доследование ни один из прокуроров, в том числе и областной прокурор, не подал. Характерно отметить, что если постановления о предании суду по следственным делам составляют сами прокуроры, то по дознаниям, во всех обследованных единицах постановления о предании суду чаще всего составляют секретари. И не секрет, что большинство таких постановлений прокуроры-следователи подписывают, не зная самого содержания дознания.

Работой подготовительных заседаний прокуратура не интересовалась, она не анализировала этой работы с точки зрения выявления недочетов предварительного следствия и дознания и не использовала этих материалов для того, чтобы улучшить качество следствия и работу по преданию суду.

Бывший начальник судебно-следственного отдела областной прокуратуры Данилевич самоустранился от работы по преданию суду.

Другая форма судебного надзора — это рассмотрение дел в порядке надзора. Недочет работы донецких органов прокуратуры заключается в большом разрыве между количеством истребованных дел и количеством поданных протестов. По отношению к количеству истребованных дел число поданных протестов составляет только 12%. Если к этому добавить, что 30% всех поданных прокуратурой протестов были судебными инстанциями отклонены, то выводы о неудовлетворительной работе в делах, истребованных в порядке надзора, напрашиваются сами собой.

Основной недочет в работе органов прокуратуры Донбасса по линии судебного надзора заключается в том, что они до сих пор не удосужились полностью обслужить первую и вторую инстанции суда и пробелы, допущенные в политике и практике суда первой и второй инстанции, пытаются восполнить работой по делам, истребованным в порядке надзора.

Совершенно очевидно, что такого рода попытка ничего хорошего дать не может. До тех пор пока прокуроры не осознают, что основная их работа — это участие в первой инстанции и кассационной, работа по судебному надзору не будет налажена. Исправление не правильных приговоров и решений в порядке надзора по отношению к работе прокуратуры в первой и второй инстанциях играет безусловно подчиненную роль, а в основном и первую очередь прокуроры обязаны обеспечивать правильную судебную линию именно в первой и второй инстанциях. Между тем количество выступлений прокуроров в Донецкой области в первой инстанции является мизерным. В кассационной инстанции областная прокуратура не принимает почти никакого участия. Процент заключений, которые давал прокуратура в кассационной инстанции, по отношению ко всему количеству дел, прошедших через кассационную инстанцию, составляет около 6.

Результаты рассмотрения дел в кассационной инстанции в определенной мере дополняют отрицательную характеристику работы прокуратуры по осуществлению судебного

надзора и в частности по преданию суду: прекращено в кассационной инстанции 10% дел, изменено приговоров и перекалвалифицировано преступлений по 30% дел и отменены приговоры по 16% дел.

Совершенно недостаточна была работа прокуратуры и по гражданским делам, хотя по сравнению с другими отраслями работы здесь сделано значительно больше. Всего прокуратура за половину 1937 г. по своей инициативе возбудила 60 гражданских дел. Незначительность этой цифры станет очевидной, если отметить, что всего за это время было по области больше 60 000 гражданских дел. По всей области было затребовано и рассмотрено в порядке надзора большое количество гражданских дел; это, однако, имело место потому, что областная прокуратура ввела незаконную практику истребования местными прокурорами гражданских дел в порядке надзора, то есть практику, которая прямо противоречит 288 ст. ГПК УССР. И здесь точно так же, как и по уголовным делам, прокуратура вместо того, чтобы обслужить первую и кассационную инстанции, перенесла центр тяжести на работу в порядке надзора. По 6624 делам, которые прошли через кассационную инстанцию, областная прокуратура удосужилась дать только 13 заключений. Протесты, которые подавала прокуратура в порядке надзора, были недостаточно обоснованы, и этим объясняется большой процент отклоненных протестов.

Сама областная прокуратура допускала неправильные действия по гражданским делам. Так, начальник гражданского отдела областной прокуратуры т. Мылнок допускал вызов лиц и допрос их по заслушанным уже гражданским делам.

Мариупольский прокурор т. Збарский, горловский прокурор т. Белый и макеевский прокурор т. Добротин мало уделяли внимания работе по гражданским делам, мало возбудили дел в порядке ст. 3 ГПК УССР и ограничили свою деятельность подачей небольшого количества протестов в порядке надзора, не говоря уже о том, что само истребование ими дел было незаконно.

Совершенно естественно, что на фоне того огромного количества гражданских дел, которое возникло в Донецкой области, вся работа прокуратуры совершенно незначительна и не могла иметь какого-либо влияния на судебную политику по гражданским делам.

Чрезвычайно отстают органы прокуратуры Донецкой области и в части осуществления общего (административного) надзора.

Отдел общего надзора областной прокуратуры хоть и подал 22 протеста за полгода в облизполком, но не сумел добиться своевременного их рассмотрения.

Аппарат областной прокуратуры по отделу общего надзора не усвоил своих функций, работа его носила случайный характер. Никакого руководства местными прокурорами этот отдел не осуществлял.

Макеевский прокурор за 1937 г. подал всего административных протестов. Здесь до последнего времени существовал давно воспретленный порядок предварительного визирования обязательных постановлений.

Макеевский, мариупольский и горловский городские прокуроры ограничили свою работу

надзором за горсоветом и почти выпустили из виду надзор за сельскими, рудничными и поселковыми советами. Надо подчеркнуть, что такого рода тенденция ограничить надзор рамками одного города без распространения его на всю остальную территорию, прилегающую к городу, свойственна целому ряду других прокуратур Донецкой области.

Мариупольская прокуратура в своей работе по общему надзору имеет такой серьезный дефект: подменяя контрольные органы, она занималась огульным и беспредметным обследованием торговой и других систем, то есть работой, совершенно не свойственной прокуратуре.

Надо отметить, что инициатива в подаче протестов прокуратурой исходила не от самой прокуратуры, а в подавляющем большинстве случаев протесты подавались в связи с отдельными жалобами на незаконные постановления.

Целый ряд вопросов, которые составляют основу общего надзора прокуратуры, совершенно выпал из поля зрения донецких органов прокуратуры. Сюда относятся анализ состояния революционной законности в городе и на селе, вопросы штрафной политики и практики, соблюдение Сталинского устава сельскохозяйственной артели и т. д.

Все эти данные дают основания сказать, что в области общего надзора донецкая прокуратура не справилась с поставленными перед ней задачами.

В работе по жалобам прокуратура Донецкой области также имеет много недочетов.

Организованный в областном аппарате отдел жалоб не понял своих задач и построил свою работу не так, как этого требовали совершенно исчерпывающие и точные указания Прокуратуры Союза и прокуратуры республики.

Вместо установления строгого контроля за своевременным разрешением жалоб отдел жалоб прокуратуры свел свою работу к распределению жалоб без какого бы то ни было дальнейшего контроля за их разрешением. Надлежащего учета жалоб нет. Отдел жалоб не сумел проанализировать работу по жалобам, для того чтобы из этого анализа сделать соответствующие политические выводы. Обследованием установлен ряд фактов, когда отдел жалоб давал совершенно незаконные и неправильные распоряжения местам.

Несмотря на то, что отдел жалоб был только лишь инстанцией, которая распределяла жалобы, он все же допустил волокиту в прохождении целого ряда жалоб. Характерно отметить, что прокуроры Донецкой области, которые обслуживают большое количество промышленных предприятий, ни разу не организовали прием жалоб на предприятиях, и выезды их на предприятия для проведения массовой работы носили случайный характер.

Волокита по жалобам принимает особенно недопустимые формы в местных прокуратурах. Горловская прокуратура, которая находится в одном помещении с горсоветом, занималась бюрократической перепиской по жалобам и по каждой жалобе писала горсовету ряд напоминаний. Горловская прокуратура по ряду жалоб давала незаконные распоряжения, подменяя суд и административные органы. Так,

Эти распоряжения сводились к тому, чтобы выплатили компенсацию, чтобы восстановили на работу, то есть прокуратура сама решала те вопросы, разрешения которых жалобщик должен был добиваться в суде.

Мариупольская прокуратура стандартно подходила к разрешению всех жалоб и, не взвешивая на существующее запрещение прокуратуры, как правило, разрешала жалобы на основании объяснений, истребованных ею же от лиц, действия которых были обжалованы.

Ни одна из прокуратур не проводила анализа жалоб, ни для одной из прокуратур жалоба как источник освещения состояния революционной законности не существовала.

Мы осветили основные участки работы прокуратуры Донецкой области с точки зрения тех недочетов и ошибок, которые были допущены за последний год. Было бы ошибочно полагать, что вся работа Донецкой прокуратуры представляет собой темное пятно и что в работе прокуратуры нет абсолютно положительных сторон. Однако мы считали необходимым подчеркнуть отрицательные стороны для того, чтобы, акцентируя на этом, добиться ликвидации этих отрицательных моментов в кратчайший срок.

В аппарате областной прокуратуры, в городских и районных прокуратурах на протяжении длительного периода оставалось вакантным большое количество должностей. Между тем никакой работы по подготовке, по воспитанию и выдвижению кадров донецкая областная прокуратура не проводила. За все время областная прокуратура выдвинула только одного товарища. Между тем среди шахтеров и металлургов Донбасса можно легко было найти соответствующие кандидатуры для выдвижения их на прокурорскую работу. Эти люди, после небольшой подготовки, на проведение которой, кстати, были средства, могли с успехом заполнить все вакантные должности.

Плохо обстоит дело и с дисциплиной в органах прокуратуры Донецкой области. На неоднократные запросы областной прокуратуры районные и городские прокуроры не отвечают или отвечают с большим опозданием. Это говорит об отсутствии какой бы то ни было оперативности, четкости и поворотливости в работе и значительно снижает качество всей работы.

Приведенные выше данные, взятые из материалов обследования ряда городских прокуратур и аппарата областной прокуратуры, послужили основанием к изданию приказа по прокуратуре УССР, коим работа донецких органов прокуратуры была признана неудовлетворительной.

Необходимо также отметить, что прокуратура Украины не уделила достаточного внимания органам прокуратуры Донбасса, она не сумела обеспечить повседневного руководства работой органов прокуратуры Донецкой области, и поэтому серьезную долю ответственности за неудовлетворительное состояние работы прокуратуры Донбасса должна взять на себя прокуратура республики.

В приказе прокуратуры УССР намечен целый ряд конкретных моментов, реализация коих должна вывести донецкие органы прокуратуры из состояния прорыва.

Из наиболее принципиальных мероприятий

необходимо остановиться на следующих: прокуратура республики наметила мероприятия по полному укомплектованию прокурорского аппарата Донецкой области на протяжении ближайших 2 месяцев.

В области борьбы с авариями и нарушением правил техники безопасности прокуратура республики установила порядок, по которому инициатива возбуждения этих дел сосредоточена в органах прокуратуры. Директива донецкого областного прокурора от 20 апреля 1937 г. как неправильная отменена.

Прокуратура республики наметила ряд шагов, исключающих распыление судебной репрессии и обеспечивающих твердую судебную политику по этим делам.

В области следствия и дознаний прокуратура наметила ряд конкретных мероприятий по разгрузке от старых дел, по устранению волокиты и поднятию качества работы следователей.

Точно так же конкретные указания об устранении недочетов даны и по всем другим отраслям прокурорской работы.

Прокуратура республики наметила заслушать доклад донецкой областной прокуратуры о работе, проведенной по устранению отмеченных обследованием недочетов.

Надо полагать, что новое руководство донецкой областной прокуратуры, при активном содействии всего прокурорского коллектива Донецкой области, сумеет осознать те величайшей важности задачи, которые стоят перед прокуратурой в эпоху Великой Сталинской Конституции, сумеет покончить с политической слепотой и беспечностью, имеющими широкое распространение в практике работы прокуратуры, и вывести прокуратуру Донецкой области в ряд передовых прокуратур.

Руководство со стороны прокуратуры Украины органами прокуратуры Донбасса должно быть в серьезной мере перестроено. Это руководство должно быть повседневным и систематическим. Прокуратура республики должна обеспечить максимальную живую связь с Донбассом и помочь прокурорским органам этой области наладить работу. Этого настоятельно требуют значение и специфика Донбасса.

С. Коган.

Казахская ССР

Бюрократизм и волокита в органах Казахской прокуратуры

Поступающие в Прокуратуру Союза ССР жалобы трудящихся на бездушно-бюрократическое отношение к их заявлениям со стороны отдельных должностных лиц, в том числе работников суда и прокуратуры, свидетельствуют о недостаточной борьбе с этим злом.

Еще 3-й пленум Комиссии советского контроля при СНК СССР (в мае 1936 г.) особо подчеркнул недопустимость волокиты и формально-бюрократического отношения к заявлениям и жалобам трудящихся.

Успехи социалистического строительства в нашей стране и рост общественной активности трудящихся ставят с особой остротой вопрос

об усилении борьбы с недостатками и бюрократическими извращениями в советском аппарате, а также с фактами нарушения революционной законности.

Громадна роль прокуратуры как в центре, так и на местах в борьбе с нарушениями революционной законности, с волокитой, бюрократизмом и семейственностью в наших советских аппаратах.

Количество поступающих в Прокуратуру Союза ССР жалоб трудящихся с каждым годом увеличивается (в 1936 г. в два раза против 1935 г.). Это обстоятельство, с одной стороны, свидетельствует о росте сознательности, чувства собственного достоинства, громадном доверии к коммунистической партии и советской власти, а с другой стороны, это же говорит о том, что на местах еще далеко не искоренены бюрократы, бездушные чиновники, а то часто и прямые враги народа, которые сеют своей подлой, вредительской деятельностью недовольство среди трудящихся нашей страны.

Сталинская Конституция обязывает органы прокуратуры в центре и особенно на местах в срочном порядке проверить свою работу в области борьбы с бюрократизмом, волокитой, с нарушениями революционной законности, перестроить ее и повести немедленно самую беспощадную борьбу с этими язвами нашей советской жизни.

Нужно всегда помнить указания товарища Сталина, «что решительная и систематическая борьба с косностью, бюрократизмом, волокитой в наших аппаратах является одной из существенных задач партии, рабочего класса и всех трудящихся нашей страны». Это указание необходимо особенно помнить, когда речь идет о борьбе с волокитой при взыскании алиментов на содержание детей.

Мы имеем лучшее в мире законодательство по охране интересов матери и ребенка. Но бюрократы и бездушные чиновники искажают эти прекрасные законы, не борются за проведение их в жизнь, а нередко, наоборот, прикрывают мужей и отцов, злостно укрывающихся от уплаты причитающихся с них алиментов.

На это недопустимое явление указывал Прокурор Союза еще в своем циркуляре от 31 мая 1934 г. по вопросу о борьбе органов прокурорского надзора с волокитой при взыскании присужденных на содержание детей алиментных платежей.

В этом циркуляре отмечалось, что многие работники прокуратуры недооценивают всю важность обеспечения своевременного и бесперебойного взыскания алиментов и подчас проявляют неуместную снисходительность и мягкотелость в делах этого рода, ограничиваясь бумажными запросами и бесплодной перепиской там, где закон требует решительных мероприятий, вплоть до привлечения виновных к уголовной ответственности.

В циркуляре от 8 августа 1936 г. по вопросу о надзоре прокуратуры за выполнением постановлений ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. Прокурор Союза констатирует, что «формально-бюрократическое отношение к заявлениям и жалобам женщин, требующих розыска скрывающихся отцов и взыскания с них алиментов, явная недооценка дел об алиментах, непринятие участия в суде по этим

делам... продолжают иметь место в работе многих органов прокуратуры». В циркуляре предлагалось при рассмотрении жалоб и заявлений матерей о розыске скрывающихся от платежей алиментов отцов применять меры оперативного разрешения жалобы прокурором (вызов ближайших родственников разыскиваемого и пр.), возбуждать дела в защиту матери и ребенка в порядке ст. 2 ГПК РСФСР (и соответствующих статей ГПК других союзных республик), обеспечивая личное участие прокурора в этих процессах, добиваясь скорейшего рассмотрения алиментных дел в суде и своевременного исполнения вынесенных по ним решений, неуклонно требовать от суда применения ст. 291 ГПК РСФСР (и соответствующих статей ГПК других союзных республик) при обнаружении несвоевременных удержаний из зарплаты ответчика, утери исполнительного листа, расходования удержанных сумм на другие надобности и т. п., со взысканием всей задолженности с учреждения или предприятия с привлечением виновных к уголовной или административной ответственности.

В циркуляре от 7 апреля 1936 г. «О работе прокуратуры по гражданским делам» Прокурор Союза ССР предлагал решительно улучшить работу прокуратуры по жалобам трудящихся, обеспечивая максимально быстрое их рассмотрение и вмешательство прокуратуры во всех случаях нарушения материально-имущественных прав и интересов трудящихся неправильным судебным решением, действиями товарища или судебного исполнителя.

Приведенными выше циркулярами Прокурор Союза достаточно четко сигнализировал прокурорским работникам о необходимости быстрого и решительно бороться с волокитой.

Там, где нет большевистской чуткости к заявлениям жалобщиков и к их острым нуждам, где нет элементарного чувства ответственности за порученное дело, только там и могут расти «ядовитые грибы» волокиты и бюрократизма. На эту волокиту в органах прокуратуры и суда ежедневно жалуются прежде всего сами многочисленные жалобщики и ряд прокуроров.

Приведем несколько характерных примеров из практики работы по жалобам прокуратуры Казахской ССР.

Работница текстильной фабрики из Ферганы Белбетова В. В. прислала жалобу в Прокуратуру СССР. В ней она указывает, что в апреле 1936 г. лист передан исполнительный лист старшему народному судье г. Алма-Ата на взыскание алиментов с гр-на Шандыбина, но алименты она не получает. Неоднократно она обращалась за содействием в алма-атинскую прокуратуру (города и Казахской ССР), но ответа не получила. Наконец, Б. обращается с жалобой в ЦИК Казахской ССР. Управделами последнего 28 сентября 1936 г. ответил ей коротко: «Шандыбин не разыскан». На это Б. ответила управделами ЦИК подробным письмом с указанием адреса разыскиваемого мужа. Письмо это направляется 13 января 1937 г. из ЦИК Казахской ССР в прокуратуру республики.

Не получая долго ответа на свое письмо, жалобщница выехала сама в Алма-Ата. В прокуратуре ее встретили не очень любезно и направили к старшему судье. Тот вернул Б.

обратно к прокурору Шапириной, которая не нашла ничего лучшего, как написанную повестку, с вызовом ответчика Шандыбина в прокуратуру, передать самой гр-ке Б. для передачи Шандыбину. Б. запротестовала, и Шандыбин был вызван в прокуратуру через милицию. Не отпираясь от обязанности уплачивать алименты, Шандыбин тут же вручил Б. 70 руб. и обещал впредь более аккуратно высылать ей деньги.

16 февраля гр-ка Б. выехала обратно в Фергану. Здесь ее ожидали сюрпризы: сообщение прокурора г. Алма-Ата от 11 февраля 1937 г. о том, что «по проверке всех адресов в Алма-Ата... установлено, что Шандыбин выбыл неизвестно куда...» Любезно ответило гр-ке Б. и управление делами СНК КССР, что «Шандыбин выбыл из Алма-Ата еще до получения исполнительного листа. Всеми принятыми мерами Шандыбина в г. Алма-Ата разыскать не удалось...» После этого гр-ка Б. ни денег, ни ответа на свои жалобы получить не может.

Прокурор Ростовского района, Ярославской области пишет Прокурору СССР, что с марта 1936 г. он неоднократно просит прокурора г. Уральска, прокуратуру Казахской ССР, прокуратуру РСФСР и, наконец, СНК КССР, чтобы они приняли меры к своевременному взысканию алиментов с проживающего в г. Уральске гр-на Евдокимова, но ответа на свои письма райпрокурор не получает. Ему ответил лишь управделами Казахского СНК, что гр-н Неустров не разыскан.

Районный прокурор, естественно, возмущен. «Мы разыскиваем не Неустроева,— пишет он,— а Евдокимова, который проживает в г. Алма-Ата, по ул. Плясуновской, д. № 38. Это подтверждается тем, что сам Евдокимов 17 сентября 1936 г. переслал алименты с указанием этого адреса. Исполнительный лист был еще в 1930 г. переслан по месту работы ответчика. Истица несколько раз просила прокуратуру г. Алма-Ата о розыске, но та ничего ей не ответила».

В течение 9 лет скрывался гр-н Тесаков П. С. от уплаты алиментов гр-ке С. Наконец, он был обнаружен в г. Алма-Ата. Узнав об этом, Тесаков быстро переехал в г. Семипалатинск. Народный суд 26 сентября 1936 г. присудил алименты с Тесакова. Исполнительный лист УРКМ по Куйбышевской области был направлен прокурору г. Семипалатинска для принятия мер ко взысканию алиментов. Не получая больше месяца ответа, УРКМ обращается за содействием в прокуратуру Казахской ССР. Ответа нет. Воспользовавшись этой волокитой гр-н Тесаков выехал из Семипалатинска в г. Алма-Ата, где устроился на работу в Стройконторе Наркомхоза. Бездействовавший до того времени судебный исполнитель г. Семипалатинска 9 января 1937 г. направил исполнительный лист в народный суд г. Алма-Ата, о чем и известил истицу.

На длительную волокиту жалуется также прокурор Куйбышевской области. Он с июля 1936 г. ведет переписку с прокурором Казалинского р-на, Южно-Казахстанской области, по вопросу о взыскании алиментов с гр-на Говорова И. Е. в пользу гр-ки Говоровой. Исполнительный лист был последней выслан на имя РК ВКП(б), но денег она не получает. По жалобе Говоровой прокурор Куйбышевской обла-

сти безрезультатно писал казалинскому райпрокурору четыре напоминания, а также жалобу прокурору Южно-Казахстанской области.

В нашей работе приходится даже сталкиваться с фактами прямого покровительства «алиментщикам» со стороны администрации учреждений, где алиментщики работают, а иногда и со стороны отдельных работников суда и прокуратуры, особенно судебных исполнителей.

Гр-н Болдицын перевелся на работу из Самарканда. В 1934 г. гр-ка З. предъявила иск к Болдицыну об алиментах. Получив исполнительный лист, она направила его в Алма-атинское управление НКВД для удержания алиментов. Но там не приняли должных мер. З. писала жалобы администрации учреждения и прокуратуре Алма-Ата, но ответа от них не получила. В конце концов она обратилась за содействием в Прокуратуру СССР, которая 25 февраля п. г. предложила прокуратуре Казахской ССР проверить жалобу и принять соответствующие меры. Вызванный в прокуратуру республики гр-н Болдицын (комендант Дома культуры) подтвердил, что действительно исполнительный лист бухгалтерия управления НКВД в 1934 г. получила, но денег по нему не удерживала, а сам Болдицын денег не вносит. Только после вмешательства Прокуратуры Союза гр-н Болдицын и бухгалтер привлечены к ответственности.

Об исключительной волоките пишет Прокурору Союза ССР военный прокурор бригады ж.-д. войск. С 1 января по 31 декабря 1932 г. гр-н Савриков с отцом работали распиловщиками лесоматериалов в Нижнеталасском райисполкоме Казахской ССР. Оба они заработали по 1862 руб., но денег не могли получить. В 1934 г. Саврикова призвали в Красную Армию. Здесь он подает жалобу по команде, что ему госучреждение не выплатило трудовые деньги. Военком полка начинает переписку с риком по этому вопросу. Ответа не получает. Тогда военком обращается за содействием к нижнеталасскому райпрокурору. Этот тоже молчит. Военком обращается к военному прокурору бригады. Тот 19 мая 1935 г. обращается в прокуратуру Казахской ССР с просьбой о привлечении к ответственности волокитчиков. 5 июля 1935 г. военный прокурор шлет одно за другим четыре напоминания, но ответа не получает.

Тогда военный прокурор бригады обращается по этому поводу к Прокурору СССР и РСФСР. Весь 1936 год идет переписка, в том числе и по телеграфу, между прокуратурой РСФСР и прокуратурой Казахской республики. И лишь на телеграмму Прокурора СССР от 2 марта 1937 г. прокурор Казахской ССР отвечает, что им были своевременно приняты меры к проверке причин задержки выплаты денег красноармейцу Саврикову. На его, прокурора, запрос прокурор Южно-Казахстанской области сообщил, что зарплата Саврикову выплачена еще 1 августа 1936 г. Об этом Прокуратура была поставлена в известность и военный прокурор бригады. Последний через некоторое время сообщил, что деньги получены не красноармейцем Савриковым, а его отцом, как лично им заработанные. Ввиду этого прокурору Южно-Казахстанской области было предложено проверить это обстоятельство, но,

несмотря на ряд телеграмм и напоминаний, прокуроры Южно-Казахстанской области и Таласского района не отвечали.

Не получив помощи от прокурора Казахской ССР, военный прокурор командировал в Таласский р-н своего работника, который на месте и установил, что Таласский рик действительно не уплатил красноармейцу 1 591 руб. В результате такой оперативности военного прокурора деньги с рика были получены и переданы красноармейцу Саврикову.

В своем ответе Прокуратуре СССР прокурор Казахской ССР ни словом не обмолвился, какое же наказание понесли конкретные виновники волокиты, в том числе и работники

прокуратуры Казахской ССР, а также, почему он сам не мог проявить оперативности, как это сделал военный прокурор.

Из приведенных фактов видно, как бюрократически-бездушно относятся в прокуратуре Казахской ССР к жалобам трудящихся.

Гр. Зайцев

ОТ РЕДАКЦИИ. Редакция обращает внимание прокурора Казахской ССР на приведенные в статье вопиющие факты бюрократизма в органах прокуратуры и ждет сообщения, что предпринято прокуратурой Казахской ССР для недопущения таких явлений в дальнейшем.

О работе с группами содействия

Имеющиеся в распоряжении Прокуратуры Союза ССР материалы свидетельствуют о почти полном забвении работниками прокуратуры такого участка, как работа с общественным активом, в частности с группами содействия прокуратуре.

Многие прокуроры не понимают того, что правильная организация работы групп содействия, которые являются одной из важнейших форм реализации Ленинской идеи вовлечения масс в управление государством, значительно способствует борьбе органов прокуратуры за социалистическую законность.

Эта форма привлечения общественности к нашей работе будет несомненно способствовать внедрению социалистического правосознания в широкие массы трудящихся, не говоря уже о той огромной практической помощи, которую группы содействия могут оказывать прокурорским органам в их повседневной работе.

Считая организацию групп содействия и привлечение их работы важнейшей задачей в деле усиления связи органов прокуратуры с широкими слоями трудящихся города и деревни, предлагаю всем прокурорам принять следующие меры:

1. Приступить к организации на отдельных фабриках, заводах, в колхозах и учреждениях групп содействия прокуратуре, вовлекая в их работу людей, не вызывающих сомнения ни в политическом, ни в моральном отношении.

Вовлечение в группы содействия проводить при помощи низовых партийных и профсоюзных организаций, исключительно на основе принципа добровольности и заинтересованности в работе. Там, где эти группы существуют, проверить их состав и закрепить в них проверенных и активно проявивших себя на этой работе людей.

2. Основной функцией групп содействия должна являться своевременная сигнализация органам прокуратуры о всех фактах нарушения революционной законности. В соответствии с этим:

а) Группы содействия на фабриках, заводах должны обратить свое внимание на борьбу с хищениями социалистической собственности, на вопросы нарушения правил техники безопасности, аварийности, выпуска недоброкачественной продукции, противодействия стахановскому движению, бесхозяйственностью и т. д.

б) Деятельность групп содействия в колхозах должна быть направлена в сторону выявления фактов нарушений и извращений Ста-

линского колхозного устава, хищения социалистической собственности, антигосударственных тенденций правлений колхозов по линии хлебосдачи, выполнения налоговых обязательств и т. д. и своевременной сигнализации об этих фактах нарушений социалистической законности органам прокуратуры.

в) Члены групп содействия выполняют отдельные поручения прокурора по проверке жалоб и заявлений, не содержащих в себе признаков уголовного преступления, с тем, чтобы окончательное решение по результатам проверки принимал только прокурор. Следует помнить, что на членов групп содействия не могут возлагаться функции, предоставленные законом прокурору или следователю.

г) Наиболее подготовленные члены групп содействия должны привлекаться к выполнению функций общественных обвинителей. В этих случаях прокуроры обязаны руководить подготовкой их к выступлениям в процессах.

3. Прокуроры обязаны:

а) Периодически созывать совещания членов групп содействия для инструктажа, обмена опытом работы и разъяснения важнейших законов и правительственных постановлений.

б) Организовать работу членов групп содействия так, чтобы они являлись проводниками социалистической законности на своем предприятии, в колхозе, в учреждении, популяризуя важнейшие законы и постановления правительства среди своего коллектива.

в) Организовать периодические отчеты членов групп содействия на общих собраниях своего коллектива.

4. Учитывая все политическое значение подготовки к предстоящим выборам в Верховный Совет, мобилизовать группы содействия на эту важнейшую государственную задачу.

5. Обязываю прокуроров республик, краев и областей возложить на начальников отделов кадров изучение и обобщение практики работы групп содействия, в целях усиления руководства их работой.

О принятых мерах по настоящему письму сообщить мне к 25 декабря с. г.

В дальнейшем каждые шесть месяцев (к 1/VII и 1/1) информировать меня специальной докладной запиской о состоянии работы групп содействия.

Прокурор Союза ССР А. Вышинский
23 ноября 1937 г.

№ 84/6

СВОДКА ВАЖНЕЙШИХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ

I. Советское строительство

1. Госустройство и управление

1. Об изменении отчетности сельских советов и районных исполнительных комитетов—пост. ЦИК и СНК СССР от 27/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 65, ст. 287).
2. О ликвидации Всесоюзного совета по делам коммунального хозяйства при ЦИК СССР—пост. ЦИК СССР от 10/VIII 1937 г. (С. З. № 67, ст. 305).
3. Об избирательных участках в северных и кочевых районах и в мелких поселениях—пост. ЦИК СССР от 3/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 67, ст. 306).
4. О дне выборов в Верховный Совет СССР—пост. ЦИК СССР от 11/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 68, ст. 310).
5. Об утверждении состава Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР—пост. ЦИК СССР от 11/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 68, ст. 311).
6. Об избирательных округах по выборам в Совет Союза—пост. ЦИК СССР от 11/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 68, ст. 312).
7. О внесении в избирательные списки лиц, имеющих судимость и находящихся под следствием—пост. ЦИК СССР от 16/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 69, ст. 315).
8. Об организации избирательных участков на судах—пост. ЦИК СССР от 16/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 69, ст. 316).
9. Об организации в составе Наркомфина СССР Контрольно-ревизионного управления—пост. ЦИК и СНК СССР от 23/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 70, ст. 329).
10. О порядке невнесения в списки избирателей лиц, признанных умалишенными—пост. ЦИК СССР от 23/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 70, ст. 330).
11. О дополнении Положения о Народном комиссариате финансов Союза ССР—пост. ЦИК и СНК СССР от 1/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 71, ст. 335).
12. Об организации избирательных участков при больницах, родильных домах, санаториях, домах инвалидов и других лечебных учреждениях—пост. ЦИК СССР от 1/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 71, ст. 338).
13. О создании избирательных участков в пассажирских поездах дальнего следования—пост. ЦИК СССР от 1/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 71, ст. 339).
14. О ликвидации комиссии содействия ученым при СНК СССР—пост. СНК СССР от 11/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 72, ст. 349).
15. Об изменении структуры Госплана СССР—пост. ЦИК и СНК СССР от 22/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 74, ст. 359).

2. Просвещение

16. О распространении периодической печати—пост. СНК СССР от 13/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 72, ст. 350).
17. Об отмене постановления ЦИК и СНК СССР от 27 апреля 1933 г. о размере стипендий для аспирантов—пост. ЦИК и СНК СССР от 11/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 73, ст. 353).
18. О введении штатных должностей и должностных окладов для профессорско-преподавательского состава в вузах—пост. СНК СССР от 11/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 73, ст. 354).
19. О размере стипендий для аспирантов высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов—пост. СНК СССР от 11/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 73, ст. 355).
20. О повышении стипендий студентов вузов—пост. СНК СССР от 11/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 73, ст. 356).

II. Народное хозяйство

1. Планирование и учет

21. Об отмене вредительской системы планирования на хлопчатобумажных фабриках—пост. СНК СССР от 16/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 64, ст. 278).
22. О всесоюзной переписи скота по состоянию на 1 января 1938 г.—пост. СНК СССР от 19/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 74, ст. 362).
23. О всесоюзной переписи населения—пост. СНК СССР от 25/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 65, ст. 292).

2. Промышленность

24. О техническом руководстве хлопчатобумажной промышленностью Наркомлегпромом СССР—пост. СНК СССР от 16/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 64, ст. 279).
25. О подготовке и переподготовке кадров хлопчатобумажной промышленности—пост. СНК СССР от 16/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 64, ст. 281).
26. Об обеспечении хлопчатобумажных фабрик Наркомлегпрома СССР запасными частями, деталями и подсобными материалами—пост. СНК СССР от 16/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 64, ст. 282).
27. О производстве текстильного оборудования—пост. СНК СССР от 16/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 64, ст. 283).
28. О ремонте оборудования хлопчатобумажной промышленности Наркомлегпрома СССР—пост. СНК СССР от 16/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 64, ст. 284).
29. Об улучшении дела приемки, хранения и первичной переработки хлопка—пост. СНК СССР от 16/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 64, ст. 285).

30. Об улучшении ассортимента хлопчатобумажных тканей—пост. СНК СССР от 16/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 64, ст. 286).

31. Об организации Главного управления вторичных цветных металлов в системе Наркомтяжпрома—пост. СНК СССР от 14/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 69, ст. 321).

32. О разделении Главного управления цветной металлургии Наркомтяжпрома—пост. СНК СССР от 22/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 69, ст. 322).

33. Об организации геологоразведочных и поисковых работ в СССР—пост. СНК СССР от 17/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 73, ст. 357).

34. О разукрупнении Главного управления автотракторной промышленности (ГУТАП) Народного комиссариата машиностроения—пост. СНК СССР от 16/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 73, ст. 358).

3. Земля и сельское хозяйство

35. О плане посева сортового картофеля в 1938 г.—пост. СНК СССР от 23/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 70, ст. 332).

36. О порядке установления карантина при заразных заболеваниях животных—пост. ЦИК и СНК СССР от 4/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 71, ст. 333).

37. О льготах по сельскохозяйственному переселению—пост. ЦИК и СНК СССР от 17/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 73, ст. 352).

III. Финансы

38. Об изменении постановления ЦИК и СНК СССР от 27 сентября 1936 г. «Об отчислениях от страховых платежей по обязательному окладному страхованию на меры предупреждения и борьбы с пожарами и падежом скота»—пост. ЦИК и СНК СССР от 27/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 65, ст. 288).

39. Об изменении законодательства СССР, касающегося процентных ставок по операциям кредитных учреждений—пост. ЦИК и СНК СССР от 27/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 65, ст. 289).

40. Об утверждении перечня статей расходов в параграфах бюджетной классификации для учреждений, состоящих на бюджете—пост. СНК СССР от 15/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 69, ст. 319).

41. О дополнении инструкции «О порядке открытия расчетных счетов главным управлениям промышленных наркоматов и о правилах производства операций по ним»—пост. СНК СССР от 15/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 69, ст. 324).

42. О руководстве комиссиями содействия государственному кредиту и сберегательному делу на предприятиях, в учреждениях и в колхозах—пост. ЦИК и СНК СССР от 4/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 71, ст. 336).

43. Положение об Управлении драгоценных металлов Народного комиссариата финансов Союза ССР—пост. СНК СССР от 27/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 71, ст. 345).

IV. Торговля, заготовка и снабжение

44. Об очистке складов, элеваторов и мельниц от зерновых отходов—пост. СНК СССР от 22/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 65, ст. 294).

45. Об отмене вредительской инструкции Комитета заготовок при СНК СССР по проведению мер борьбы с амбарными вредителями от 20 апреля 1936 г. и циркуляра «Заготзерно» № 120 от 29 апреля 1937 г.—пост. СНК СССР от 25/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 65, ст. 225).

46. О возложении на Народный комиссариат здравоохранения наблюдения и контроля за оборотом в Союзе ССР опиума и других наркотических веществ—пост. СНК СССР от 22/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 69, ст. 323).

47. Об отмене примерного договора на контрактацию конопли урожая 1937 г.—пост. СНК СССР от 3/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 67, ст. 308).

48. О выплате премий-надбавки хлопковым совхозам за сверхплановую сдачу хлопка-сырца урожая 1937 г.—пост. СНК СССР от 5/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 69, ст. 325).

49. Об отмене действующих норм выработки и расценок по подработке хлебопродуктов на складах «Заготзерно» и «Гламуки»—пост. СНК СССР от 8/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 69, ст. 326).

50. О льготах по обязательным поставкам молока государству—пост. СНК СССР от 2/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 71, ст. 342).

51. О возврате колхозам зерна, сданного ими сверх обязательств—пост. СНК СССР от 25/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 71, ст. 343).

52. О порядке оплаты колхозам и товариществам сверхплановой сдачи рыбы в районах деятельности Главсевморпути—пост. СНК СССР от 23/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 71, ст. 344).

V. Кооперация

53. О порядке ликвидации жилищных кооперативов и их союзов, передачи ими домов, дач, предприятий и имущества и расчета с пайщиками—пост. СНК СССР от 25/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 74, ст. 360).

VI. Коммунальное и жилищное хозяйство

54. О ставках квартирной платы для лиц начальной части состава Рабоче-крестьянской милиции, получивших специальные звания—пост. ЦИК СССР от 27/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 65, ст. 290).

55. О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах—пост. ЦИК и СНК СССР от 17/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 69, ст. 314).

56. О передаче метрополитена в ведение Московского совета—пост. СНК СССР от 21/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 71, ст. 347).

57. Об утверждении типового договора на сдачу в арендное пользование жилых домов размером не свыше 60 квадратных метров жилой площади—пост. СНК СССР от 26/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 74, ст. 361).

58. О ликвидации Всесоюзного совета по делам коммунального хозяйства при ЦИК СССР—пост. ЦИК СССР от 10/VIII 1937 г. (С. З. № 67, ст. 305).

VII. Труд и соцстрахование

59. О повышении заработной платы отдельных категорий рабочих и инженерно-технических работников хлопчатобумажной промыш-

ленности — пост. СНК СССР от 16/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 64, ст. 280).

60. О порядке назначения и смещения административно-технического персонала совхозов Наркомсовхозов — пост. ЦИК и СНК СССР от 27/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 65, ст. 291).

61. Об улучшении материального положения работников связи — пост. СНК СССР от 25/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 65, ст. 293).

62. О повышении заработной платы отдельным категориям рабочих и инженерно-технических работников угольной промышленности — пост. СНК СССР от 5/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 67, ст. 307).

63. О создании большей устойчивости работников на подземных работах и заключении индивидуальных договоров на 5 лет — пост. СНК СССР от 5/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 69, ст. 318).

64. О повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим фабрично-заводской промышленности и транспорта — пост. СНК СССР от 1/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 71, ст. 340).

65. Об увеличении заработной платы некоторым категориям работников системы Наркомвнторга СССР — пост. СНК СССР от 27/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 71, ст. 341).

66. Об отмене постановления ВЦИК «О порядке содержания фабрично-заводских комитетов, местных комитетов и заменяющего их делегатского института» — пост. ЦИК и СНК СССР от 13/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 72, ст. 348).

VIII. Социальное обеспечение

67. О порядке назначения и выплаты пенсий за выслугу лет научным работникам высших учебных заведений и научных учреждений, находящихся в ведении органов СССР — пост.

ЦИК и СНК СССР от 4/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 71, ст. 337).

IX. Судостроительство, судопроизводство, уголовное и гражданское право

68. Постановление Центрального исполнительного комитета СССР от 2 октября 1937 г. (изменения ст. 18 «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик») (С. З. 1937 г. № 66, ст. 297).

X. Административное право

69. О разделении Московской области на Тульскую, Рязанскую и Московскую области — пост. ЦИК СССР от 26/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 66, ст. 298).

70. О разделении Восточно-Сибирской области на Иркутскую и Читинскую области — пост. ЦИК СССР от 26/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 66, ст. 299).

71. О разделении Западной и Курской областей на Смоленскую, Орловскую и Курскую области — пост. ЦИК СССР от 27/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 66, ст. 300).

72. О разделении Воронежской области на Тамбовскую и Воронежскую области — пост. ЦИК СССР от 27/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 66, ст. 301).

73. О разделении Западно-Сибирского края на Новосибирскую область и Алтайский край — пост. ЦИК СССР от 28/IX 1937 г. (С. З. 1937 г. № 66, ст. 302).

74. О введении фотографических карточек на паспортах — пост. ЦИК и СНК СССР от 23/X 1937 г. (С. З. 1937 г. № 70, ст. 328).

75. Об освобождении некоторых категорий лиц от выполнения обязанностей сельских исполнителей — пост. ЦИК и СНК СССР от 4/XI 1937 г. (С. З. 1937 г. № 71, ст. 334).

ПОПРАВКИ К ЖУРНАЛУ «СОЦЗАКОННОСТЬ» № 12

Страница	Колонка	Строка	Напечатано	Надо
27	Правая	39 сверху	партийная	Партийная. Советы есть прямое выражение диктатуры пролетариата (и далее по тексту)
48	Левая	Источник		Смотри статью тов. Вышинского «Речь товарища Сталина 4 мая и задачи органов юстиции», опубликованную в жур. «Сов. юстиция» за 1935 г. № 18, стр. 4.
48	Правая	5 сверху	VII всесоюзного	Чрезвычайного VIII Всесоюзного (и далее по тексту)

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Речь товарища И. В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы, 11 декабря 1937 г.	1
Сообщение Центральной Избирательной Комиссии об общих итогах выборов в Верховный Совет СССР	4
Сообщение Центральной Избирательной комиссии о количестве избирателей, голосовавших за кандидатов блока коммунистов и беспартийных на выборах в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 г.	5
Справка о том, на какое количество избирателей опирается правительство в СССР и правительства в других странах	6
О созыве первой сессии Верховного Совета СССР	7
А. Вышинский — Верховный Совет СССР избран	8
Л. Шейнин — Славные юбилеи	16
М. Савицкий — Прокуратура на страже избирательного закона	19
М. Львович — Вольский избирательный округ	22
Я. Горбулев и Р. Рахунов — Кадры	26
Б. Борисов — Суд и прокуратура на страже гарантированного Сталинской Конституцией права на труд	32
Д. Швейцер — Борьба за законность в области разрешения трудовых конфликтов	38
Б. Шавер — Об основных принципах частной методики расследования преступлений	42 ✓
Н. Терзиев — Химические исследования в криминалистике	57 ✓
С. Митричев — К вопросу о советской криминалистике	62
С. Богуславская — О жалобах и жалобщиках	66
Мартынов — Авторские права научных работников	72
Обмен опытом	75
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	97
По союзным республикам	103
Официальный отдел	118
Сводка важнейших постановлений	119

Ответственный редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ.

Рукопись поступила в издательство 1/II 1938 г. Формат 70×107
Подписано в печати 10/II 1938 г. 7¹/₂ п. л. 21,6 авт. лист.

Ю—4п.; № 5

Сдано в производство 10/II 1938 г.
В одном бум. листе 216 000 экз.

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Технический редактор Н. РУШКОВСКИЙ.

Уполномоч. Главлита РСФСР № Б—31097

Зак. № 3176.

Тираж 4800 экз.

17 типография ОГИЗ треста „Полиграфкнига“. Москва, Шлюзовая наб., 10.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Колонка</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
4	левая	16 снизу	в голосо- кампаний.	в голосовании компаний.
22	правая	2 снизу	незначительном	значительном
72	"	3 сверху	прекращение	прекращении
77	левая	35 снизу	мягкостью	мягкостью
81	"	27 снизу	наследователя	наследодателя
86	"	8 сверху	наследователя	наследодателя
87	"	20—21 снизу	наследователя	наследодателя
89	"	19 снизу	в наследстве	в наследстве
90	"	5 снизу	постановление	постановление
90	правая	14 сверху	работающий	работающей
93	левая	20 снизу	внедрения	внедрении
100	правая	3 сверху	в суд	и суд
117	"	6 снизу	Редакции	Редакция
120	"	22 сверху	„Гламуки“	„Главмуки“